

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ
им. проф. Б. А. ЛАРИНА

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Издается с 1969 года

Выпуск 10

Межвузовский сборник

Ответственный редактор профессор *А. С. Герд*

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2009

УДК 800.87
ББК 81.2Рус-67я5
С28

Редакционная коллегия: д-р филол. наук проф. *А. С. Герд* (отв. редактор, С.-Петербург), канд. филол. наук доц. *Л. П. Михайлова* (Петрозаводск), д-р филол. наук проф. *Л. А. Ивашко* (С.-Петербург), канд. филол. наук доц. *И. С. Лутовинова* (С.-Петербург), д-р филол. наук проф. *С. А. Мызников* (С.-Петербург).

Ответственный секретарь канд. филол. наук *Е. В. Пурицкая* (С.-Петербург)

Редакционный совет: д-р филол. наук проф. *Н. В. Богданова* (С.-Петербург), д-р филол. наук проф. *В. В. Колесов* (С.-Петербург), канд. филол. наук доц. *Н. В. Маркова* (Петрозаводск), д-р филол. наук проф. *И. И. Муллонен* (Петрозаводск), д-р филол. наук проф. *Е. А. Нефедова* (Москва), д-р филол. наук проф. *Н. С. Сергиева* (Сыктывкар), д-р филол. наук проф. *Г. В. Судаков* (Вологда), д-р филол. наук проф. *В. И. Трубинский* (С.-Петербург), д-р филол. наук проф. *О. А. Черепанова* (С.-Петербург)

Рецензент: канд. филол. наук *С. С. Волков* (С.-Петербург)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
факультета филологии и искусств
С.-Петербургского государственного университета*

Севернорусские говоры. Вып. 10: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. — 224 с.

Сборник (вып. 9 вышел в 2008 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. За прошедшие годы у сборника сложился прочный коллектив авторов от Петербурга до Мурманска, Вологды, Кирова, Новгорода, Петрозаводска, Пскова. И сегодня авторитет, признание и нестарение сборнику приносят тематическое единство, стабильность названия, оформления, авторский коллектив, свежесть материалов и идей.

Для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

ББК 81.2Рус-67я5

© Факультет филологии и искусств С.-Петербургского университета, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю выпуск сборника «Севернорусские говоры» — юбилейный — десятый.

Издание сборника было предпринято в 60-е годы XX в. по инициативе Н. А. Мещерского, он любил этот сборник и уделял ему постоянное внимание.

За долгие годы сборник «Севернорусские говоры» завоевал широкое признание и авторитет не только в России, но прежде всего в Финляндии, Скандинавии, а также в других европейских странах.

Статьи сборника отличает широкий славянский сравнительно-исторический фон, внимание к фактам древнерусской региональной письменности, к проблемам исторической географии.

Исследования, публикуемые на страницах сборника, традиционно связаны с проблемами русско-финских языковых контактов. Основная часть статей разных выпусков выросла из полевых экспедиций, из работы авторов над областными словарями.

И сейчас нельзя не вспомнить постоянных авторов сборника. Это безвременно покинувшие нас А. И. Корнев, Н. Г. Арзуманова, В. П. Строгова, Л. В. Капорулина, Е. И. Новикова и ныне здравствующие В. И. Трубинский, И. С. Лутовинова, О. С. Мжельская, Л. А. Ивашко, Ю. И. Чайкина, О. А. Черепанова, Г. В. Судачков, В. М. Мокиенко, Л. П. Михайлова, Л. А. Воронова, Т. Г. Доля, Ю. Ф. Денисенко.

Первый выпуск сборника «Севернорусские говоры» появился в 1970 г., когда трудно было представить, какими темпами будут развиваться компьютерные технологии. Десятый выпуск выходит в свет в 2009 г., когда на очереди — разработка автоматизированных баз данных по диалектным и топонимическим материалам, компьютерная ревитализация старых магнитофонных записей, электронные методы создания лингвистических карт, перенос уникальных фондов бумажных картотек на новые виды носителей.

Первые выпуски сборника публиковались в начале 70-х годов XX в., когда в спорах и дискуссиях еще лишь зарождались крупные лексикографические начинания нового типа, такие, как Псковский областной словарь с историческими данными, Словарь русских народных говоров и т. п.

Десятый выпуск выходит в свет спустя почти 40 лет после первого выпуска, когда уже почти вся Европейская Россия, а во многом и ее Азиатская часть, покрыты новыми региональными словарями, аннотированный перечень которых мог бы составить содержание отдельной статьи. В наши дни почти во всех вузах Европейской части России развернулась активная работа по созданию вместе с Российской Академией наук Лексического атласа русских народных говоров.

И вновь повторю: диалекты не умирают под влиянием школы, радио, телевидения, языка Тургенева или Чехова. Диалекты умирают тогда, когда искусственно, сверху, насильственно разрушается традиционный культурный ландшафт, когда искореняются и становятся ненужными традиционные промыслы, ремесла. В большинстве случаев в итоге спонтанного внутреннего развития диалекты медленно трансформируются в региолекты и интердиалекты.

И наш долг, долг филологов, этнографов, краеведов — записать, зафиксировать и сохранить все типы и формы речи, которые нас окружают сегодня.

А. Герд

ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ СОСТОЯНИЙ В ИСТОРИИ ЗАОНЕЖЬЯ¹

Обонежье на протяжении всего последнего тысячелетия было зоной активного этноязыкового контактирования. Онежское озеро служило своеобразным узловым пунктом, который связывал водные пути, шедшие с юга на север и запада на восток. Так что языковые типы складывались и существовали в условиях активного межъязыкового взаимодействия. В статье внимание будет сосредоточено не столько на доказательстве былого присутствия в Заонежье того или иного языкового типа (основные из них хорошо известны), сколько на механизмах взаимодействия между ними и их ареальной характеристике. Документальной основой служат материалы картотеки топонимов Заонежья, включающей около 10 тыс. географических названий. В ней безусловно преобладают русские топонимы, однако наряду с ними присутствуют следы других языковых типов, бытовавших в прошлом в Заонежье. Топонимия в силу присущей ей консервативности, способности легко усваиваться другой топонимической системой, четкой ареальной привязки, массовости отражает языковые контакты лучше и убедительнее, чем апеллятивная лексика.

Современная языковая ситуация в Обонежье складывалась поэтапно. Карта современного расселения карелов и вепсов показывает, что прибалтийско-финские ареалы, тяготея к онежскому побережью, только на участке расселения северных вепсов выхо-

¹Обширный лексический материал Заонежья включен в «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей». Эта статья родилась на основе материалов «Словаря топонимов Заонежья», который автор готовит к публикации вместе с А. С. Гердом и И. В. Азаровой.

дят непосредственно на берег озера. По Спискам населенных мест 1873 г. ситуация не отличалась принципиально от современной, хотя прибалтийско-финская территория на некоторых участках подступала ближе к побережью Онеги. Та тенденция отступления прибалтийско-финской территории от Онежского побережья, которая намечается по данным статистических источников последнего столетия, имеет, конечно же, более глубокие исторические корни. Это доказывается языковыми и, в частности, топонимическими данными Заонежского полуострова.

В Заонежской топонимии выявляется саамский языковой тип. Название несколько условно, поскольку языковое состояние, закрепленное в топонимах, может, скорее, быть охарактеризовано как прасаамское или отражает этап перехода от прасаамского к саамскому².

Количество достоверных саамских топонимов в Заонежье не столь велико — до двух-трех десятков названий. Они не образуют каких-то четко обозначенных ареалов, а разбросаны в качестве единичных вкраплений в топонимии полуострова, преобладая в его восточной части. Это типичный пример остаточного ареала, т. е. дошедших до наших дней реликтов разрушившегося на протяжении столетий саамского языкового типа в северном Обонежье. Наглядный пример такого разрушения — засвидетельствованная народной памятью и письменными источниками XIX в. смена саамского озера наименования *Нюхчаозеро* (саам. *njuk'ča* 'лебедь') в Кижской волости на озеро *Копанец*, произошедшая после того, как была прокопана канава для отвода воды из озера.

Остаточный характер подтверждается и наличием среди топонимов с саамскими истоками названий как микро-, так и макрообъектов. Для реконструкции характера контактов с последующим языковым типом важно учитывать, что саамские топонимы сохранились, с одной стороны, в достаточно глухих областях центрального Заонежья, для которых не было характерным массовое «залповое» заселение, а происходило постепенное, поэтапное освоение последующими этноязыковыми коллективами. В такой ситуации саамская топонимия имела больше шансов сохраниться. С другой стороны, саамские наименования мест присутствуют, наоборот, в прибрежных хорошо освоенных и населенных местах. Убедительным

²См.: Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

примером последней ситуации могут быть названия двух расположенных рядом островов в Заонежском заливе между Толвуйским и Челмужским берегами. Это топонимы *Ваблокостров*, в основе которого саам. *vavl*, *faw'le* 'путь, фарватер', и *Кайностров*, восходящее к саам. *gæid'*но 'дорога'. Именно здесь, в самом узком месте Заонежского залива, пролегал путь с одного берега на другой. Топонимы точно описывают ситуацию. При этом дорога, сложившаяся в саамское время, продолжала активно использоваться и в дальнейшем, с чем и связано сохранение саамского топонима. Определенную роль в сохранении реликтов предшествующего языкового типа играл, таким образом, статус объекта называния: наименования широко известных объектов имели больше шансов сохраниться.

Прибалтийско-финские языковые типы — вепсский и карельский — приходят на смену саамскому. Наличие прибалтийско-финских черт в языке заонежан отмечал уже первый собиратель заонежских былин П. Рыбников. На сегодняшний день, особенно после выхода Словаря русских говоров Карелии, а также работ С. А. Мызникова тезис о прибалтийско-финском наследии в языке Заонежья общепризнан. Знаменательно, однако, что исследователями-языковедами чаще всего не дифференцируются вепсское и карельское начала или же, как, например, в работах Д. В. Бубриха³ или В. В. Пименова⁴, проводится мысль о вепсских истоках языка и особенно топонимии Заонежья. Провести границу между вепсским и карельским элементами в субстратном языке Заонежья действительно непросто, поскольку речь идет о близкородственных языках с большим числом принципиально важных общих элементов.

Вепско-карельская дистрибуция на деле выливается в поиск критериев, разграничивающих вепские и собственно-карельские топонимные типы.

Анализ конкретного топонимического материала Заонежья позволил наметить три основных направления, по которым можно сгруппировать факты карело-вепсского языкового противостояния. Среди них, прежде всего, специфические топоосновы, восходящие к оригинальной вепсской или карельской лексике.

Пример дифференцирующей карельской топоосновы — модель *Юлмаки*. Она закрепилась в Заонежье в качестве названия по край-

³ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

⁴ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

ней мере три раза: покосы *Юлмаки* в Толвуде и Сенной Губе, а также деревня *Юлмаки* в Карасозере. При этом во всех случаях речь идет о высоких местах, что позволяет связывать истоки топонимов с карельским ландшафтным термином *julmäkkä* ‘круглая гора, крутой склон’, зафиксированным в карельских говорах Суоярви (KKS) в северо-западном Приладожье. Вепсскому языку это слово неизвестно.

Метод выявления дифференцирующих основ сопряжен с ареальной методикой исследования, т. е. выявлением путей проникновения дифференцирующих топонимных моделей в Заонежье. Картографирование модели *Юлмаки* показало, что заонежские фиксации — это восточная граница довольно обширного ареала, тянущегося из северного Приладожья на север и восток вдоль путей карельской экспансии. Заонежские *Юлмаки* хорошо вписываются в карельский ряд, тянущийся из северного Приладожья вдоль реки Суны. То, что модель отмечается во внутреннем Заонежье, говорит в пользу ее относительно позднего появления здесь: есть определенные исторические свидетельства, указывающие на освоение центральных районов полуострова после XVI в.⁵

В целом из списка, включающего более 30 дифференцирующих карельских топонимов Заонежья, значительная часть представлена в микротопонимах, что свидетельствует в пользу относительно молодого возраста названий и, соответственно, относительной молодости карельских связей в языке и культуре Заонежья.

Другой методический прием поиска наследия карельского и вепсского языковых типов связан с избирательным подходом топосистем разных языков к использованию лексики. В самом деле, общим словарным фондом вепсская и карельская система топонимов распоряжаются по-разному. И вепсскому, и карельскому языку известна лексема *malja* (карел.), *mal'* (вепс.) ‘чаша, чашка, миска’. Однако только карельская топонимия использует ее как метафорическое название гор, вепсской топосистеме эта модель чужда. В результате заонежские топонимы *Мальяшка*, *Мальяха*, *Малля* должны быть признаны карельскими, но не вепскими.

Третий критерий для различения карельского и вепсского начала в топонимии Заонежья — фонетический, основывающийся, с одной стороны, на звуковой специфике вепсского и карельского

⁵ *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962.

языка, с другой — на законах севернорусской фонетической обработки прибалтийско-финских оригиналов. Проиллюстрируем сказанное одним показательным примером — названием деревни *Рим*, входившей в Вырозерский куст поселений. Деревня находилась на краю обширного болота Римский Мох, что дает основание связывать ойконим с прибалтийско-финским словом *gäme* (вепс. *gäm-*, соб.-кар. *gieme*) ‘болото, поросшее чахлым лесом’. Однако при этом надо учитывать, что *ä* не может быть усвоено русскими говорами Заонежья в виде звука *и*, поэтому вепсская основа топонима невозможна. Зато карельская вполне вероятна, поскольку дифтонг *ie* как раз стабильно передается в русском Заонежье через *и*: урочище *Литяги* (*liete, lieteh* ‘мелкий песок’), мыс *Пиннаволох* (*pieni* ‘маленький’), поле *Пиндера* (*piennaq, piendaq* ‘обочина, межа’) и др.

В качестве одного из фонетических критериев карельского (не вепсского) истока адаптированных топонимов можно, видимо, рассматривать и освоение в Заонежье прибалтийско-финского *e* в виде *ы*: *Пырейгуба* (*pegä* ‘задний’), *Рыдойболото* и *Рыдручей* (*redu* ‘грязь, грязный’), поле *Пырнач* (*pegn* ‘крутой берег реки или озера’). Видимо, в данном факте отразилась более задняя огласовка карельского *e* на фоне русского. В Присвирье, где происходила адаптация вепсской топонимии, такой случай не зафиксирован. Видимо, это обусловлено особенностями вепсской фонетики, в которой в результате активного и длительного русского воздействия произошло определенное сужение гласных переднего ряда: ср. вепс. *p’eg’ä* при карельском *pegä* ‘задний’.

Применение трех названных выше критериев свидетельствует в пользу присутствия в топонимии Заонежья мощного карельского элемента, формировавшегося, по-видимому, в ходе неоднократного карельского внедрения в регион. На данном этапе не удается четко реконструировать ранние карельские этапы в Заонежье или провести четкую границу между разными этапами. Но однозначно доказывается большое значение в карельском освоении Заонежья XVI–XVII вв., когда происходил значительный отток карельского населения из Северо-Западного Приладожья. На поздний характер карельского языкового типа указывают некоторые обстоятельства, уже упомянутые вскользь выше, в частности привязка карельских топонимических типов, исходящих из северо-западного Приладожья, к внутренним областям полуострова, осваивавшимся поздно. В связи с этим обращает на себя внимание еще один факт: именно во внутреннем Заонежье представлена целая группа наименований

поселений, которые содержат в основе антропоним (имя, прозвище, фамилию) с бесспорными карельскими истоками.

Название входящей в состав Фоймогубы деревни *Кярзино* восходит к карел. *kärsä, kärgä*, вепс. *kärg* ‘рыло’, в переносном значении ‘(некрасивое) лицо’. Семантика слова такова, что оно легко переходило в разряд антропонимов прозвищного характера. Знаменательно, что исторические документы донесли до нас имя основателя деревни — Кипра Иванова Кярзина, который упоминается в писцовой книге 1563 г.⁶ В этой же писцовой книге в Фоймогубе впервые упоминаются по крайней мере еще два новых жителя с прибалтийско-финскими патронимами/фамилиями: Ушак Пекуев (карел. *Pekei* ‘Петр’) — основатель деревни *Пековской* или *Пековки*, а также Якимко Яковлев Лопакков (*lorakka* ‘человек с отвислой губой’), фамилия которого закрепилась в названии деревни *Лопакково*, впоследствии переименованной в Харлово. Не исключено, что в одном ряду с ними должны рассматриваться Манулка и Иванко Патракеевы. Патроним Патракеев закрепился позднее в названии деревни *Патрово*, при этом известно, что *Patro, Patroi* — это карельские варианты русского Патракей. Отантропонимные названия поселений отразили, таким образом, приток нового карельского населения на Путкозеро, в район Фоймогубы.

Расположенная во внутреннем Заонежье деревня Мягрозеро не отмечается даже на картах генерального межевания конца XVIII в., что говорит о ее позднем появлении. Это подтверждается косвенным образом и названиями мягрозерских деревень *Мехкель* и *Папикки*, которые восходят к соответствующим карельским антропонимам. Ойконим *Мехкель* содержит в основе прозвище или образовавшийся от него патроним *Möhkö* (*möhkö* ‘толстый’), известный в карельском ономастиконе Приладожья⁷ и оформленный антропонимным суффиксом *-li*. Впрочем, присоединение суффикса могло произойти уже в апеллятиве, породившем позднее антропоним: ср. *möhkäle* ‘громоздкий, бесформенный’. В свою очередь *Папикки* возможно связать с людиковским словом *rappine*, служившем для обозначения человека маленького роста⁸. На поздний возраст поселений указывает то, что антропонимы в чистом виде, без дополнительного суффиксального оформления или родового термина, закрепляются

⁶Там же. С. 269.

⁷*Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. P. 143.*

⁸Из полевых материалов Д. В. Кузьмина, записанных в 2004 г. от жительницы деревни Пелдожи.

в ойконимах в период вторичного освоения территории из традиционных центров заселения. Наглядным примером может служить топонимия смежного с Заонежьем карельского Сегозерья, где ойконимы, совпадающие по форме с антропонимами (типа *Tikku*, *Turha*, *Lyttä*, *Miina*, *Loški* и др.), появляются позднее, чем ойконимы -l-ового типа⁹.

В этом же ряду ойконимов с карельскими истоками названия деревень окрестностей Космозера. Деревня Артово в виде нового починка *Артовы Нивы* упоминается впервые в 1720 г.¹⁰ В основе этого названия лежит карельский вариант *Artto* русского православного имени Артем. Деревня *Коржаево*, располагавшаяся на самой границе Космозерской волости, не упоминается в ранних письменных документах, что согласуется и с ее расположением. Границы волостей заселялись, как известно, позднее центра. В основе названия можно предполагать известное в восточных финских говорах прозвище *korsu* 'обжора' (KMS). К поселениям позднего образования относится, видимо, и деревня Микково, не упоминающаяся в известных письменных источниках вплоть до XVIII в. Позднее появление согласуется с расположением деревни на границе Космозерской волости, бывшей ранее границей Кижского и Шунгского погостов. В этимологическом отношении ойконим прозрачен, в его основе — карельское личное имя *Mikko*, восходящее к русскому Михаил.

Приведенные выше примеры поздних по времени поселений, в наименованиях которых закрепились карельские христианские и нехристианские антропонимы, не означают, что карелы оседали только на отдаленных от побережья водоразделах. Карельский языковой тип представлен в изобилии и в рано освоенных районах прибрежной зоны, однако именно наличие его в глубине материка является хронологически поздним признаком.

Пожалуй, именно на топонимическом материале карельский языковой тип в Заонежье выявился так ярко и бесспорно, значительно убедительнее, чем вепский тип, который, напомним, традиционно считался для Заонежья преобладающим. Почему же вепский тип оказался не столь очевиден, как карельский? Видимо, во-первых, в силу того, что он был в определенной степени поглощен более поздним карельским типом. Однако это не единственная и

⁹ *Муллонен И. И.* История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юокогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 11–38.

¹⁰ *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974. С. 86.

даже не главная причина. В случае активного поглощения вепско-языкового типа карельским в Заонежье должен был появиться на каком-то этапе людиковский языковой тип. Однако таковой наиболее реален лишь на западной окраине Заонежья, непосредственно примыкающей к современному людиковскому ареалу. На основной же территории Заонежья можно говорить о людиковском типе, только имея в виду наличие основ, бытующих в людиковском наречии карельского языка. Однако при этом надо учитывать, что практически все эти слова известны и в собственно-карельском наречии карельского языка. Статистические подсчеты показали, что из 45 прибалтийско-финских географических терминов, закрепившихся в топонимии Заонежья, 16 известны только в собственно-карельском наречии, 26 — в собственно-карельском и людиковском и только три таких, которые отсутствуют в собственно карельском, а объединяют людиковский тип с вепским. Эти цифры говорят не столько о людиковском, сколько о собственно-карельском следе в Заонежье.

При анализе топонимии Заонежского полуострова складывается впечатление, что на большей части этого региона не произошло непосредственного вепско-карельского контакта. Вепсы довольно быстро обрусели, поскольку русская колонизация севера прошла практически по тем же путям, которые были освоены вепсами. В результате карелы, продвинувшиеся в Заонежье из Приладожья, соприкоснулись здесь уже с обрусевшими (или в значительной степени обрусевшими) вепсами. Это значит, что вепсская по происхождению топонимия воспринималась карелами через русское посредство. На основной территории Заонежья не сложилась людиковская речь, которая, как известно, является результатом карело-вепского языкового сплава. Лишь на западе Заонежья вепско-карельское контактирование происходило напрямую, без русского посредства.

При этом в Заонежье есть некоторые обособленные очаги топонимии вепского типа. Это, во-первых, южная окраина Заонежья, куда вепское влияние распространилось, очевидно, с территории прионежских (северных) вепсов. Прямой путь по воде или зимой по льду Онежского озера составляет всего 60–70 км и известен в Кижской округе под названием Шокшинского Зимника. Это относительно поздний пласт вепской топонимии.

Второй очаг обнаруживается в северо-западном углу Заонежского полуострова, в Толвуйской округе, и подтверждается, к при-

меру, присутствием в здешней топонимии топоосновы *кар-* (вепс. *каг* ‘небольшой залив, бухта’): старинный Толвуйский погост стоит в основании *Карнаволока*, омываемого *Каргубой*. Больше нигде в Заонежье этой топоосновы нет. Надо полагать, что данный вепсский след проник с восточного берега Заонежского залива, по тому древнему пути, о котором уже упоминалось в связи с саамской топонимией Заонежья.

В заключение о русском языковом типе. Заонежье — территория, рано попавшая в зону русского (псковско-новгородского) освоения. Начиная с А. А. Шахматова известно, что русские говоры Заонежского полуострова делятся на западные и восточные, однако это деление не получило убедительного объяснения. Ареальный анализ ряда русских топонимных моделей Обонежья показал, что существует определенная разница в их распространении. Например, налицо ареальная дистрибуция двух моделей речных наименований: названия рек с формантом *-ина* (*Ивина*, *Важина*, *Неглинка*, *Остречина*, *Чебина* и др.) представлены вдоль западного побережья Онежского озера, а с формантом *-ица* (*Шалица*, *Тамбица*, *Возрица*) вдоль восточного. Это противостояние не ограничивается северным Обонежьем. Оно носит довольно четкий характер в Присвирье и юго-западном Обонежье: *-ина* господствует в Присвирье, в то время как *-ица* обходит Присвирье с юга и востока. За этой ареальной дистрибуцией стоят, очевидно, несколько разные потоки восточнославянского населения. Данный ареальный контекст важен для того, чтобы высветить тяготение восточной части Заонежского полуострова к восточному Обонежью. Картографирование модели с конечным *-ица* показывает, что она проникла в Заонежье через Заонежский залив, служивший одним из важных путей продвижения на север восточнославянского населения, продвигавшегося в обход Присвирья, вдоль восточного берега Онежского озера. Несколько речных наименований с конечным *-ица* (*Тамбица*, *Нулица*) закрепились в юго-восточной части Заонежского полуострова, на остальной территории полуострова модель неизвестна.

Показателен еще один признак, различающий топонимию западного и восточного Заонежья. Только вдоль побережья Заонежского залива представлены топонимы-полукальки с элементом *-мох* (*Рядемох*, *Муромох*, *Отримох*, *Падомох*, *Ситомох*, *Варезмох* и др.). На остальной территории Заонежья преобладают полукальки с элементом *-болото* (*Кондоболото*, *Сярболото* и др.). За этой

дифференциацией стоит разный возраст моделей и разные пути их распространения. Модель *-мох* распространилась вдоль Заонежского залива, она явно старше, чем модель полукалек с элементом *-болота*, и хорошо известна помимо восточного Заонежья на Пудожском берегу Онежского озера. Если попытаться, как и в предыдущем случае с моделями речных названий на *-ина* и *-ица*, сопоставить Заонежье с Присвирьем и южным Обонежьем, то окажется, что Присвирье солидаризируется с западным Заонежьем в отсутствии модели полукалек на *-мох*, в то же время наличие этой модели объединяет восточный берег Заонежского полуострова с восточным и юго-восточным Обонежьем. Таким образом, есть основания утверждать, что языковой тип Восточного Заонежья формировался вдоль того водного пути, который проходил вдоль Заонежского залива, огибавшего Заонежский полуостров с востока.

Наоборот, развитие русского языкового типа Западного Заонежья происходило вдоль водно-волоковых путей, шедших из Присвирья вдоль западного берега Онежского озера, а затем пересекавших Заонежский полуостров в его западной части. Путь шел из залива Великая губа через волок, помеченный характерным топонимом *Тайбола* (карел. *taipale, taibale* 'путь, расстояние; переход, напр., из деревни в другую по глухой лесистой местности'), на протянувшееся на многие километры с севера на юг озеро Космозеро и далее уходил к Повенецкому заливу Онежского озера. К этой транзитной водно-волоковой дороге привязаны некоторые топонимные модели, маркирующие раннее для Заонежья русское освоение. Языковой тип западной, или кижско-шунгской зоны сформировался вдоль транзитного водно-волокового пути, шедшего из Присвирья вдоль западного побережья Онежского озера во внутреннее Заонежье, восточной же, или толвуйской, сложился вдоль Заонежского залива Онежского озера.

При этом русские языковые типы Заонежья сформировались не только в результате проникновения русского языкового компонента из более южных областей, но и в значительной степени в результате поглощения прибалтийско-финского языкового типа. Наличие субстратного компонента подтверждается в частности значительным количеством в Заонежье топонимов-полукалек (типа *Вырозеро, Лехостров, Маймаснаволок, Редайгуба*), которые сохраняют сложную структуру прибалтийско-финских названий). На субстратный характер прибалтийско-финской топонимии указывает также ее ареальность: заимствование носит обычно более случайный характер

и не гарантирует сохранения внятных прибалтийско-финских топонимных ареалов.

Топонимия Заонежского полуострова свидетельствует, таким образом, о преемственности языковых типов этой территории в течение всего второго тысячелетия.

**«ВЕЛИКОЛУКСКИЙ СКОБАРЬ»
И ЕГО ВОСТОЧНЫЕ СОСЕДИ
(этническая и этномызыкальная идентичность)**

Одной из основных категорий современной этнологии и этномыкологии является понятие *этнической группы*. Характерное для традиционной европейской фольклористики понятие «народ» (тем более употребляемое в единственном числе) в рамках этномыкологических изысканий в значительной мере утрачивает свой удельный вес¹. Под этнической группой (англ. ethnic group) или этносом (нем. Ethnie) немецкий этнолог Беттина Беер понимает «преимущественно эндогамное, охватывающее отдельные семьи общество, члены которого, отличая себя от других людей, обладают развитым “мы-чувством” и отграничены от иных групп (предполагаемым) общим происхождением, общей историей и, как правило,

¹Использование в научном обиходе понятия «народ» в известной мере проблематично, поскольку это слово употребляется в двойном смысле — в этническом (русский народ, французский народ) и в социальном (власть и народ, правительство и народ и т. п.). В современных демократических обществах слово «народ» используется редко — преимущественно в тех случаях, когда необходимы насыщенные пафосом призывы ко всеобщей солидарности. Употребляется это понятие и тогда, когда речь идет о культурных явлениях, исторически связанных со средой, в прошлом противопоставленной социальной элите. Поэтому не является устаревшим понятие «народная музыка», если мы имеем в виду музыкальную культуру, например, крестьянства, а не купечества, дворянства или духовенства. Однако в этномыкологии термин «народная музыка» уже давно уступает место понятию «традиционная музыка». Вместо слова «традиционный» может использоваться также прилагательное «локальный» — говорят о локальных музыкантах, локальной терминологии и т. д.

общим каноном ценностей и норм»². В современной науке понятие этнической группы не употребляется в рамках иерархической таксономии — оно может применяться к жителям как небольшого острова, так и крупного государства, и, вдобавок, к носителям того или иного языка или диалекта.

Основополагающее значение для понимания этничности имеет самосознание изучаемого сообщества, его *этническая идентичность*. Этничность все реже рассматривается как нечто изначально заданное: она *формируется* прежде всего в сознании определенной группы людей.

В 1947 г. советский этнограф П. И. Кушнер выступил с докладом, озаглавленным «Национальное самосознание как этнический определитель»³. В наше время этнологическая наука в таких «определителях» вряд ли нуждается, но уже то, что концепция сознания как основы этничности была выдвинута около 60 лет тому назад, показывает, что мысль о «социальном конструировании» этничности (В. А. Тишков) — не просто модная фраза в духе постмодернизма.

Подобного рода подход влечет за собой признание *процессуального характера* этничности⁴, способной меняться вместе с изменением биографических или политических условий — здесь достаточно привести два примера, отсылающих к реалиям современной Западной Европы. Так, в Германии для того, чтобы считаться в настоящее время немцем, достаточно владеть немецким языком и иметь немецкое гражданство. Однако еще двадцать лет тому назад

² «“Ethnie” kann als eine überwiegend endogame familienübergreifende Gemeinschaft definiert werden, deren Mitglieder in der Abgrenzung von anderen Menschen ein “Wir-Gefühl” entwickelt haben, eine gemeinsame, sie von anderen unterscheidende (angenommene) Abstammung, gemeinsame Geschichte und meist einen gemeinsamen Kanon an Werten und Normen teilen» (Beer B. Ethnos, Ethnie, Kultur // Ethnologie: Einführung und Überblick / Hrsg. B. Beer; H. Fischer. 6. Aufl. Berlin, 2006. S. 54).

³ См.: Белорусско-русское пограничье: Этнологическое исследование / Отв. ред. М. А. Григорьева; М. Ю. Маргынова. М., 2005. С. 29.

⁴ См., напр.: *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; в особенности — с. 120–124. В целом заявленная ученым конструктивистская концепция кажется нам перспективной для понимания этнических процессов, протекающих как в современном мире, так и в истории. В то же время конструктивизм вряд ли универсален для понимания всех областей человеческой жизни. Однако этномузыковед вряд ли может безоговорочно согласиться с точкой зрения В. А. Тишкова, утверждающего, что «культура сама по себе молчалива» (Там же. С. 116).

название организации «Инициатива чернокожих немцев» звучало для многих несколько непривычно. В то же время во Франции высказывание типа «мой родители арабы, а сам я француз» уже тогда вряд ли вызвало бы у кого-нибудь дополнительные вопросы. Человек с «нативистскими» (лат. *nativitas* — рождение) взглядами может возразить, что этот «этнический араб» вовсе не француз или, по крайней мере, «ненастоящий» француз. В повседневной жизни французского общества такого рода соображения не играют, однако, особой роли. Положение о процессуальной природе этничности необходимо не только для понимания происходящего на Западе. Оно незаменимо и при изучении этнических феноменов, характерных для других регионов. Не является здесь исключением и крестьянская культура восточных славян.

«Великолукский скобарь» и ареал его распространения

По известному высказыванию норвежского этнолога Ф. Барта, этническую группу определяют границы, а не сам культурный материал внутри границ⁵. В этномузыкознании такому способу самоопределения этнической группы соответствует использование *сравнительного подхода*⁶.

Весьма благодарный материал для сравнительных исследований — русская инструментальная культура с ее довольно четким ареальным распространением так называемых наигрышей «под песни»⁷, т. е. неплясовых наигрышей, сопровождающих уличные шествия, иногда с функциональными вариантами («под драку»). И

⁵ *Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Differences.* Bergen; London, 1996; цит. по: *Тышков В. А.* Реквием по этносу. С. 105.

⁶ В качестве удачного примера назовем следующие работы: *Земцовский И. И.* Мелодика календарных песен. Л., 1975; *Тынурист И.* Где во гусли звонили? Опыт картографирования народных музыкальных инструментов. // *Этнографические исследования Северо-Запада СССР.* Сб. научн. тр. / Отв. ред. Н. В. Юхнева. Л., 1977. С. 16–29.

⁷ О структуре инструментального репертуара см.: *Моргенштерн У.* К вопросу о жанровой системе традиционной инструментальной музыки Русского Северо-Запада: форма — функция — артикуляция — структура // *Инструментоведческое наследие Е. В. Гиппиуса и современная наука: Материалы Международного инструментоведческого симпозиума, посв. 110-летию Е. В. Гиппиуса* / Ред. Д. А. Абдулнасырова и др. СПб., 2003. С. 28–32; реферат на тему «Частушка как этномузыковедческая проблема», прочитанный автором на симпозиуме в честь 70-летия И. И. Земцовского в Санкт-Петербурге в 2006 г., готовится к печати.

без того малоработанный в этномузыкознании термин «частушка» («частушечный наигрыш») по отношению к этому репертуару сильно расходится с традиционной терминологией и неадекватен ей по ряду структурных и функциональных признаков. Так, Е. В. Гиппиус в свое время отличал «наигрыши на уличных гуляниях»⁸ от частушек. Уместным представляется для наигрышей жанра «под песни» использовать так же термин «уличные наигрыши», поскольку этим подчеркивается их основная функция. В то же время песни, поющиеся под уличные наигрыши, как правило, совпадают по размеру и по текстам с частушками, поэтому при изучении словесных текстов использованию термина «частушка» ничто не препятствует.

Настоящая статья посвящена ареальному распространению, а в некоторой мере — стилистике и этнокультурному контексту юго-восточной разновидности псковского наигрыша «Скобарь», которую условно можно назвать «Великолукской»⁹. В традиционных его названиях преобладает функциональная терминология

⁸ Гиппиус Е. В. Интонационные элементы русской частушки // Советский фольклор: Сб. статей и материалов / Отв. ред. М. К. Азадовский. Вып. 4–5. М.; Л., 1936. С. 101.

⁹ Полевые данные, представленные в настоящей статье, были собраны на юго-востоке Псковской и на западе Тверской областей в 2005 и 2006 гг. Экспедиции проводились в рамках исследовательского проекта Музыкаведческого института Гамбургского университета, посвященного традиционной инструментальной музыке в ее связях с этнической и возрастной идентичностью. Проект был осуществлен при поддержке Немецкого фонда научных исследований (Deutsche Forschungsgemeinschaft). В полевых исследованиях принимали участие мои коллеги из Российского Института истории искусств (Санкт-Петербург) А. В. Ромодина и В. В. Виноградов, журналист И. И. Стесев (Санкт-Петербург), педагог-музыкант Е. В. Бородулина и студент-фотограф Р. В. Кошелев. Работа в Андреапольском и Пеновском районах Тверской области проводилась в августе 2006 г. совместно с В. И. Ярышем (Великий Новгород). В Андреапольском районе исследования в сентябре того же года продолжались совместно с И. И. Стесевым при частичном участии А. В. Ромодина. Автор выражает глубокую благодарность заведующему районным отделом культуры города Андреополя А. А. Иванову за энергичное содействие в экспедиционной работе, а также заведующему отделу художественной культуры при Управлении культуры Великолукского района В. П. Пашину за весьма ценные рекомендации. Значительную помощь оказала и начальник Управления культуры Оленинского района Тверской области Н. Г. Иванова. Здесь следует упомянуть и о более чем многочисленных местных работниках культуры, бескорыстно поделившись с нами своими знаниями и оказавших нам неоценимую поддержку в нашей работе. При завершении и редактировании этой работы весьма ценными оказались советы пегербургского музыковеда, сотрудника Отдела рукописей Гамбургской Государственной и Университетской библиотеки В. Г. Карцовника.

(«Под песни», «От девок», «К девкам», «Под драку», «По деревне»). Этнонимическая («Скобарь») и топонимическая¹⁰ терминологии, порой удобные при составлении типологической номенклатуры, в самой традиции глубоких корней не имеют¹¹.

По опубликованным полевым данным, помимо «Великолукско-скобаря», название «Скобарь» могут носить на Псковщине по меньшей мере три разных типа наигрыша, представленных в таблице¹². В ней учтены только доступные этнографические свидетельства, говорящие о прочном бытовании наигрыша в местном репертуаре.

¹⁰На псковско-тверском пограничьи был зафиксирован также редкий термин «Великолукская»: Полякова А. В. Гудочная традиция // <http://ru.narod.ru/sta/gudok-2.htm>

¹¹*Моргентерн У.* «Мы даже не знали, что это “Скобарь”» // Проблемы инструментоведческой терминологии: Тезисы и рефераты межд. конференции / Сост. и ред. Д. А. Абдулнасырова; Ю. Е. Бойко. СПб., 2005. С. 9–10.

¹²Условные типологические названия применяются по номенклатуре, принятой в диссертации автора этих строк, озаглавленной «Исследования по локальным традициям народной инструментальной музыки в Псковской области (Северо-Запад России)», защищенной в Гамбургском Университете в 2003 г. и готовящейся к печати под названием «Die Musik der Skobari» («Музыка скобарей»). Типологическая номенклатура предложена также авторами капитального труда «Народная традиционная культура Псковской области» (Сост. А. М. Мехнецов. Псков, 2002. Т. 1. С. 639); это издание значительно повышает ценность пластинок «Гуди гораздо», опубликованных в свое время А. М. Мехнецовым без указания деревень и даже районов, и расширяет возможности ареальных исследований. См.: Мехнецов А. М. (автор-сост.). Гуди гораздо. Народные музыкальные инструменты Псковской области: Грамзапись. Л.: Мелодия, 1987. С20 26011 002. В исследовании «Народная традиционная культура...» авторы отличают следующие типы группы «под песни»: 1) «Милашка»; 2) «Псковская под песни»; 3) «Скобаря»; 4) «Сумецкая»; 5) «Новоржевская». Сопоставление этой номенклатуры с нашей затруднено тем, что в работе приводятся только названия наигрышей, никак не связанные с типологической их характеристикой или хотя бы с помещенными в сборнике или известными по другим публикациям транскрипций и звукозаписей. Очевидно, №1 соответствует здесь «Порховской», а №3 — великолукскому типу «Скобаря». «Сумецкую» и «Новоржевскую» определить нетрудно. О «повсеместном» распространении последнего наигрыша в Порховском районе можно говорить разве что в тех случаях, когда случайный выбор наигрыша, сделанный тем или иным музыкантом при отборе индивидуального репертуара (отмеченного, как правило, достаточно схематичным исполнением), не отличить от коренного и функционально определенного бытования в локальном репертуаре — бытования, связанного, как правило, с полноценной виртуозной игрой.

Гармонические ступени могут варьироваться. Ритмические отклонения и задержки, пусть и устойчивые, здесь не учтены.

Типологическое название	Традиционные названия	Ареал распространения	Гармоническая формула наигрыша
Порховская	«Скобаря», «Милашка», «Под песни», «Под драку», «Длинная», «Собаковская»	Юг Порховского и восток Дедовичского районов	2/4 CG CG Ga GG
Новоржевская	«Скобаря», «Пополам», «Под песни», «Длинная».	Новоржевский, по косвенным данным также Пушкиногорский район, северо- и юго-восток Бежаницкого района	2/4 FC GC FC GC Ga GC Ga GC
Сумецкая	«Скобаря», «Сиротинка», «Под драку», «Немоевская»	Примерно в ареале с крайними точками Псков, Чихачево, Выбор, Остров	2/4 aG Cd CG AA

В некоторых деревнях Торопецкого района Тверской области «Скобаря» называется также упрощенный вариант «Великолукского скобаря», приближенный к гармонической формуле «Страдания» (по терминологии Ю. Е. Бойко — ОРЧФ или «общерусская частушечная формула»), т. е. 2/4 |CC|GG|DD|GG|. Великолукский же наигрыш носит здесь старое название «Под песни».

По опубликованным данным, «Великолукский скобарь» известен в основном в центральной и южной частях бывшей Великолукской области. Первая опубликованная запись — если не считать отдаленно напоминающую «Скобаря» локнянскую «Бологовку»¹³ — была произведена И. И. Земцовским в Торопецком районе Тверской области¹⁴.

На грампластинке А. М. Мехнецова «Гуди гораздо»¹⁵ представлена инструментально-вокальная версия «Скобаря» из деревни Лешно Пустошкинского района. Балалаечная версия, записанная О. В. Величкиной в деревне Аксентьево Западнодвинского района Тверской области, помещена в сборнике А. С. Кошелева¹⁶. Отчасти к данному типу наигрыша относится «Скобарь» в исполнении великолукского скрипача Василия Емельяновича Муравицкого (1923–

¹³ Котикова Н. Л. Русские частушки, страдания, припевки. Л., 1961. С. 68.

¹⁴ Земцовский И. И. Торопецкие песни. Песни родины М. Мусоргского. Л., 1967. № 110а–б.

¹⁵ См. примеч. 12.

¹⁶ Кошелев А. С. Русские народные балалаечные наигрыши. М., 1990. № 16.

1993)¹⁷. В сборнике Е. Н. Разумовской представлены три версии наигрыша куньинского гармониста Дмитрия Тарасовича Подстежонка (1937–2005)¹⁸. Virtuозно исполнял «Скобаря» уроженец Пухновской волости Куньинского района, знаменитый гармонист Владимир Прокофьевич Яковлев (1937–2007), с блеском выступавший как перед петербургской публикой¹⁹, так и на немецком телевидении²⁰. В Усвятском районе Ю. В. Бойко был записан «Скобарь» того же типа; в статье он представлен в виде гармонической формулы²¹.

В 2005 г. на юге Бежаницкого района Псковщины автору этих строк совместно с А. В. Ромодиным и И. И. Стесевым неоднократно удалось записать «Великолукского скобаря» под местным названием «Бологовка»²² («Бологолочка», «Галаголочка»), а в Локнянском районе — с названиями «Под песни» и «Скобаря». Наигрыш в несколько упрощенном варианте часто встречался с названием «По деревне» (реже: «Калинка») в Западнодвинском и Жарковском районах Тверской области. Северо-восточная граница ареала «Великолукского скобаря» — север Андреапольского района (см. ниже). В целом, однако, в Андреапольском районе скобарские наигрыши в инструментальной партии несколько отличаются от великолукского типа. В восточную сторону от города Пена, за озерами Веслуг и Пено, судя по ориентировочным опросам, начинается уже другой ареал инструментальной мелогеографии, тянущийся к центрам Селижарово и Осташков. Ни название «Скобаря», ни характерное для великолукских и андреапольских наигрышей асинхронное соотношение вокальной и инструментальной партии обнаружены здесь не были.

На северо-западе ареал «Великолукского скобаря» соприкасает-

¹⁷См.: *Мелнецов А. М., Лобкова Г. В.* (авторы-сост.). Напевы родины Мусоргского: Грамзапись. Л.: Мелодия, 1989. С20 28761 001.

¹⁸*Разумовская Е. Н.* Традиционная музыка русского Поозерья (по материалам экспедиций 1971–1992). СПб., 1998. № 166–68; запись вокальной партии «Скобаря» сделана в том же районе (№ 1196).

¹⁹1990 г., Зеленый зал Российского Института истории искусств и концертный зал Союза композиторов — совместно с ныне покойным усвятским скрипачом Василием Емельяновичем Шаховским.

²⁰См. документальный фильм Йохена Крауссера «Прощание с Меховым», снятый при участии А. В. Ромодина и И. Р. Ромодиной в 1999 г.

²¹*Бойко Ю. Е.* Соотношение текста и напева в русской частушке // Искусство устной традиции. Историческая морфология: Сб. ст., посвященный 60-летию И. И. Земцовского / Отв. ред. Н. Ю. Альмеева. СПб., 2002. Пример 3.

²²Другой наигрыш.

ся с ареалом распространения «Новоржевской». На западе (по-видимому, в Пустошкинском или Опоченском районе) проходит граница с зоной распространения наигрыша «Горбатого», несколько сходного с «Порховской». Где-то в Святском районе «Скобарь», очевидно, теряется, в то время как в Городокском районе Витебской области достаточно развиты двухчастные уличные наигрыши, по гармонической последовательности близкие к «Новоржевской»²³. Название указывает здесь на одну из функций неплясовых наигрышей «Под песни» — их исполнением музыкант обозначал конец вечеринки. Подобные наигрыши с названием «Расхожая» встречаются также на севере Росонского района Витебщины; в Верхнедвинском районе они неизвестны²⁴.

Этническая ситуация ареала — «скобари» и «поляки»

Прежде чем коснуться музыкальной характеристики «Великолукского скобаря», обратимся к его этнокультурному и этномызыкальному ареалу. Юго-восточная граница скобарских наигрышей примерно соответствует юго-восточной границе бывшей Псковской губернии. «Скобарь» встречается и несколько южнее этой границы, например, на юге Западнодвинского района, однако здесь есть сведения о более позднем его вхождении в местную инструментальную практику. «Скобари научили», — говорил уроженец деревни Починок Николай Лукьянович Рябиков (1931 г. р.), указывая на музыкантов из деревни Хлебаниха Куньинского района Псковщины на противоположном берегу Западной Двины. В 1938 г. Ф. А. Рубцов записал в поселке Ильино — помимо других наигрышей — две скрипичных мелодии «припевок» вместе с их вокальными версиями. Была записана также частушечная форма «Цыганочка» под гитару²⁵. Очевидно, «Скобарь» местным музыкантам еще

²³ Ромодин А. В., Ромодина И. А. (авторы-сост.). Традиционное искусство Поозерья. Вып. 1: Обрядовая музыка: Грамзапись. Л.: Мелодия, 1989. С20 29387 000 («Два ритуальных наигрыша под драку»); Назина И. Д. Белорусская народная инструментальная музыка. Минск, 1989. № 148 («Расходная»).

²⁴ Данные экспедиции А. В. Ромодина и руководимой им фольклорной студии «Санкт-Петербург» в 1989 г. в Витебской области, в которой автору этих строк довелось участвовать. Следует отметить, что многие вопросы и идеи, обсуждаемые в настоящей статье, уже тогда постоянно присутствовали в совместных разговорах и во многом дали направление текущим исследованиям.

²⁵ Записи хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом) под шифром ВФ 4532 (№ 3-5) и ВФ 5195 (№ 3). Автор выражает глубокую признательность работникам Фоно-

знаком не был, иначе собиратель вряд ли упустил бы возможность его записать.

Показательна еще реплика пожилой собеседницы из Барановской волости Куньинского района, где жители скобарями не считаются. Услышав песню²⁶ под «Скобаря» в исполнении своего соседа («Погляжи, теща, в окошку, твоя щучья голова. . .»), она заметила: «Это — скобарские песни».

По поводу этнических границ обследованного ареала А. С. Герд отмечает, что «само название “скобари” не выходит за пределы зоны Псковского ядра. Жители южнее Опочки — Великих Лук называют себя уже не скобарями, а поляками»²⁷; историко-культурная зона — «Псковское ядро» — установлена по археологическим, историческим и лингвистическим данным²⁸. В Великолуцком и Куньинском районах южная граница этнонима «скобаря» по предварительным наблюдениям проходит по точкам Мартьяново (к северу от поселка Поречье) — Сапроново — Турное (у озера Ордосно) — Липицы. Таким образом, граница достаточно четко совпадает с старым рубежом Псковской и Витебской губерний. Несколько южнее проходила граница России с Речью Посполитой до Первого раздела Польши в 1772 г. Жители обеих сторон отличительным признаком границы между скобарями и поляками называют диалектное произношение — появление у поляков фрикативного *g*.

А. Г. Манакон, изучающий современное состояние этнической ситуации на Псковщине, обратил внимание на то, что «до сих пор жива память о Великолуцкой области, которая, несмотря на кратковременный период своего существования (13 лет), стала основой для формирования современной *субрегиональной идентичности* как в Псковской, так и в Тверской областях»²⁹. В свете исторических и этнолингвистических исследований отмеченная Манаконим территориальная идентичность представляется вовсе не столь уж современной. А. С. Герд подчеркивает «глубокую истори-

граммархива А. Ю. Кастрову и В. П. Шиффу за предоставление копий этих ценных материалов.

²⁶ Термин «частушка» или его деревенский синоним «припевка» к четверостишиям, исполняемым под «Скобаря», по традиции не применяется.

²⁷ Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995. С. 49.

²⁸ Герд А. С., Лебедев Г. С. Экспликация историко-культурных зон и этнической история Верхней Руси // Советская этнография. 1991. № 1. С. 73–85.

²⁹ Манакон А. Г. Культурные границы и идентичность (на примере северо-запада Европейской России С 5) // http://www.dartmouth.edu/crn/groups/geographies_group_papers/Finalpapers/Manakov02.pdf.

ческую мотивированность старой южной границы Псковской области с Великолукской областью»³⁰.

Хотя деревенские жители, как правило, не особенно акцентируют внимание на этнической принадлежности того, с кем они общаются, и часто вспоминают дружеские отношения с приехавшими издали товарищами по работе, все же территориально-этническая граница скобарей с поляками (как и между другими локальными этническими группами) еще в недалеком прошлом имела огромное значение — она ощущалась в представлениях о разнице в языке, в менталитете и даже в физической антропологии. Об этом свидетельствует бесконечное число поговорок, дразнительных частушек и отдельных реплик, встречающихся при этом по обе стороны «скобарско-поляцкой» границы. Разумеется, проявления этой территориальной оппозиции прежде всего ощущали переселенцы: «Я когда приехала сюда, на меня все: “Скобарька!” А я: “Поляки!”» (Тамара Васильевна Козлова, 1949 г. р., род. в деревне Купуй нынешнего Великолукского района, вышедшая замуж в деревню Жигари того же района). Куньинский краевед, географ Вячеслав Анатольевич Гринев (род. в деревне Кожино в 1959 г.) так воссоздает пограничную ситуацию:

Наши их звали лесунами и поляками. Они нас дразнили: «Москали, скобари!». Ребята дразнили через речку [Рулинская или Пухновская]. Потом объединили в один район. <...> Если ребята усмынские приезжали на соревнование, ГТО <...>, обычно их дразнили, третировали здесь. Ну, потому-что они какие-то, вот, такие высокие, худенькие. Они более худые, более высокие чем мы были. И лицо более узкое. Антропология у них другая. Больше слегка такие замедленные — но вдумчивые. Если он за что-то возьмется, он это делает. <...> Поэтому многие руководители в районе были с Усмыни. <...>

В общем, они жили своим миром, и они не хотели с нами общаться. И мы не хотели, даже в семидесятые годы. Эта особенность очень сильно сохранялась. Мы понимали, что их не переделаешь, они не собирались меняться. У них был уклад жизни какой-то, образ мышления. Это заметно было.

Менее ощутима восточная граница скобарской территории. Как отмечает А. Г. Манаков, «на восточной, и особенно юго-восточной,

³⁰ Герд А. С. История формирования диалектных границ вокруг Пскова // Среднерусские говоры: современное состояние и история / Ред. Т. В. Кириллова и др. Калинин, 1988. С. 82.

окраине (Псковской. — У. М.) губернии применение этого регионального названия («скобарь». — У. М.) было заметно меньшим»³¹. А. С. Герд в личной беседе с автором в качестве восточного рубежа скобарской территории указал на станцию Охват между городами Андреаполь и Пено. Его точка зрения, таким образом, приблизительно совпадает с мнением директора Андреапольского районного краеведческого музея В. В. Линкевича, назвавшего в качестве границы Западную Двину. У жителей Андреапольского района для пеновских соседей есть не слишком дружелюбное прозвище «козлы», которое — в отличие от этнонима «поляк» — вряд ли используется теми в качестве самоназвания.

Многие порой остро обсуждаемые вопросы связаны с языковой и этнической характеристикой «поляков». На Диалектологической карте русского языка в Европе 1914 г.³² территория «поляков» отнесена к белорусским говорам. Ф. А. Рубцов еще в 1938 г. снабдил уже упоминавшиеся записи, сделанные в деревне Ильино современного Западнодвинского района Тверской области, указанием «народ: белорусы». В то же время Диалектологическая карта русского языка 1964 г.³³ определяет те же самые диалекты как «западную группу» южного наречия русского языка. Авторы этнолингвистической монографии «Белорусско-русское пограничье», говоря о жителях ныне принадлежащих России территорий бывшей Витебской губернии, используют термины «переходные говоры» или «смешанный язык»³⁴. В то же время А. В. Ромодин, изучающий этномузыкальную культуру по обе стороны современной государственной границы, решительно высказывается — привлекая в том числе и данные диалектологии — в пользу «единства северобелорусской музыкально-этнографической традиции»³⁵. Не осталась без резкой критики и языковая политика советского времени, нанеся «неоправимый вред живому народному диалекту»³⁶.

³¹ Манакон А. Г. Культурные границы и идентичность. С. 21.

³² Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. 2-е изд. М., 2004. Приложение.

³³ Там же.

³⁴ Григорьева Р. А., Касперович Г. И. Гл. 2: Русский и белорусский языки: статус и ареалы распространения // Белорусско-русское пограничье. С. 103–105.

³⁵ Ромодин А. В. О единстве северобелорусской музыкально-этнографической традиции // «Пашло серу зязюльку на радзинушку»: Сб. статей и материалов Невельской межд. гуманитарной конф., посвященной 200-летию Яна Барщевского. СПб.; Неveltь, 1996. С. 44–46.

³⁶ Ромодин А. В., Ромодина И. А. Л. Рассказы о посиделках (публикация экс-

Изменение административных границ, проведенное в 1920-е годы, серьезно повлияло на этническое самосознание. Убедительные свидетельства об «очень легко трансформируемой этнической идентичности» привели Р. А. Григорьева и Г. И. Касперович³⁷. Так, в Велижском, Невельском и Себежском уездах, вошедших в 1924 г. в Псковскую область, по переписи 1926 г. «число белорусов по сравнению с 1897 годом сократилось . . . в 7 раз»³⁸. В той же монографии³⁹ подробно представлены данные, указывающие на осознание языковой общности, существующее по обеим сторонам современной российско-белорусской границы, — что не удивительно, если учесть, что диалектологическая граница проходит здесь совершенно иначе. Однако в исследовании, ориентированном на государственную границу Белоруссии и России, столь значимая для жителей южной Псковщины оппозиция «поляки — скобари» не учтена.

По некоторым данным, укрепленная русская идентичность среди носителей северобелорусских говоров («поляков») в их сознании противопоставляется северным соседям, скобарям. Показательно в связи с этим высказывание, записанное в Себежском районе и приведенное в двухтомнике под редакцией А. М. Мехнецова: «Мы — русские люди. А там — Псков, это уже скабщина»⁴⁰. Подобная оппозиция «русские — скобари» встречалась нам также и Усвятском районе. Современная этническая ситуация в юго-восточной части Псковщины во многом определяется тем, что в перестроечное и постперестроечное время, с его повышенным интересом к понятию «малой родины»⁴¹, самоназвание «скобари» приобрело повышенный престиж. Этноним «скобарь/скобари» — долгое время носивший откровенно уничижительный характер (преимущественно в Петербурге) — в 1990-е годы и позже служил не только названием этнографической передачи псковского телевидения, но и стал эм-

педиционных материалов) // Зрелищно-игровые формы традиционной культуры / Отв. ред. Л. М. Ивлева. СПб., 1990. С. 205.

³⁷См.: Григорьева Р. А., Касперович Г. И. Гл. 1: Идентичность и демографическая характеристика населения // Белорусско-русское пограничье. С. 63.

³⁸Там же.

³⁹Григорьева Р. А., Касперович Г. И. Гл. 2: Русский и белорусский языки: статус и ареалы распространения. С. 103–105.

⁴⁰Народная традиционная культура Псковской области. Т. 2. С. 604.

⁴¹Обращение к проявлению локальных культурных традиций, которые как бы не были коррумпированы великодержавным шовинизмом, типично и для политической настроенной молодежи на Западе в 70–80-е годы XX в.; особенно этот феномен характерен для экологических движений.

блемой городского журнала, альманаха псковских писателей и целого ряда предприятий и товаров. Притягательная сила самого слова «скобарь» способствовала и расширению территории, которая могла осознаваться как «скобарская». По наблюдениям А. Г. Манакова, «лишь ближе к концу XX в., когда слово «скобарь» стало утрачивать в среде местного населения свой негативный оттенок из-за ухода поколений — реальных носителей этого прозвища, слово стало постепенно распространяться по всей территории области в качестве регионального самоназвания. Причем явно обозначился позитивный оттенок в применении данного самоназвания: оно стало своеобразным символом патриотизма в Псковской области»⁴².

Наблюдение это крайне существенно, однако можно сомневаться в том, что для местного населения слово «скобарь» когда-либо вообще имело негативный оттенок. О положительном восприятии этого слова свидетельствует неколебимая народная этимология, по которой скобари — крепкие ремесленники, к удивлению Петра I гнувшие железные *скобы* голыми руками. В сознании крестьян средней Псковщины, *скобарь* — надежный мужик с крепкими руками, с которым лучше ссоры не затевать. Если бы этноним «скобарь» в первой половине XX в. имел на Псковщине негативный оттенок, он никогда бы не приобрел статуса названия местных инструментальных наигрышей, и это в очередной раз показывает, что этномузикальное сознание может быть ярким свидетельством этнической идентичности.

В наше время потомки поляков Псковской области нередко причисляют себя к «скобарям», хотя, в основном, тогда, когда этот вопрос поднимает заезжий этнограф. Но в то же время при использовании самоопределения «скобарь», когда оно мотивировано проживанием в современных административных границах, отмечается некая нерешительность. «Псковская область — значит скобарь, и все!» — говорил уроженец деревни Холма (Куньинский район), входившей еще сравнительно недавно в Смоленскую область; нетрудно заметить, что «скобарское» самоощущение выражено здесь слабо. Гордое заявление «Я чистокровный скобарь» не услышать у жителей бывшей Витебской губернии. Показательна здесь беседа со старожилами Великолукской деревни Сапроново, не раз названной жителями расположенной севернее Купуевской волости первым поселением поляков. Опрошенная пожилая женщина несколько

⁴² Манаков А. Г. Культурные границы и идентичность. С. 22–23.

равнодушно заметила: «Мы — скобари. Псков — значит скобари». Вдруг ее муж, сначала молча следивший за разговором, с блеском в глазах громко заявил: «А мы — поляки!». Супруга его, почувствовав некую неловкость, не без легкой иронии ответила: «Сейчас все скобари». Таким образом, административные границы не только влияют на современные этнические процессы на уровне национального самоопределения (по российским законам еще недавно требовавшего подтверждения в личных документах). Границы могут формировать также чувство принадлежности к той или иной *локальной* группе, причем престиж этой группы играет при этом значительную роль.

Несмотря на «скобаризацию» южных окраин Псковщины, местные жители могут осознавать здесь свою диалектную связь с жителями современной Белоруссии. Особенно это касается сельской интеллигенции, хотя для нее представления такого рода не являются чем-то само собой разумеющимся. Так, бывший учитель П. Ф. Пашетко (1939 г. р.) из деревни Пухново Куньинского района вспоминает: «Я писал даже такой труд (...) диалектные слова для института (...) несколько тысяч слов. И когда слова эти я собирал, то я убедился, что большинство у нас, население, именно говорило на белорусском языке». М. Г. Бегунов (1961 г. р.) из соседней деревни Булавкино осознал диалектную принадлежность своего края несколько иным образом: «Когда я служил в армии, меня все бульбашом звали». Белорусская идентичность не слишком развита на южной Псковщине еще и потому, что сам этноним «белорус» до конца XIX в. широким распространением вообще не пользовался.

Этномузыкальные границы

Деревенские музыканты проявляют большой интерес к репертурным и стилистическим границам, причем они, как правило, весьма доброжелательно относятся к другим локальным традициям. В то же время, между отдельными музыкантами (особенно, когда речь идет о профессионалах) отношения характеризуются «острой профессиональной конкуренцией»⁴³. По наблюдениям А. В. Ромодина, в деревне Кресты на самом юге Куньинского района даже родственники и соседи музыкантов достаточно сдержанно относят-

⁴³ Ромодин А. В., Ромодина И. А. (авторы-сост.). Традиционное искусство Поозерья. Вып. 2: Вечериночная музыка: Грампластинка. Л.: Мелодия, 1989. С20 30043 002.

ся к уровню игры гармонистов-односельчан⁴⁴. Великолукский гармонист Н. И. Панов (1948 г. р.) из волостного центра Черпессы наигрывает «Марипчелской» (пример 1) явно отдает предпочтение перед унаследованным от отца местным вариантом «Скобаря» (пример 2), уступающим по мелодическому развитию и технической изощренности. Для этого музыканта эстетические критерии при отборе собственного репертуара оказались важнее, чем верность традициям своей деревни. Стилистические границы между более широкими репертуарными ареалами отмечаются порой с легкой иронией. Гармонист В. М. Лавренов из Бельского района (где под «Заливочку» четверостишия поют по восьмым) так характеризует непривычные для него скобарские восклицания между строками: «Там (в Андреполе. — У. М.) скобари. Там по-другому поют. Скажут два слова, а-а-а (произнесено с улыбкой. — У. М.)... Я даже не могу спеть по-ихнему».

В интересующем нас регионе пролегал несколько границ между этномызыкальными ареалами, которые характеризуются разными жанрово-стилевыми признаками и возникли в разные исторические времена. В первую очередь здесь следует назвать бытующие прежде всего на территории поляков *календарно-обрядовые песни* — по выражению А. В. Ромодина и И. А. Ромодиной, «для Поозерья жанрово-сущностную доминанту»⁴⁵. Авторы, представляя песни увятской деревни Рагозы, указывают на параллели как в Городокском районе Витебщины, так и в Великолукском и Невельском районах Псковщины. Специально эта тема рассматривается в объемной статье А. А. Гаджиевой, которая, по словам редакторов, «ярко показывает историческую цельность Днепро-Двинской историко-культурной зоны»⁴⁶.

Другая граница — северо-восточный рубеж ареала *свадебных наигрышей*. Е. Н. Разумовская рассматривает Западную Двину как восточную границу «маршэй», связанных с перемещением участ-

⁴⁴ Ромодин А. В. Народные музыканты юга Псковщины // Живая старина. 1999. № 4(24). С. 8.

⁴⁵ Ромодин А. В., Ромодина И. А. Песни деревни Рагозы (публикация экспедиционных материалов) // Судьбы традиционной культуры: Сб. статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой / Ред.-сост. В. Д. Кен. СПб., 1998. С. 323.

⁴⁶ Очерки исторической географии Северо-Запада России: славяне и финны / Ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. СПб., 2001. С. 6; прим. 1; в сноске по недоразумению приведено заглавие другой статьи, но редакторы вне всякого сомнения имели в виду работу А. А. Гаджиевой «Календарные напевы Верхнего Поднепровья и Подвинья» (опубл. в сб. на с. 139–187).

ников свадебного обряда⁴⁷. На приведенной в этой работе карте ареал свадебных маршей захватывает также город Кунья, хотя все приведенные исследовательницей источники, как и в недавнее время опубликованные материалы А. М. Мехнецова, в основном очерчивают ареал, совпадающий по северо-восточному рубежу с бывшей Витебской губернией. Исходя из этого, можно согласиться с предположением Е. Н. Разумовской о польско-белорусском происхождении этого жанра (любопытно было бы изучить эти формы в сопоставлении со свадебными маршами шведов, австрийцев, швейцарцев, французов и др.). Как марши, так и другие свадебные наигрыши («Наделянная», «Вечерина»), изученные А. В. Ромодины, в традиционно скобарских, северных частях Великолукского и Куньинского районов и тем более в центральных районах Псковщины неизвестны. То же самое касается «профессионализма (курсив мой. — У. М.) северо-белорусских инструменталистов-музыкантов»⁴⁸, главная сфера которого — «ритуальная свадебная практика»⁴⁹. «Решающим признаком» северобелорусской инструментальной традиции А. В. Ромодин считает также *тип ансамбля*, состоящего из скрипки, цимбал и некоторых других инструментов. В то же время, он указывает на широкое распространение таких ансамблей в южной и восточной Европе. И. В. Мацневский в свое время подчеркивал связь этих крестьянских ансамблей с крепостными оркестрами XVII–XIX вв.⁵⁰ По наблюдениям У. Нолла, партия второй скрипки («секунды») «отражает характерное для Центральной Европы XVII и XVIII вв. развитие в музыке социальной элиты»⁵¹. Отличительный признак этого вида ансамблевого музицирования (называемого австрийскими исследователями *Bauernbarock* — «крестьянское Бароко») — ведущая функция скрипки на фоне гармонического (иногда просто басового) сопровождения. Тем не менее,

⁴⁷ Разумовская Е. Н. Плачи *под язык* и *под иканье* — особые вокально-ансамблевые формы причетной традиции // Экспедиционные открытия последних лет. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970–1990-х годов: Статьи и материалы / Ред.-сост. М. А. Лобанов. СПб., 1996. С. 9–10.

⁴⁸ Ромодин А. В. Народные музыканты юга Псковщины. С. 10.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Мацневский И. В. Троица музыка — к вопросу о традиционных ансамблях // *Artes Populares. Yearbook of the Department of Folklore*. Budapest, 1985. P. 98.

⁵¹ Noll W. H. Peasant Music Ensembles in Poland: A Cultural History. Univ. of Washington Ph. D. Theses, 1986; цит. по: *Bielawski L. Polish Instrumental Folk Ensembles* // *Studia instrumentorum musicae popularis*. 1992. Vol. 10. P. 54.

судя по материалам, представленным в сборнике И. Д. Назиной⁵², именно на Витебщине часто встречается и гетерофонная фактура, связанная, возможно, с характерной для региона вокальной практикой⁵³.

Для вопроса о проникновении западноевропейских скрипки и цимбал в белорусские деревни немаловажна подмеченная еще Е. В. Гиппиусом близость крестьянской белорусской и еврейской инструментальной традиций. Исследователь указывает на «чисто инструментальные плясовые песни, репертуар которых (а отчасти и интонационный стиль) смыкается с народной инструментальной музыкой еврейских скрипачей. В белорусской и еврейской народной инструментальной музыке разнообразно переломились интонации и ритмы западноевропейской и русской городской танцевальной музыки»⁵⁴. И. В. Мациевский подчеркивает «воздействие цыганских и еврейских капелл танцевальной музыки» на «тройсту музику» Украины⁵⁵. Еще в 1888 г. инструментовед М. О. Петухов перечислял «лежащие арфы», встречаемые «у некоторых из наших инородцев» и не носящие название «гусли»: «финские *кантеле*, с тождественными ему латышскими *куклес* и литовскими *канклес*, и еврейские цимбалы»⁵⁶. Очевидно в России конца XIX в. цимбалы воспринимались именно как еврейский инструмент. В связи с этим стоит также упомянуть образ цимбалиста Янкеля в стихотворном романе Адама Мицкевича «Пан Тадеуш», действие которого происходит в нынешней Белоруссии. О еврейских цимбалистах Городокского уезда Витебщины писал Н. Ф. Финдейзен⁵⁷. Общеизвестен «классический» клезмерский ансамблевый состав скрипка — цимбалы — бубен. Весьма показательны, что и цимбалы, по упомянутым работам А. В. Ромодина и А. М. Мехнецова, а также по картотеке Псковского областного словаря, широко бытующие в рай-

⁵² *Назина И. Д.* Белорусская народная инструментальная музыка; *passim*.

⁵³ *Ромодин А. В.* Роль тембра в становлении северобелорусской народной инструментальной музыки (Поозерье — пограничье Псковской, Смоленской и Витебской областей) // Традиционное искусство и человек: Тезисы докл. XIX научной конф. молодых фольклористов памяти А. А. Горковенко 15–17 апреля 1997 г. / Отв. ред. М. И. Родителява. СПб., 1997. С. 54–58.

⁵⁴ *Гиппиус Е. В.* Замечания о белорусской народной песне // Белорусская народная песня: Сб. ст. / Отв. ред. З. В. Эвальд. М., 1941. С. 121.

⁵⁵ *Мациевский И. В.* Тройста музыка — к вопросу о традиционных ансамблях. С. 101.

⁵⁶ *Нива*. 1888. № 33. С. 826.

⁵⁷ *Финдейзен Н. Ф.* Еврейские цимбалы и цимбалисты Лепяньские // Музыкальная этнография: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Финдейзен. Л., 1926. С. 38–43.

онах бывших еврейских центров Себеж, Невель и Велиж, сразу исчезают севернее так называемой «черты оседлости». Несомненно то, что белорусская инструментальная ансамблевая культура в значительной степени обязана еврейским профессиональным музыкантам-клезмерам.

Выше уже упоминались *уличные наигрыши* Городокского района Витебщины. По-видимому, общерусская традиция подобных неплясовых инструментальных форм, весьма дифференцированных в функциональном и в локальном отношении, в северо-восточной Белоруссии заканчивается. Наигрыши «под песни» уступают здесь место высокоразвитой культуре *польки* — одному из ведущих инструментальных жанров польско-белорусской традиции, с бесчисленными структурными и функциональными вариантами.

К общерусской инструментальной культуре тяготеет и распространённая, по наблюдению И. Д. Назиной⁵⁸, на Витебщине и на Могилевщине плясовая «Камарыцки», называемая здесь «Лявонихой».

Если «игра под драку» охватывает северо-восток Витебщины, то знаменитый *боевой танец* «ломание»⁵⁹ в Псковской области распространён исключительно на традиционной территории скобарей. Поляки могли драться под гармошку, но никогда перед дракой не «ломались». Ареал этого (к сожалению, совершенно не изученного!) танца сильно отличается от популярных среди иных любителей современного кулачного боя представлений⁶⁰, по которым «ломание» исторически связано с кривичами. На достоверно кривичских территориях (Смоленск, Полоцк) ничего хотя бы отдалённо напоминающего «ломание» скобарей неизвестно. На происхождение и значительную древность этого боевого танца могут указывать его зооморфные, «явно медвежьи черты», подмеченные исследователем игровой культуры И. А. Морозовым⁶¹, а также и тот факт, что «ломание» распространено только в пределах финно-угорской гидронимии. На близость скобарского танца к финно-угорским традициям указал также И. В. Мациевский в личной беседе с автором

⁵⁸ *Назина И. Д.* Беларуская народная інструментальная музыка. С. 639.

⁵⁹ По народной терминологии, эстетике и стилистике сильно расходится с традиционной русской пляской. Исходя из этого, «Скобаря», играемого хоть и «под драку» (для «ломания»), мы все же относим к неплясовым наигрышам.

⁶⁰ См. на сайте www.buza.ru

⁶¹ *Морозов И. А.* Экспедиция в Вашкинский район Вологодской области // Живая старина. 1995. №2(6). С. 54.

после выступления в 1994 г. в Российском Институте истории искусств (Санкт-Петербург) ансамбля А. В. Грунцовского.

У среднего и молодого поколения псковичей пробуждается заметный интерес как к боевому танцу и наигрышам «под драку», так и ко всему комплексу ритуализированных праздничных драк, известных, как правило, только по воспоминаниям старших. Показателен здесь оживленный рассказ жителя деревни Озерец Торопецкого района, в возрасте около 55 лет. Собеседник, Озверившийся под легким воздействием алкоголя, не без гордости затронул «боевую» тему — и в военной истории, и в личной биографии: «Мы все время с кем-то воевали, а тут (указывает в сторону Торопца. — *У. М.*) никто не воевал <...> Если я не дерусь (в начальных классах школы с одноклассниками из других деревень. — *У. М.*), это значит, что день пропал зря. <...> Даже девки подносили нам камни <...> А я озерецкий малец, я их должен побеждать». Реплики типа «я чистокровный скобарь» собеседник подчеркивал жестами из боевого танца: выставленная грудь, прижатые высоко к бокам кулаки, с резкими движениями плечей и локтей. Очевидно, «ломание» и окружающий его контекст — сознательно или подсознательно — и в наше время имеет немаловажное значение в самоощущения скобарей.

Особенности великолукского наигрыша

И по своему эмоциональному складу, и по психическому воздействию на слушателя все распространенные на Псковщине локальные разновидности «Скобаря» различаются еще и в зависимости от внемузыкального контекста и соответствующего ему способа исполнительской артикуляции. Весьма часто наигрышу приписывают суггестивный, почти агрессивный характер. «Задиристая игра» — очень распространенная характеристика, которая напрямую связана с одной из главных функций наигрыша: «игра под драку» — музыкальный способ возбуждения ритуально подготовленных, приуроченных к престольным праздникам и довольно жестких столкновений, в которых принимали участие разные по территориальной принадлежности группы мужской молодежи, а порой и взрослые. «На “Скобаре” воспитывался характер, смелость», — так высказался гармонист А. А. Гринев (1939 г. р.) из города Кунья. В то же время «Скобарю» свойствен и элемент глубокой печали. А. В. Ромодин приводит воспоминание о кунинском гармонисте И. П. Кондрусеве: «Пулька (прозвище музыканта. — *У. М.*) играл «Скобаря»

так, что можно было заплакать»⁶². Подобных отзывов односельчан об особенно выдающихся музыкантах очень много. Один из жителей деревни Троица Великолукского района в полухуточку так выразил двойственный характер наигрыша: «Кто хорошо играет — прослезиться, а то на подвиг поднимает».

Разные эмоциональные оттенки и структурно-артикуляционные характеристики «Скобаря» ясно отражаются в народной терминологии. По структуре многие музыканты отличают «Короткого скобаря» от «Длинного» или «Долгого»⁶³. Первый отличается краткостью формы, резкой, отрывистой подачей звука и — обычно — чередованием «бас — аккорд» по восьмым. Именно «Скобарь короткий» характеризуется как «задиристый», «резкий», «повеселее». «Длинному скобарю» свойствен более сдержанный темп, иногда развернутая форма, но прежде всего плавная артикуляция и в наигрыше, и в пении. В басах преобладает одноголосная фактура (без аккордовых клавиш), частое применение четвертей и объединение нескольких звуков способом легато.

«Короткого скобаря» некоторые музыканты не отличают от «Скобаря под драку», связанного, конечно же, с мужским репертуаром. «Длинный Скобарь», с его лирическим настроением, больше подходит к женскому репертуару. Хотя и внутри мужского репертуара существует разграничение между более веселой (помимо игры «под драку») и более «скучной» игрой. Ситуативно эта атмосферно-артикуляционная оппозиция связана с движением в приподнятом настроении к месту вечеринки и возвращением после нее домой — после тяжелого прощания с девичьим обществом. Соответственно, «К девкам» и «От девок» — самостоятельные и полноценные названия наигрышей, аналогичных во многом «Короткому» и «Длинному скобарю».

«Скобаря» А. В. Ромодин справедливо называет «предметом особой гордости для лучших местных гармонистов»⁶⁴. Именно в нем (как и в других уличных наигрышах «под песни») проявляется мелодическая изобретательность музыканта, виртуознейшая техника, порой способность реализовать сложную полифоническую фактуру — как в инструментальной партии, так и в ансамбле с певцом. «Скобарь» в наше время доступен далеко не всем гармонистам. Му-

⁶² Ромодин А. В. Народные музыканты юга Псковщины. С. 10.

⁶³ См., напр.: Разумовская Е. Н. Традиционная музыка русского Поозерья. № 166–167.

⁶⁴ Ромодин А. В. Народные музыканты юга Псковщины. С. 11.

зыканты старшего поколения нередко отмечают, что усвоение наигрыша порождает значительные трудности у молодых музыкантов, а иной раз и нежелание разучивать его. Такие трудности хорошо знакомы и музыкантам из «вторичных» фольклорных ансамблей, ориентированных на формы традиционного музицирования.

Эти трудности возникают на двух уровнях — как на уровне восприятия и умения воспроизвести игру внутренним слухом, так и на уровне собственно исполнительской техники. Стоит вспомнить, как столкнулся с принципиальной неуловимостью народного инструментального мелоса Б. В. Асафьев: «Я пробовал как-то для себя собрать и обобщить полученное из наблюдений в данной области народных *скерцо*. Пришлось сознаться себе в ограниченности слухового горизонта. <...> Область *скерцо* самая острая, живая, подвижная — недостижимая для словесного описания (разумею: в отношении интонационно-конструктивной техники)»⁶⁵. Эта интонационно-конструктивная техника направлена прежде всего на постоянное преодоление всякого схематизма. Можно говорить о виртуозности, подвижности не только пальцев, но и музыкантского сознания, о своего рода *ментальной виртуозности*. Особенно пожилым мастерам-гармонистам глубоко чужда любимая концертными баянистами секвенционная техника и четкая артикуляция основной формы и ее частей. В то же время в игре народных музыкантов довольно распространен мотивный повтор, затрудняющий восприятие формы, которая определяется скорее мелодической инициативой⁶⁶ басовой партии (примеры 5, 11, 15). Скорее всего, именно эти сложности — эстетически необыкновенно продуктивные — имел в виду уроженец Торопецкого района (род. в 1938 г. на хуторе Старица в окрестностях деревни Карташово) — отвечая на вопрос о главном местном наигрыше, он не указал его названия («Под драку»), а, сделав паузу, медленно произнес: «хитрая».

Конечно, и виртуозность исполнительского аппарата играет огромную роль. Значительную часть репертуара на гармони-хромке можно играть тремя пальцами правой и двумя левой руки; кое-как так можно сыграть и «Скобаря». Но для подлинных мастеров этого недостаточно: правая рука, по словам знаменитого городокского гармониста Ивана Ивановича Ивлева, должна играть четыре-

⁶⁵ Асафьев В. В. Композитор — имя ему народ // Борис Асафьев о народной музыке: Сб. статей / Ред. И. И. Земцовский. Л., 1987. С. 19 [перезд. статьи 1949 г.].

⁶⁶Формулировка Ю. Е. Бойко.

мя пальцами. «Вот ежели ты так набьешь руку, то можешь хорошо играть»⁶⁷. Уроженец Куньинского района Владимир Прокофьевич Яковлев также не без справедливой гордости говорит: «Я — беззотный профессионал, профессионал-самоучка! Поэтому я играю всеми четырьмя пальцами»⁶⁸. «Набитая рука» значительно расширяет интонационный горизонт музыканта, его «художественный поиск» (термин А. В. Ромодина) — правая рука отвечает за подвижность основной мелодии, левая — за расширение мелодического начала и за усиление темброво-регистровой подвижности в басовой партии. И то и другое принципиально важно для музыкальной эстетики скобарей.

В зависимости от художественной концепции музыканта, «Скобарь» может исполняться как отшлифованная до мельчайших мелодических движений устойчивая композиция или же как постоянная импровизация — вплоть до сбивания периодичности наигрыша. В качестве примера первого принципа можно назвать наигрыш великолукского скрипача В. Е. Муравицкого «Псковская под песни. Скобаря»⁶⁹, второй принцип отчетливо прослеживается в первом из трех вариантах «Скобаря», исполненных куньинским гармонистом Д. Т. Подстежонком⁷⁰.

Наиболее распространенная форма «Великолукского скобаря» состоит из четырех тактов по две четверти. Иногда метроритмической артикуляции восьмидольной формы более соответствует тактное решение со сменным метром (пример 2). На первой доле обычно происходит движение от тонального центра (условно g^1), реже от верхней квинты или октавы, к мотиву c^2-h^1 (по восьмым, с обыгрыванием второго тона) на второй доле. Движение этого мотива, как правило, поддерживается скачком с субдоминанты на тоникку в басовой партии гармоники. Особенно наглядно этот инициальный мотив (зачин) заметен в начале примеров 1, 5, 8. После зачина второй такт заполняется, как правило, двум мотивами по четыре шестнадцатых, в большей или меньшей степени ориентированных на движение по четвертям: неустой — устойчив. Во второй половине

⁶⁷ Ромодин А. В., Ромодина И. А. (авторы-сост.). Традиционное искусство Поозерья. Вып. 2: Вечериночная музыка. Без пагинации.

⁶⁸ Ромодин А. В. Традиционные рассказы о северо-белорусских народных музыкантах-инструменталистах // Музыкант в культуре: концепция и деятельность: Сб. науч. тр. / Ред. А. А. Тимошенко. СПб., 2005. С. 115.

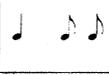
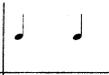
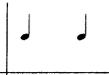
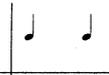
⁶⁹ Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. (авторы-сост.). Напевы родины Мусоргского: Грамзапись. Л.: Мелодия, 1989. С20 28761 001.

⁷⁰ Разумовская Е. В. Традиционная музыка русского Поозерья. № 166–168.

основной формы часто развивается ритмически подвижная мелодия, заканчивающаяся на кадансе в четвертом такте, хотя особенно одаренные музыканты часто стараются как бы «смазать» контуры формы мелодическими переходами (эта — первая — разновидность «Великолукского скобаря» представлена в примерах 1–4). Во второй разновидности мелодический рисунок второго такта может исполняться два раза; при третьем повторении он проводит к кадансу (пример 11а). Однако этот центральный мотив нередко повторяется чаще (примеры 5, 6а), расширяя таким образом четырехтактную формулу. Эта — вторая — разновидность великолукского наигрыша с мотивным повтором иногда встречается на Псковщине южнее городов Кунья и Великие Луки. Третья разновидность, распространенная на северо-востоке Жарковского района Тверской области (по нижнему течению реки Велесы — левого притока Западной Двины), отличается периодичностью более низкого уровня — первая и вторая половина восьмидольной формы почти одинаковы (пример 7). Только изредка местные гармонисты выстраивают более развернутую композицию на основе простейшей формулы. В примере 8 показана постоянно повторяемая (с некоторыми вариациями в басовой партии) форма в исполнении М. И. Лебедева.

Гармоническое движение первой разновидности «Великолукского скобаря» не всегда можно свести к устойчивой формуле, хотя здесь довольно часто встречается, например, такая последовательность:

Схема 1

			
G C G	a G	D G	D G

Для «Великолукского скобаря», как и вообще для инструментально-вокальных наигрышей (термин Ю. Е. Бойко) Псковщины, характерно сольное исполнение вокальной партии. Когда присутствуют несколько поющих, однострофные песни «частушечного» размера стиха поются по очереди. В этом заметно отличие скобарской традиции от уличных наигрышей в других регионах русского Севера и Северо-Запада. Ритмическое движение песни идет по восьмым, с затактом, наподобие известной плясовой песни «Ах вы,

сени, мои сени». Последние два слога нечетных строк могут растягиваться на два раза (пример 4). Строки, никогда не поющиеся подряд, удлиняются или словоповоротом перед четными строками — как в известной по работам Ю. Е. Бойко⁷¹ «Спасовской» (междуречье Волхова и Сяси) — или паузами, а иногда и характерными восклицаниями, выражающими то угрозу (в мужских песнях «под драку»), то глубокие душевные переживания (характерно для женского пения, хотя и не только для него). Обычно ритмическая организация здесь такова: расстояние от первого удара нечетной строки (третий слог стиха) до появления финального тона четной строки (15-й слог стиха) составляет ровно 10 долей.

Как «Порховская» и «Спасовская», «Великолукский скобарь» отличается *асинхронным соотношением вокальной и инструментальной партий*. При этом не совпадают не только кадансы партий, но и метр. К сожалению, в известных транскрипциях этот важный принцип обычно не учитывается, и тактовые черты обеих партий совпадают. Инструментальный наигрыш подгоняется, как правило, под метр вокальной партии. Такой способ скрывает реальную гетерометрию и осложняет восприятие инструментальной формы.

В «Великолукском скобаре» довольно часто первый слог стиха (в «частушечном» размере, без учета вводных восклицаний и частиц) приходится на седьмую четверть наигрыша. Соответственно финальный тон песни (обычно тональный центр, хотя нередко и малая субтерция к нему) звучит одновременно со второй четвертью инструментальной партии⁷². Возникающее при этом совпадение финального тона вокальной строфы (и полустрофы) с субдоминантой наигрыша (встречается также в «Порховской») предает инструментально-вокальному ансамблю неповторимую динамику. В примере 4 первый стиховой слог совпадает с пятой четвертью наигрыша, хотя те же исполнители иногда начинают петь на два такта раньше, т. е. одновременно с началом наигрыша. Ощущение

⁷¹ Бойко Ю. Е. 1) Современные формы бытования Спасовской частушки бассейна Волхова и Сяси и перспективы их развития // *Artes Populares. Yearbook of the Department of Folklore. Budapest, 1985. P. 78–94*; 2) Интонационные элементы Спасовской частушки // *Актуальные теоретические проблемы этномызыкального знания. Гиппиусовские чтения V. 7–9 декабря 1993 г.: Материалы конференции*. СПб., 1993. С. 30–34.

⁷² Примеры: *Земцовский И. И.* Торопецкие песни. № 1106; *Мехнецов А. М.* (автор-сост.). Гуди гораздо. «Скобаря» (предпоследн. запись); *Бойко Ю. Е.* Соотношение текста и напева в русской частушке. № 3.

асинхронности возникает в этих случаях из-за несовпадения сильных и слабых долей (затакт в вокальной партии — полный такт в инструментальной). Тот же гетерометрический принцип показан в примере 6б, где, благодаря импровизационному характеру наигрыша, трудно понять, соответствует ли вокальная партия некой устойчивой инструментальной формуле.

Восточные соседи

Исходя из появившихся ранее публикаций трудно было понять, где проходит восточная граница ареала «Великолукского скобаря» и какова региональная характеристика инструментального репертуара за пределами этой области. Именно поэтому изучение инструментальной мелогеографии в восточных зонах региона стало одной из задач экспедиций, проведенных в 2005 и 2006 гг. Оказалось, что между областью наигрыша «Завидовская», известного по записям С.Н.Старостина из Оленинского⁷³ и Нелидовского⁷⁴ районов Тверской области, и ареалом «Великолукского скобаря» проходит довольно четкая граница в непроходимых болотах к западу и юго-западу от города Нелидово — хотя в послевоенное время «Завидовская» была перенята и в Жарковском районе. В Бельском районе наигрыш называют «Заливочка», но более традиционными на коренной территории бытования вновь оказались функциональные названия «По деревне» или «Под песни».

На схеме 2 изображена ритмоформула инструментального наигрыша и мелодическое движение в басовой партии гармонии (буквы могут обозначать как основные басы, так и аккорды). Ритмоформула «Сени», известная нам по вокальным партиям разных типов «Скобаря», образует здесь основу наигрыша. Отличительный признак «Завидовской» — ладовая переменность. На сильных долях ля-мажор и соль-мажор как бы борются между собой за больший вес в сознании слушателя. Восприятию наигрыша как мажорного в некоторой мере может способствовать кадансовый оборот мелодии на последней четверти (пример 10). В сторону минора часто «тянет» финальный тон песенной строфы.

Вокальная партия здесь совпадает по метроритмической основе с инструментальной. «Частушечный» стих (8+7, 8+7) здесь поет-

⁷³ Кошелев А. С. Русские народные балалаечные наигрыши. М., 1990. № 10.

⁷⁴ Краснопевцева Е. А., Величкина О. В. Проект детской школы народного творчества // Сохранение и возрождение фольклорных традиций / Отв. ред. А. А. Банин. М., 1990. № 3.

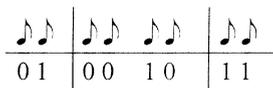
				Н.И.Кожанов (пример 9)
C G	a a	C a	G G	
				В.М.Лавренов (пример 10)
C G	a a	a a	G G	
				В.М.Коргузов (дер. Молодой Туд, Оленинск. р-н.)
C G	a a	e F	G G	
				К.И.Басов (дер. Никитино, Оленинск. р-н.)
C G	a a	e a	G G	

ся (или, скорее, речитативно припеваается) по восьмым (формула «Сени»). Асинхронность, однако, присутствует и здесь — в том отношении, что первый слог песни приходится на пятую восьмую наигрыша.

Межрегиональные параллели с «Завидовской» можно найти, если учесть более высокий уровень абстракции, нежели гармоническая формула. В случае, если в инструментальных наигрышах сильно варьируются гармонические ступени, иногда уместно свести их реальные функции к двум категориям — устоя (0) и неустоя (1). Такой подход перспективен для анализа репертуара средней и юго-западной Псковщины, где (особенно в гусельных наигрышах) стабильна не гармоническая формула, а лишь расположение центрального аккорда (или, реже, его параллели) и противопоставленных ему побочных аккордов. Здесь можно говорить о *бинарной функциональной гармонии*, основанной на тяготении между *двумя* центрами — в отличие от западноевропейской функциональной гармонии, для которой, как известно, характерны три гармонических центра⁷⁵. Правда, в случае «Завидовской» иерархические отношения устоя и неустоя незаметны. Условно можно обозначить мажорный центр цифрой 1, минорный же цифрой 0. Две последних гармонических формулы из схемы 2 в более абстрактной схеме 3 показывают комплементарное расположение функций в двух ритмических формулах с организацией по четыре восьмых.

Подобная формула особенно характерна для гусельных и ба-

⁷⁵Подобный способ (наряду с некоторыми другими) используется и в упомянутой выше диссертационной работе автора. Он несколько схож с аналитическим методом, удачно использованным О. В. Величкиной применительно к игре на курской многоствольной флейте (Величкина О. В. Сохранение курской традиции многоствольной флейты // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 2. Ч. 1 / Отв. ред. А. А. Банин. М., 1993), который стал известен автору лишь к концу работы над диссертацией.

лалаечных версий наигрыша «Под песни», записанных на северо-востоке Новгородщины⁷⁶, где неустой и устой иногда полностью соответствуют минорному трезучию и мажорному аккорду, расположенному секундой ниже. Формула встречается также в наигрыше «По деревне» на востоке Устьянского района Архангельской области в разных гармонических вариантах.

По имеющимся данным, граница «Великолукского скобаря» к северу от ареала «Завидовской» вырисовывается менее четко. В Торопецком районе великолукский наигрыш встречался нам довольно часто. Напротив, в Андреапольском районе «Скобаря» этого типа играл лишь уроженец деревни Соловенец — на самом северном краю района, граничащем с Новгородской областью, — гармонист Василий Иванович Шаляпин. На родине этого великолепного музыканта со звучным именем предположительно проходит северо-восточная граница ареала, в котором распространен «Великолукский скобарь». Наигрыш В. И. Шаляпина демонстрирует характерный зачин в первом такте и следующую за ним мелодически активную фразу, построенную на мотивном повторе. Басовая линия при этом варьируется и несколько расходится с характерной для этого типа регулярной сменой неустоя и устоя (пример 11а, б).

Другие андреапольские гармонисты часто используют в «Скобаре» зачин великолукского наигрыша, после чего следует относительно подвижный в мелодическом отношении такт. Третий такт открывает новую фразу, мелодически и гармонически достаточно неподвижную (примеры 13, 14), и это совсем не похоже на все ныне известные типы «Скобаря», для которых в основном характерно движение по шестнадцатым, иногда в комбинации с восьмыми, но очень редко в сочетании с четвертями или более долгими нотами. Соотношение инструментальной и вокальной партий соответствует описанному выше принципу «Великолукского скобаря»: первый слог приходится на седьмую четверть, финальный тон — на вто-

⁷⁶См., напр.: *Моргенштерн У. К* вопросу о корнях современной традиции игры на балалайке и на гармонике в России // Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и материалов памяти Ларисы Ивлевой. С. 184–186. № 7.

рую четверть. Так поет «Скобаря» Алексей Владимиров из бывшего Жуковского сельсовета (в примере 13 показана инструментальная версия). Однако Александр Семенов из того же сельсовета начинает наигрыш с седьмой, выступающей здесь как затакт четверти нормативной модели (пример 14). Таким образом теряется ощущение асинхронности, столь характерной для «Великолукского скобаря». Более развернутую форму предпочитает андреапольский гармонист Николай Шкадов (пример 15). Здесь отсутствует зачин великолукского наигрыша. Подвижный мелодический оборот слегка варьируется, после чего опять следует мелодически и гармонически малоподвижная фраза, ведущая к конечному обороту. Исполняя наигрыш, музыкант не только комбинирует четные и нечетные такты, в концовке у него сбивается даже регулярное чередование четвертных.

В Жукопской волости, на самом востоке Андреапольского района, где записан наигрыш из примера 12, местному «Скобарю» музыканты противопоставляют перенятый в сороковые годы наигрыш «Залесица». Он оказался не чем иным, как распространенной «за лесами», точнее за Центральным лесным заповедником, нелидовской «Завидовкой».

«Скобаря», записанный в поселке Ворошилове Пеновского района от гармониста Анатолия Николаевича Гусарова (1957 г. р.) в общих чертах близок к андреапольским наигрышам (зачин + мелодический оборот, ведущий к нижнему устою + мелодически растянутая фраза; см. пример 16). Необычны сильно варьированные ритмические комбинации в последнем такте. Транскрипция показывает (без учета затакта) финальный аккорд из двух четвертей, а также из четверти и четверти с половиной. В других мелострофах Гусаров также повторно использовал комбинацию пунктированной с обычной четвертей. Такая необычно свободная ритмика в сочетании с частой сменой темпа в конечном итоге преодолевает метрическую заданность, столь характерную для других русских уличных наигрышей. Сосредоточенность музыканта, осмысленная акцентировка исключают здесь возможность ошибочного исполнения. Ворошиловские певцы, как и сам Гусаров, под гармонь исполняли типично скобарские песни с обязательными возгласами в начале строк и с резкими окончаниями. Именно так под балалайку поет отец гармониста в наигрыше, называемом «Новгородской» (пример 17). Из транскрипции до конца не ясно, вытекает ли нерегулярность наигрыша из художественной концепции музыканта или

она все же вызвана некоторой неуверенностью в исполнении — поскольку инструменталист под свою игру исполняет еще и достаточно самостоятельную вокальную партию. Приводим этот наигрыш здесь прежде всего как яркое свидетельство скобарского пения на восточной окраине бывшей Псковской губернии. К сожалению, в Пеновском районе нам довелось побывать весьма недолго. Его совершенно неизученная, но несомненно чрезвычайно богатая инструментальная традиция заслуживает самого пристального внимания со стороны этноорганиологии.

В заключение следует отметить, что для жителей обследованной территории — особенно в пределах бывшей Псковской губернии — локальная этническая идентичность имеет немаловажное значение. Их самоощущение как скобарей неразрывно связано с этномызыкальным самосознанием. И этническая, и музыкальная сторона понятия «скобарь» могут иметь значительную притягательную силу для южных соседей исконно скобарской зоны. Носители северно-белорусских говоров на Псковщине — поляки — со временем стали принимать не только русскую, но и скобарскую идентичность. Инструментально-вокальный наигрыш «Скобарь», юго-восточная разновидность которого здесь была представлена, — не только гордость каждого уважающего себя псковского музыканта, но и гордость традиционной музыкальной культуры Псковской земли.

НОТНЫЕ ПРИМЕРЫ

1. Скобаря (Марипчелская)

Н. И. Панов, гармоника-хромка

$\bullet = 109$
sempre staccato

The musical score is presented in six systems, each containing a treble and bass staff. The key signature is one sharp (F#) and the time signature is 2/4. The tempo is indicated as 109 beats per minute, and the articulation is 'sempre staccato'. The score includes various musical notations such as slurs, accents, and dynamic markings like sfz. The music features a rhythmic melody in the treble and a harmonic accompaniment in the bass.

2. Скобаря (Черпеская)

♩ = 103

Н. И. Панов, гармоника-хромка

Musical score for "Скобаря (Черпеская)" by N. I. Panov. The score is in G major and 3/4 time. It consists of two systems of music. The first system has three measures with time signatures 3/4, 2/4, and 3/4. The second system has three measures with time signatures 2/4, 2/4, and 3/4. The music features a melody in the right hand and a bass line in the left hand, with various chords and triplets.

3. Скобаря

♩ = 83

В. А. Ульянов, кирилловская гармоника

Musical score for "Скобаря" by V. A. Ulyanov. The score is in G major and 2/4 time. It consists of three systems of music. The first system has four measures. The second system has four measures. The third system has four measures. The music features a melody in the right hand and a bass line in the left hand, with various chords and triplets.

Piano introduction in 2/4 time, key of B-flat major. The right hand features a melodic line with eighth and sixteenth notes, while the left hand provides a harmonic accompaniment with chords and triplets.

4. Скобля длинного, разливного

А. А. Гринёв, гармоника-хромка
Т. Ф. Гринёва, пение

♩ = 97

1. Го - во - ряг, кар - то - шку сь - ли,

The first line of the song features a vocal melody in the upper staff and piano accompaniment in the lower staff. The tempo is marked as quarter note = 97. The lyrics are: "1. Го - во - ряг, кар - то - шку сь - ли,"

ой ко - ло - рад - ски - е жу - ки.

The second line of the song continues the vocal melody and piano accompaniment. The lyrics are: "ой ко - ло - рад - ски - е жу - ки."

А не ну - жно нам кар - тош - ки,

The third line of the song continues the vocal melody and piano accompaniment. The lyrics are: "А не ну - жно нам кар - тош - ки,"

а лишь бы бы - ли му - жи - ки.

The fourth line of the song concludes the vocal melody and piano accompaniment. The lyrics are: "а лишь бы бы - ли му - жи - ки."

5. Скобаря

$\text{♩} = 85$ А. Ф. Данилов, гармоника-хромка

6а. Под драку

$\text{♩} = 104$ Н. Б. Кушаков, гармоника-хромка

sempre staccato

Piano introduction for the piece 'Под драку'. The music is in 2/4 time, key of D major. The right hand features a rhythmic pattern of eighth and sixteenth notes, while the left hand provides a harmonic accompaniment with chords and single notes.

66. Под драку

Н. Б. Кушаков
гармоника-хромка, пение

First system of the song. It begins with a tempo marking of quarter note = 109. The melody starts with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5. The piano accompaniment consists of chords and single notes in the left hand.

Second system of the song. The vocal line continues with the lyrics: "Нам хо - те - ли за - пре - тить,". The piano accompaniment includes triplets in the right hand.

Third system of the song. The vocal line continues with the lyrics: "да по у - спен - ско - му хо - дить." The piano accompaniment features a triplet in the right hand.

Fourth system of the song. The vocal line concludes with the lyrics: "А нам то - гда за - прет да - дут,". The piano accompaniment includes a sextuplet in the right hand.

ко - гда за - ре - жут и - ли у́бьют.

7. По деревне

И. В. Мищенко
гармоника-хромка

$\text{♩} = 102$

8. По деревне

М. И. Лебедев
гармоника-хромка

$\text{♩} = 118$

9. По деревне (Заливочка)

Н. И. Кожанов, гармоника-хромка

$\bullet = 113 - 115$

The musical score is written for a single instrument, likely a chromatic harmonica, in a 3/4 time signature. The key signature consists of two flats (B-flat and E-flat). The score is divided into six systems, each containing a treble and a bass staff. The first system includes a tempo marking $\bullet = 113 - 115$. The music features a mix of eighth and sixteenth notes, often beamed together, and various chordal textures in the bass staff. The piece concludes with a final chord in the bass staff.

10. Заливочка

В. М. Лавренов, гармоника-хромка

$\text{♩} = 125$

1. Как по э - той, по де -

ре - вень - ке хо - жу семь-над - цать раз. [Не - у -] же - ли мо - я

ми - ла - я на - пить - ся не по - дать?

11а. Скобаря

В. И. Шалапин
гармоника-хромка

$\text{♩} = 121$

11в. Скобаря

В. И. Шалапин
гармоника-хромка

$\bullet = 116$

12. Скобаря

И. С. Коптилин
гармоника-хромка

$\bullet = 97$

13. Скобаря (Под песни)

А. В. Владимиров
гармоника-хромка

$\bullet = 94 \rightarrow 101$

14. Скобаря (Под песни)

А. М. Семёнов, гармоника-хромка, пение
А. В. Владимиров, пение (запев)

$\text{♩} = 112 \rightarrow 116$

1. Брось, дев -
чо - ноч - ка, та - ить - ся, глу - хим
ле - соч - ком бе - жать. При - дёт
вре - меч - ко та - ко - я, о - ох, бу - дем
ря - дыш - ком ле - жать.

15. Скобаря (Под драку)

Н. К. Шкадов, гармоника-хромка

$\text{♩} = 81$

5

3

16. Скобаря

А. М. Гусаров
гармоника-хромка

$\text{♩} = 101$

3

2

♩ = 84 3

17. Новгородская

Н. Ф. Гусаров, балалайка, пение

♩ = 114

1. Ох, как нов - го - род - ска - я, скоп - ска - я, о -

ох, как зем - ля - ни - чень - ка мо - я. Ох,

как са - ма сто - ишь три ко - пей - [ки]. О -

ох, как су - шить маль - чи - ка ме - ня.

В транскрипциях гармонных наигрышей двойная лига обозначает «смазанный», с минимальным наложением, переход от одного звука к другому. Стрелка перед нотой в вокальной партии указывает на альтерацию примерно на четверть тона; альтерация более узкий интервал обозначается усеченной стрелкой. Нотная головка в виде крестика указывает на речевую артикуляцию, квадратная головка — на распетый звук, но с шумовым «хриплым» призвуком — распространенный прием в скобарском пении.

Помимо автора в полевых записях принимали участие: Е. В. Бородулина (4, 10), Р. В. Кошелев (10), А. В. Ромодин (4, 10), И. И. Стесев (1–3, 5, 6, 12–15), В. В. Виноградов (7, 9), В. И. Ярыш (8, 11, 16, 17), сотрудники Отдела культуры деревни Оленино.

Псковская область

1. *Скобаря (Марипчелская)*. Зап. 9 сентября 2006 г. в дер. Черпесса Великолукского р-на от Николая Ивановича Панова (род. в 1948 г. в дер. Гайдуково).

2. *Скобаря (Черпесская)*. См. № 1.

3. *Скобаря*. Зап. 20 сент. 2006 г. в дер. Тронино Куньинского р-на от Василия Андреевича Ульянова (род. в 1931 г. в дер. Темрево).

4. *Скобаря длинного, разливного*. Зап. 2 авг. 2006 г. в г. Кунья от Анатолия Арсентьевича Гринева (род. в 1936 г. в деревне Кожино) и Татьяны Федоровны Гриневой (род. в 1935 г. в дер. Кожино).

5. *Скобаря*. Зап. 14 сент. в дер. Белавино Куньинского р-на от Андрея Филипповича Данилова (род. в 1930 г. там же).

6а-б. *Под драку*. Зап. 17 сент. в дер. Успенское от Николая Борисовича Кушакова (род. в 1952 г. в дер. Каменька).

Тверская область

7. *По деревне*. Зап. 21 окт. 2005 г. на станции Кашенки Жарковского р-на от Ивана Васильевича Мищенко (род. в 1952 г. в дер. Залужье).

8. *По деревне*. Зап. 24 авг. 2006 г. в г. Андреаполе от Михаила Ивановича Лебедева (род. в 1937 г. в дер. Заборье Жарковского р-на).

9. *По деревне (Заливочка)*. Зап. 12 октября 2005 г. в дер. Липовка Оленинского р-на от Николая Ивановича Кожанова (род. в 1932 г. в дер. Карское Бельского р-на).

10. *Заливочка*. Зап. 16 июля 2003 г. в дер. Верховье от Василия Михайловича Лавренова (род. в 1932 г. в дер. Дунаево).

11а-б. *Скобаря*. Зап. 25 авг. 2006 г. в г. Андреаполе от Василия Ивановича Шаляпина (род. в 1930 г. в дер. Соловенец).

12. *Скобаря*. Зап. в 26 авг. 2006 г. в пос. Жукопе от Ивана Степановича Коптилина (род. в 1928 г. в дер. Шелеговка Пеновского р-на).

13. *Скобаря (Под песни)*. Зап. 25 сент. 2006 г. в г. Андреаполе от Алексея Владимировича Владимирова (род. в 1930 г. в дер. Заход Жуковского сельсовета).

14. *Скобаря (Под песни)*. Зап. 25 сент. 2006 г. в г. Андреаполе от Александра Михайловича Семенова (род. в 1930 г. в дер. Покровская Жуковского сельсовета) и Алексея Владимировича Владимирова (см. № 13).

15. *Под драку*. Зап. 26 сент. в г. Андреаполе от Николая Кузьмича Шкадова (род. в 1927 г. в дер. Фомино, ныне Козловское сельское поселение).

16. *Скобаря*. Зап. 26 авг. 2006 г. в дер. Ворошилово от Анатолия Николаевича Гусарова (род. в 1957 г. там же).

17. *Новгородская*. Зап. 26 авг. 2006 г. в дер. Ворошилово от Николая Федоровича Гусарова (род. в 1932 г. в дер. Гора).

ЧЕЛНОК ДЕДА МАЗАЯ В ПУЧИНЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы» впервые было опубликовано в журнале «Отечественные Записки» за 1871 г., № 1, с. 124 с подзаголовком: «Из стихотворений, посвященных русским детям». Таковым, и только таковым — детским стихотворением — оно оставалось до последних десятилетий, когда в образах и коллизии этого произведения стали искать и находить глубинный семиотический смысл. Обращает на себя внимание число упоминаний Мазая в Интернете — 77 000. В большинстве своем это реклама кроличьего мяса и анекдоты, в значительном числе которых содержательно объединяются два персонажа русской классической литературы — Дедушка Мазай и Герасим из рассказа И. С. Тургенева «Муму». Достаточно ясно, что связывает этих героев в обывательском сознании: один спасает животных, другой губит. Но сам факт избирательности, причины выбора массовым сознанием того или иного образа, персонажа в качестве героя анекдотов, являются определенной культурологической проблемой и, возможно, это происходит без участия глубинной культурной памяти.

В дедушке Мазае, подбирающем тонущих зайцев, видят аллюзию к библейской легенде о всемирном потопе и Ное, спасающем в своем ковчеге «каждой твари по паре». Мазая уподобляют Харону, перевозящему души умерших в Аид через подземную реку. С этим согласуется и славянская мифология зайца, весьма разнообразная и сложная, наделяющая зайца, среди прочего, и демоническими свойствами (ср. «косой бес пошел в лес...», заяц — «скот» лешего). Заяц оказывается связанным и с водной стихией: А. Н. Афа-

насев приводит русское поверье, согласно которому «плывая по воде не должно поминать зайца, потому что этого не любит водяной, и, осердившись, подымает бурю», у рыбаков, преимущественно на северо-русских озерах, существуют табуистические названия зайцев, например, *кривень* (ср. именование черта *кривой*). Согласно распространенным у славян поверьям, души умерших могут принимать облик различных животных, в том числе и зайца¹, что непосредственно соотносится с интерпретацией Мазая как перевозчика душ умерших.

В материалах о Мазая, представленных в Интернете, мифология героя еще более расширяется. «Как показало недавно завершённое группой исландских этнографов под названием “Весна Зайца” исследование, такой персонаж русского фольклора, как Дедушка Мазай, имеет гораздо большее значение для мировой культуры, чем считалось до сих пор. . . По новым данным, Дедушка Мазай предстает в новой роли эпического героя, разнесшего свет цивилизации и зайцев по всем культурам. Конечно, у разных племен образ Дедушки претерпевает некоторые изменения, которые, тем не менее, не мешают опытному глазу распознать межкультурную общность этого персонажа. Например, у индейцев Кечуа в Южной Америке Дедушка изображается не в лодке, как это свойственно европейской традиции, а сошедшим на землю. Но при этом Мазай, или Моукумазайкль, как его называют индейцы, принося радость обладания зайцами, неизменно держит в левой руке весло, а в правой — мешок с ушастыми зверьками. . . » Как утверждается в материалах Интернета, «следы Деда Мазая есть практически во всех мировых мифах». Приведены аналогии из мифологии и других племен и народов.

Не беремся дать оценку приводимым сведениям, но можем предложить некоторые материалы и соображения, снижающие мировую значимость деда Мазая, но основанные на конкретных диалектных материалах центральной России.

В этнодиалектных материалах, собранных в правобережных районах Нижегородской области в 1990–2000 гг., представлен персонаж Мазай. «Баялись раньше Мазая, много о нем рассказывали. А хадил он в бычьей шкуре, с рагами как у аленя, с кашытами как у свиньи» (Лопатино Сергачевского р-на Нижегород. Обл.) Образ Ма-

¹ Гуря А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 186–187.

зая используется для устрашения маленьких детей, если они не слушаются. «Мазаем ребятишек-то пугали. Ну как, вот скажешь — Мазай придет, тебя унесет» (Навашинский р-н, Нижегород.)².

Эти материалы, хотя и небольшие по объему, дают возможность установить некоторые параллели и сделать определенные предположения.

В числе многочисленных имен персонажей, которыми издавна «полохали» детей на Руси, имя Мазай включается в ряд имен определенной структуры: это *Мамай* (особенно в колыбельных), *бабай*, *дед бабай*, *бабайка*, *бадяй*, *дедушка Вавай*, *тарабай*, *Вася-Тарабай*: «Бай, бай, бай, Да приходил к нам Вася-Тарабай, Приходил к нам Тарабай, Да говорил нам, Витю дай, А мы сказали не дадим, Витя надо нам самим» (Арх., Мез.)³. Среди перечисленных наименований по крайней мере два документально являются тюркскими по происхождению: *Мамай* и *бабай* «старик». Остальные имеют структуру, характерную для тюркских имен лиц. Традиционная культурная память о нашествиях татар на Древнюю Русь также мотивирует использование тюркизмов в устрашительной функции.

Слово *мазар* в ряде тюркских языков — татарском, чувашском, киргизском, узбекском, уйгурском и др. означает «кладбище», «священная могила», «священное место посещений»; оно считается заимствованным из арабского, где также означало место посещения, могилу⁴. (Попутно отметим, что среди имен детских устрашителей есть и имя сходного фонетико-словообразовательного облика со словом *мазар* — *бабар*⁵. В русских говорах находим соответствующее этому тюркскому слову заимствование: *Мазарáки* Татарское кладбище. Глубже могилы роют, чтобы не было дурного запаха, как у татар делатца; у них того и гляди, что провалишься к мертвену, когда идешь по мазаракам. Тобол., Слов. Акад. 1927. *Мазáрки*, мн. Кладбище, погост. Самар. 1852. Казан, Симб., Ставроп. — Как Иван? — Эх, давно на мазарки отнесли. Куйбыш. (СРНГ: XVII, 1981: 293–294).

Но имя Мазай, как представляется, связано с идеей смерти,

² Любова Е. Ю. Былички. Народная мифология Нижегородской области. Рукопись. 2006: 125.

³ Архив Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) (сектор фольклора). Колл. 266. П. 5.

⁴ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 129.

⁵ Любова Е. Ю. Былички.

кладбища опосредованно. Можно предположить, что *мазай* — это одно из возможных именований ряженого. На это указывает приведенный контекст: «ходил он в...». В «Корневом чувашско-русском словаре...» Н. И. Золотницкого, изданном в 1875 г. и в силу этого отражающем старый, традиционный, сейчас во многом утерянный слой языка и культуры, слово *мазар* определяется прежде всего как «нечистый, негодный». Кроме того, по свидетельству Н. И. Золотницкого, описывающего в своем словаре некоторые обычаи чувашей, территориально весьма близких к местам фиксации именованья *мазай*, *мазар* — это места, куда бросают платье, постель и вещи умершего; эти места, по мнению чувашей, посещаются покойниками. И, что особенно важно для рассматриваемой темы, чувашаи после похорон очищаются, переодеваются, надевают другое белье⁶. Именно это, возможно, и послужило поводом к возникновению наименования ряженого, т. е. переодетого — *мазай*. Ряженный *мазай* — это вероятно, ряженный покойником, символ смерти. Об этом говорит описание его облика: бычья шкура, оленьи рога, копыта. В Печерских материалах болезнь скота «холера», «коровья смерть», предстает в сходном облике: «Голова коровья, копыта на ногах конские, руки есть, а вся обвешана саблями. Человек, не человек, скотина, не скотина, а так, смешана» (Печ.). Этот образ коровьей смерти есть еще одно свидетельство взаимодействия народной и книжной культуры, народной словесности и книжной письменности. Очевидно сходство народного образа и описания смерти в популярном в средневековой литературе, в том числе и на Руси, произведении «Повесть о прении живота со смертью», где смерть также предстает полиморфной и «вооруженной» многочисленными ножами. [Человек встретил некое чудище-смерть]: «Кто ты, о лютый звѣрь, образъ твой страшить мя вельми, и подобие твое челоуѣческое, а хождение твое звѣриное... ты ко мнѣ едина пришла, только съ собою оружия и запасу много носишь... образъ твой страшить мя». Далее в тексте описывается использование упомянутого оружия: «и подсече ему ноги косою, и возьмъ серпъ, и захвати его за шию, и возьмъ малый оскородецъ и нача отсекаати нозѣ и руцѣ и вся составы его... и возьмъ тѣслу и отсече главу его» (XVII в. ркп. Увар. № 557. лл. 33–36 — Тихомиров, 1859: 186). Встреча человека со смертью стала сюжетом

⁶ Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

целого ряда лубочных картинок конца XVII–XVIII в., под которыми имелись тексты, например, такие: «Ѓдетъ Аника через поле, На встрѣчу АникѢ Ѓдетъ чудо, Голова у чуда человекска, Волосы у чуда до пояса, Туловище у чуда звѣриное, А ноги у чуда лошадиныя». Несколько далее по тексту чудо «представляется» Анике-воину: «А я смерть страшна и грозна, Вельми непомѣрна». Аника отвечает: «азъ я тебя небоюсь и кривыя твоя косы и оружия твоего не страшусь» (Там же: 183–185). Наличие оружия — «саблями вся увешана» — позволяет надежно связать образ смерти в печорских материалах и в древней повести, лубочных картинках. Черты сходства с подобными образами имеет и полиморфный образ Мазаля, из чего можно заключить, что словом *мазай* скорее всего обозначался устрашающего вида ряженный, изображающий смерть, покойника, образы которых неизменно присутствовали в обрядах, а затем и играх, связанных с ряжением.

В говорах слово *мазай* на основе фонетического и, вероятно, образного сходства в результате аналогического сближения с глаголом *мазать* оказалось связанным с идеей грязи, запачканности и включенным в группу лексем соответствующей семантики: *Мазай*, Нижегород. Слов. Акад. 1927, то же, что *мазан*, Грязнуля, замарашка. Нижегород. 1853. Экой ты мазан, словно как цыган. Юрьев. Влад. С тем же знач. *Мазала*, Нижегород. 1877, *Мазаница* Твер. Осташк. 1855, *Мазанка*: женск. к *мазан* Твер, Яросл. Пск. (СРНГ, 17: 293–294).

Чем непосредственно руководствовался Н. А. Некрасов, выбирая имя для героя детского стихотворения, сказать трудно. Возможно, он знал человека с такой фамилией или, скорее, прозвищем. «Как утверждал А. В. Попов в докладе на IX Всесоюзной Некрасовской конференции в Новгороде (1959 г.), Мазай — реальное лицо. Некрасов встречался и беседовал с ним, охотясь в Костромской губернии. Попов был знаком с “потомками Мазаля, носившими фамилии Мазаихины”»⁷. Известна также и фамилия Мазаев.

Что касается самого сюжета стихотворения, то он может иметь вполне житейские источники. В романе Некрасова «Тонкий человек» рассказывается о безжалостном истреблении зайцев во время весеннего разлива рек: несчастные зайцы «бродили по обнаженным островам, тоскливо поглядывая на ближний, но недоступный лес или кустарник. . . Десятка полтора мальчишек ловили зайцев, —

⁷ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 3. Л., 1982. С. 440.

били вдогонку палками. . . У берега они заметили три ботика, уже до половины нагруженные зайцами. . . Каждое семейство. . . весной запасается зайчатинной и, посолив, ест ее до самого лета»⁸. Ситуация, описанные в стихотворении, вполне соответствовала реалиям жизни тех мест. О деревне Малые Вежи, находящейся в 40 верстах от Костромы, известно, что она подтоплялась весной, поэтому многие строения в ней были на сваях. В Костроме во дворе Ипатьевского монастыря в музее-заповеднике деревянного зодчества находится церковь Преображения на дубовых сваях из села Спас-Вежи, находящегося неподалеку от деревни, описанной Некрасовым⁹.

Возможно, имя Мазай показалось удачным Некрасову также и из-за ощутимой аллитерации: *Мазай* — *зайцы*, но маловероятно, чтобы это обстоятельство имело решающее значение.

Есть все основания полагать, что в творческом сознании Некрасова спонтанно проявила себя культурная память, в той или иной мере свойственная каждому носителю культуры, тем более поэту. Это становится особенно ясно, если обратить внимание на «антонимичность» ситуации, описанной в стихотворении, тому, что происходило в реальной жизни: избиение зайцев с целью запастись пищей и их спасение; устрашающий образ Мазая-смерти, покойника, Мазая-ряженого, пугала для детей и образ доброго дедушки Мазая, спасающего зайцев. Претворение зла в добро, воспитание души человека — источник некрасовского образа Мазая, сохраненного культурной памятью народа и воспринятого творческим сознанием поэта. Некрасовский добрый дедушка Мазай демонстрирует неисчерпаемую глубину культурной памяти, сложность путей, которыми идет и народное образное осмысление мира, и творческое преобразование культурного наследия в национальной литературе.

⁸Там же. Т. 4. С. 402.

⁹Там же. Т. 3. С. 440.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДИАЛЕКТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ КАРТОФЕЛЬНЫХ БЛЮД (на материале смоленских говоров)

Русские лингвисты неоднократно высказывали мысль о необходимости изучения семантической картины языка в тесной связи с историей народа. Диалектная лексика в первую очередь отражает своеобразие хозяйственной жизни и быта населения. Изучение диалектных слов способствует постижению своеобразного видения мира носителями говоров. Тематические группы слов (земледелие, животноводство, хозяйственные постройки, предметы домашнего обихода и др.) позволяют систематизировать не только лингвистические, но и исторические, культурологические, этнографические знания о жизни народа. Одну из таких тематических групп представляют продукты питания. Питание русских людей, как отмечает И. С. Лутовинова, состояло «из растительной пищи, представляющей собой продукты земледелия (зерновые культуры, позже овощи) и собирательства (грибы, ягоды), во вторую очередь, из рыбных, молочных продуктов и в последнюю очередь — из мясных блюд»¹.

Картофель появился на русской земле после XVI в. и занял приоритетное положение среди других овощных культур. Наряду с общенародными названиями блюд, приготовленных из картофеля, в лексической системе смоленских говоров содержится большое количество локально ограниченных наименований различного типа. Описание диалектных субстантивов — наименований блюд, в приготовлении которых используется наиболее распространенная на Смоленщине сельскохозяйственная культура, небезыntenес-

¹ Лутовинова И. С. Слово о пище русской. СПб., 2005. С. 5.

© В. А. Королькова, 2008

но как с лингвистических, так и с этнографических позиций. Семантическое поле «Картофельные блюда», как справедливо замечает О. А. Михайлова, включает «базовый опыт носителей русского языка»². Лингвистический анализ в ономасиологическом аспекте позволит, на наш взгляд, выявить мотивировочные признаки при наименовании конкретных жизненных реалий, а также деривационные связи слов, их экспрессивно-оценочные оттенки в живой народной речи. Семасиологический подход продемонстрирует множественность значений, свойственных одному наименованию. Лингвистическое описание во многом перекликается с описанием этнографическим. По мысли А. С. Герда, лингво-этнографические темы имеют культурно-историческую значимость и их разработка «обогащает национальный, культурный фонд государства»³. В филологии, считает учёный, это описание рукописных фондов, архивов, оригинальных материалов, составление словарей. Полагаем, что тематическая группа слов, называющих блюда из картофеля, представляет научный интерес в связи с системным изучением диалектной лексики.

Лингвистическая интерпретация описываемых реалий позволяет выделить семантическое поле «Картофельные блюда» с разной степенью наполняемости его составляющих. В пищу используется картофель отварной, печеный, жареный, тушеный с преобладанием отварного и печеного, что позволяет выделить соответствующие микрополя. В целом описываемая группа наименований включает лексические и фразеологические единицы (*картошки, картошки в тулупчиках*), в основе которых лежат номинативные и предикативные свойства (*картошник, толкунь*), стилистически нейтральные и эмоционально окрашенные (*бульбаки, тошнотки*).

Микрополе «Блюда из отварного картофеля» включает наименования вареного очищенного и неочищенного картофеля как самостоятельного блюда, пюре, супов, лепешек, пирогов.

Картофель как продукт огородничества в смоленских говорах повсеместно называется *бульбой*. (Раньшы усё бульбый картошку звáли) (ССГ: I, 286). Отметим несомненное влияние белорусского языка, особенно в пограничных районах, на смоленские говоры. Слово *бульба* послужило мотиватором для наименований *бульбаки, бубляки, бубаки* со значением 'картофель, сваренный цели-

² Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург, 1998. С. 181.

³ Герд А. С. Прикладная лингвистика. СПб., 2005. С. 3.

ком': Вы хатітя бублякóу? Ёта цэлыя картóшка, вáрють яé у чугунáх (Там же, 274); Дай хъть бублякóу, йись хачú дúжа (Там же, 287). О распространённости слова *бúльба* свидетельствует наличие в речи многих его производных: *бúльбанíна* — 'листва картофеля', *бúльбённик*, *бúльбёшник*, *бúльбóвник* — 'ботва картофеля', *бúльбянiще* — 'картофельное поле', *бúльбяный* — 'приготовленный из картофеля' и др.

Очищенный картофель, варёный клубнями, широко используется смоленскими крестьянами в качестве готового блюда. Как показывают наблюдения за живой разговорной речью, наименование *картóфель* в быту практически не используется: его заменяет другое — *картóшка*, оцениваемое в общенародном языке как разговорное. Интересен тот факт, что в форме единственного числа существительное *картóшка* употребляется в собирательном значении, обозначая то же, что и существительное *картóфель*: Картóшку пúсади́ли. Ти ни пыра́ ёть картóшку кúшáть? Картóшка сёлита дúжа пúхáя, во залётъсь бúла харóшья. Этот факт не исключает употребления существительного *картóшка* в грамматическом значении единичности, что предполагает наличие форм как единственного, так и множественного числа. Это явление подтверждается многими примерами: Дёуки, ти бúдитя вы картóшку есь? Садит́ися картóшки есь. Таким образом, слово *картóшка* с грамматическим значением единичности обозначает не растение, а подземные клубни картофеля, употребляемые в пищу. Аналогичная картина наблюдается при сравнении вариантов *картóха* и *картóхи*, *картóхля* и *картóхли*, *картóпля* и *картóпли*, *кардóпка* и *кардóпки* (Кардóпку пыра́ садит́ь. Кардóпки ужé пасéили. А што ёли: кардóпки ды хлеб.)

Вареный картофель как готовое блюдо именуется в диалектной речи также субстантивами *гáлки* и *жсалдévья*. Этимология слова *жсалдévья* остается затемненной. Лексема *гáлки* реализуется в нескольких значениях, объединяющей семьей для которых является форма. *Гáлками* называются предметы, имеющие округлую форму: колечко в самопрялке, крупная бусина, отварная картофелина. Прослеживается несомненная связь с белорусским словом *гáлка* — 'шарик, кругляш'.

Неочищенный вареный картофель в речи жителей смоленских деревень номинируется посредством лексических и фразеологических единиц: *галúшки*, *самолúпка*, *шкля́нцы*, *картофель в тулúпе* (*в тулúпах*, *в тулúпчиках*, *в штанáх*, *в портóчках*, *в лúпиках*),

карто́шка в тулúпах (в тулúпчиках, в штанáх, в шúбке, в шелухé, в шалупé), карто́шки в шалупé (в лúпиках), карто́шка-недолúпка. (Карто́шку варíли ня чíстиушы — у штýнах.) Диалектные наименования соответствуют общеупотребительной фразеологической единице *картофель в мундире*.

Варёный картофель толкли и получали блюдо, которое в общеупотребительной форме русского языка называется *картофельным пюре*. Слово *пюре* как протертая масса фруктов, ягод или овощей в среде носителей диалектной речи практически не используется, однако широкоупотребительными являются его эквиваленты: *гúстики, густёники, забеля́ники, комы, мьлы́ки, мьлы́цы, пустёники, разво́жсенники, томáник, томáнка, толчё́ник, толчё́ница, толчё́ники, толкуны́*. Как показывает словарный материал, основной мотивировочный признак ориентирован на действие по способу приготовления блюда. Мотивировочная предикативность вербально выражается глаголом *толочь* (Карто́шки пýтаукéш, зып ráвиш, кали есь чим, — во табé и тълчйá) (Там же: X, 189). Другие диалектные названия картофельного пюре семантически мотивированы каким-либо признаком, характерным для названной пищи: *гúстики, густёники* — загустевший толченый картофель (Карто́шку рýстáлкúть, яйцы увабúють, мьлычка́ прибáвють и у пéчку стáвють. Ёты гúстики зькишáть, згустéють, тады́ их и ядуть) (Там же: III, 98); *забеля́ники* — ‘разведённый молоком толчёный картофель’ (Таучóную карто́шку зьбиляють мьлакóм — вот вам и зьбиля́ники) (Там же: IV, 34); *пустёники* — ‘ничем не заправленный толчёный картофель’ (У пустёники жы́ра ни кладúть, так карто́шку пýтаукúть — и усé) (Там же: IX, 75); *разво́жсénка* — ‘толчёный картофель, разведённый молоком’ (У карто́шку мьлы́ка уваллю́ть, пýтаукúть — во табé и рзвáжóнка) (Там же, 88).

Картофельное пюре обозначается также посредством фразеологических единиц. Фразеологическое выражение *картошка белёная* содержит указание на добавление молока. Фразеологизм *картошка с примазкой* имеет значение ‘варёный картофель, политый конопляным маслом’.

Толченый картофель является основой не только для картофельного пюре. Из толчёного картофеля на Смоленщине готовили много других блюд, например, *толкуны́*. Сельские жители подробно описывают процесс приготовления *толкунóв*: Хьрашó таукúть карто́шку, дьбыуляють му́ки, патóм дéльють, как бухáнка хлéба. Асты́нить, тыда́ парéжутъ нъ кусóчки, пькладúть нъ скъварóтку,

паллють ма́слѣм раститильным и у печ ста́вють. (Там же: X, 186). Толченый остуженный картофель, разрезанный пластами и политый маслом, имел и другие названия: *талалуй, толкунец, толмач, мбылки, мбыльцы, мбыльники, брусыки, скрылькы*. Если варёный картофель протирали через решето, то получалось блюдо с метафорическим названием *червячки* (Чирвячки — ётъ ку́шгня с атварно́га ачйшпыньга пирятёртыга с лúкѣм карто́хвила, пратёртыга чэрыз рёшыта, пълуча́юцца такий червячки, зыпрыуляють раститильным ма́слѣм) (Там же: XI, 103).

Из толченого картофеля готовили блины, оладьи и лепёшки, обозначенные в говоре разнообразными лексическими единицами, частотность употребления которых снижается от нейтральных к эмоционально окрашенным. Перечислим зафиксированные лексемы: *ва́хли, валёники, да́вки, картофля́ник, колоту́шка, колоту́шник, кибрик, ло́шка, маку́ха, ла́дик, ла́дка, лапу́н, ола́дка, перепёчка, па́лух, па́льши, пресня́к, пресну́шка, пресну́ха, прэ́сник, пресно́к, пресна́к, рва́нцы, светля́к, солодо́вка, толмач, толчённик, шелева́шка*. (Таукли у стúпи карто́шку халонную, рыска́тывэгли и пякли́ блины́ карто́шны — таучо́ники (Там же: X, 189); Карто́шку памну́ть, рэзвяду́ть мѣлако́м, усы́плють тудá крыхма́л и пяку́ть свитля́кы. А с тёрты́ карто́шки блины́ си́нии (Там же: IX, 172); Сва́риш карто́шки, пѣтаукэ́ш, у мукэ́ абвыля́иш и пякэ́ш ляпёшкы-прясну́шки. Прянсу́шки — ёта ку́шгня с карто́шки. Яэ ва́рили у мунди́рѣх, таукли́ с мѣлако́м, дѣбыуля́ли туды́ мукú, сади́ли нь лпáту и ста́вили у пэ́чку) (Там же, 11).

Вареный картофель повсеместно использовался как начинка для пирогов. Пироги с картофельной начинкой имеют разнообразное вербальное выражение: *карто́хленник, карто́шница, карто́шник, карто́фельник, картофля́ник, ка́шник, латру́шка, льндрик, начинник*. В ряде номинаций фиксируется особенность картофельной начинки: *мяко́тник* — ‘пирог с начинкой из картофеля с добавлением мяса’, *кукуёк* — ‘пирог, чинённый картофелем с крупой’, *ку́рник* — ‘пирог с начинкой из картофеля, куриных потрохов и яиц’. Если в качестве начинки использовался не размятый отварной, а мелко рубленный сырой картофель, то пирог назывался *сечёником, сечёнкой* по предикативному мотивировочному признаку.

Семантическая подгруппа «Картофельные супы» представлена наименованиями, имеющими различную мотивированность. В первых, наименование супа мотивируется основным его ингре-

диентом — картофелем: *карто́шки, карто́хи, карто́шка жидкая* (Спирва́ карто́х налліб, а патом і шти пыда́м: ёштя хъраше́нька) (Там же: V, 19). Во-вторых, в наименовании содержится указание на способ приготовления картофеля: *рэзанки, резёнка, пла́стики, скі́бки* — ‘суп с картофелем, порезанным на пластики’ (*Карто́шку рэ́зали пла́стикэ́ми у суп, чаго дыба́виши, штоп сма́ннёй бы́ла рязо́нка*) (Там же: IX, 129); *болто́ники, болта́ ники* — ‘суп из размятого в бульоне картофеля’, *галу́шки, балдэ́сики* — ‘суп с картофельными клёцками’ (На́рэш карто́шки, атажме́ш, зде́льшш та́ккі кругля́чкі — балдэ́сики и брыса́иш у мьлако́. Нъкида́иш тудá балдэ́сикэ́у, вот и гаво́рють: ёштя суп с балдэ́сикэ́ми) (Там же: I, 115). В-третьих, мотивируясь глагольным действием, наименования объясняют способ употребления: *обма́чка, карто́шки хлеба́ные*.

Отдельную семантическую подгруппу из сферы названий картофельных блюд представляют наименования блинов, приготовленных из сырой картофельной массы: *сыру́н, терту́к, теру́н, терто́ник, терто́вник, те́ртик, терту́шник, драче́ник, дрое́на, дра́чка, дра́нец, дра́ник, дра́нка, дере́н, дере́ник, лёпанец, лёпик, лёпка* и др. Как показывает языковой материал, среди наименований доминирует мотивация по способу приготовления, что на вербальном уровне выражается глаголами *тереть* (*терть*) и *драть*.

В голодные военные и послевоенные годы сельским жителям приходилось питаться гнилым картофелем. Из замёрзших, перезимовавших в поле клубней картофеля готовили блины, которые получали эмоциональные наименования, основанные на неприятном запахе, неприглядном виде, негативных вкусовых ощущениях. Лепёшки, оладьи, блины из гнилого, промёрзшего картофеля в смоленских говорах именуется как *тошнотки, тошнотье, тухля́ники, манто́лики, льнді́ки, хрё́пники, дутки, лажу́дрики* и др. В речи диалектоносителей отчётливо прослеживается негативная оценка обозначаемых реалий: Как бы́ла у вайну́ гъладу́ха, тьк събира́ли маро́жыную карто́шку у по́ли вясно́й, пяклі́ с ниё́ лату́рики и ё́ли (Там же: VI, 19); По́сли ташно́тикэ́у то́шна станові́цца (Там же: 10, 195); Събира́ли у по́ли гнилы́и карто́шки, шалу́ху сыма́ли, тау́клі́ и пяклі́ ляпё́шчы́-шаумо́рики (Там же: XI, 121).

Сырой, тертый на терке картофель использовался также как тесто для пирогов. Пироги из сырого картофельного теста номинировались без очевидного мотивировочного признака: *самоду́мце, пуга́лик, кулі́к, мя́сник* (Апысла́ вайны́ усё́ сьмаду́мцы пяклі́,

муки ж ни было. Картошку варили, таукли, пирямешывзли с дра́нҕй, дельгли пирьшкй и пякли ёты съмадўмцы) (Там же: IX, 159).

Отметим также, что диалектные названия свидетельствуют и о других, помимо перечисленных, картофельных блюдах. Картофель добавлялся в тесто для выпечки лепёшек (*пресна́к, пресну́шка, лану́н*) и хлеба (*перепёчка, ма́ковка*), из него готовили кисель (*картофельник*), запеканку (*карто́шник, карто́хи густые*), картофель жарили (*сы́рижи, резо́нка*) и тушили (*туше́ники*).

Целый пласт наименований продуктов питания из картофеля позволяет говорить о традиционно-бытовой культуре русского народа. Картофель как основной продукт питания наравне с хлебом на протяжении нескольких веков играет важнейшую роль в материальной жизни русского крестьянина. Многочисленные названия свидетельствуют о том, что в разговорной русской народной речи сформированы представления о пищевых продуктах из картофеля, об их отличительных особенностях.

Привлечение диалектной лексики позволяет проникнуть в семантико-деривационную структуру слов в рамках определенного семантического пространства и дать ему оценочную характеристику. В соответствии с классификацией аксиологических оценок, разработанной Н. Д. Арутюновой⁴ и на обширном диалектном материале детализированной Т. И. Вендиной⁵, попытаемся показать вербальную фиксацию биологически значимых для человека признаков и свойств.

Качественно-характеризующие признаки, которые базируются на сенсорных ощущениях, редко служат основой для наименований продуктов питания из картофеля. Мотивировочными признаками могут выступать вкус (*пресну́ха* — ‘лепёшка из пресного теста и картофеля’, *солодб́вка* — ‘картофельная лепёшка, предназначенная для солода’, *солё́ник* — ‘картофель, сваренный в очень солёной воде’, *тошнóтик* — ‘блин из гнилого картофеля’), цвет (*светля́к* — ‘блин из отварного картофеля и крахмала’, *забеля́ники* — ‘разведённый молоком толчёный картофель’), обоняние (*тухля́ник* — ‘блин из гнилого картофеля’), осязание (*гу́стики* — ‘густая масса отварного толчёного картофеля’), форма (*це́льник* — ‘картофели-

⁴ Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. М., 1984. С. 12.

⁵ Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 203.

на, отваренная целиком', *дўтики* — 'блины из мороженого картофеля', *червячки* — 'отварной картофель, протёртый через решето', *брўсики* — 'остывший вареный картофель, порезанный кусочками'; *плáстики* — 'картофельный суп'). Качественно-характеризующий признак содержит в себе объективную оценку продукта питания: *пресня́к* — 'пресное картофельное тесто', *новина* — 'молодой картофель', *сырўн* — 'блин из тёртого картофеля', *сырки* — 'сырой картофель, предназначенный для жарения'. Наименования пищевых продуктов из картофеля могут содержать отрицательную коннотацию, если продукты не удовлетворяют сенсорным или эстетическим представлениям говорящего: *ошалевáник*, *ошелевáшка*, *тухля́ник*, *тошнóтик*, *тошнóтье*, *рвóтники*, *шавмóрик*, *латўрик*, *лахўрик*, *лб́ндрик*, *хўханик*, *шкля́нцы* — 'блин из гнилого картофеля'.

Партиципальный признак положен в основу наименований по веществу, из которого состоит продукт питания (*картб́шка*, *картб́хи*, *кардб́пки*, *бульбаќи* — 'отварной картофель') и основному ингредиенту (*картб́хленник*, *картб́шник*, *картб́шница* — 'пирог с картофельной начинкой'; *картб́шка*, *картб́хи* — 'картофельный суп'; *картб́фельница* — 'картофельная запеканка'; *картб́фельник* — 'картофельный кисель'; *картофля́ник* — 'картофельная оладья'; *кў́рник* — 'пирог с начинкой из картофеля, яиц и куриных потрохов'; *мя́сник* — 'пирог из картофеля с мясом'.

В ряде случаев наименования картофельных блюд базируются на акторном признаке, называющем действие при употреблении продукта: *самолў́пка*, *лупл́енка* — 'картофель в мундире' от глагола *луп́ить* — 'снимать кожуру, шелуху'; *хлебáнка* — 'жидкое картофельное пюре', *хлебáник* — 'картофельный суп' от глагола *хлебáть*; *макў́ха* — 'картофельная лепешка, которую обмакивали при еде в растительное масло'.

Квантитативный признак определяет либо единичность (*картб́шина*, *бу́льбина*), либо остатки, пищевые отходы (*срэ́зки* — 'картофельные очистки'; *вы́терки*, *обдёрки*, *жом* — 'выжимки тертого картофеля'; *отёрыш* — 'остаток картофеля после протирания на терке'.

подавляющее большинство картофельных блюд семантически маркируется в диалектной речи акциональным признаком, который содержит значение действия, оказываемого на предмет. Разнообразные картофельные блюда номинируются по действию, называющему способ их приготовления: *круч́енка*, *толкáнка*, *разво́жэнка* — 'картофельное пюре' от *кру́тить*, *толо́чь*, *разво́дить*;

тёртик, *тертук*, *тертóвник* — ‘блин из тёртого картофеля’ от *тереть*; *дрáчка*, *дрáник*, *дерун* — ‘оладья из тёртого картофеля’ от *драть*; *лепóк*, *лэпка* — ‘картофельная котлета’ от *лепить*; *лэпник*, *лэпанец* — ‘картофельная котлета’ от *лэпать*; *отвару́ха* — ‘отварной картофель’ от *варить*; *мят́ник* — ‘толчёный картофель’, *мяту́ха* — ‘картофельная запеканка’ от *мять*; *резóник* — ‘суп из картофеля, порезанный пластиками’, *резóнка* — ‘жареный картофель, порезанный пластиками’ от *резать*; *болту́ха* — ‘суп из картофеля, размятого в бульоне’ от *болтать*; *сечё́ник* — ‘пирог с начинкой из мелко рубленного картофеля’ от *сечь*; *да́вки* — ‘блины из толчёного картофеля’ от *давить*; *валё́ники* — ‘оладьи из толчёного картофеля, обваленные в муке’ от *валять*; *туше́ники* — ‘тушёный картофель’ от тушить и др.

Наименования продуктов питания реализуются в речевой практике по наиболее значимым, существенным признакам. Можно сделать вывод, что предикативный характер исследуемых наименований реализуется глаголами, обозначающими характерные для приготовления картофельных блюд действия.

Все рассматриваемые нами лексемы содержат в дефиниции базовое для описываемого семантического поля слово *картофель* (вареный картофель, толченый картофель, блин из тёртого картофеля, суп с картофельными клецками, картофельная запеканка, пирог с картофельной начинкой и под.). В номинациях картофельных блюд преобладает диалектное слово *картошка* с его вариантами *картошки*, *картоха*, *картопля* и др. Следовательно, слово *картошка* выступает как релевантный признак в процессе номинации ряда блюд. Языковой материал свидетельствует, что наиболее распространенными мотивирующими основами при назывании картофельных блюд являются глаголы *толочь*, *драть*, *тереть*, что, соответственно, позволяет сделать вывод о характере самих блюд. Среди пищевых продуктов из картофеля преобладают отварной толченый картофель и блины из тёртого картофеля.

Понятийный репертуар обозначаемых реалий, с одной стороны, оказывается шире по сравнению с лексическим, так как одно и то же слово обозначает разные реалии; с другой стороны, лексический состав превышает понятийный благодаря наличию синонимов. Достаточная степень сходства между значениями одной единицы языка приводит, как традиционно считается в лексикологии, к явлению многозначности. Так, лексема *картóфельник* реализуется в пяти значениях: «1. Поле, с которого убран карто-

фель; 2. Картофельная ботва; 3. Пирог с картофельной начинкой; 4. Картофельный суп; 5. Картофельный кисель» (ССТ: V, 18). При этом разные значения входят в соответствующие синонимические ряды. Значение ‘пирог с картофельной начинкой’ имеют слова *картофельник*, *картобленник*, *картофляник*, *картошник*, *картошница*, *кашник*, *стропчик*, *начинник*, *сеченик* и др.; значение ‘картофельный суп’ объединены слова *картофельник*, *картохи*, *болтуха*, *хлебаник*, *резуха*, *обмачка* и др. Однако сразу же возникает ряд вопросов. Если наименования *картофельник*, *начинник*, *кашник* являются разными словами, то как трактовать наименования *картофельник*, *картобленник*, *картофляник* — как разные лексические единицы или варианты одной лексемы? Далее, в одном синонимическом ряду находятся слова, называющие картофельный суп, но в некоторых из них наблюдается развитие новой семантики: *обмачка* — ‘картофельный суп на молоке’, *болтуха* — ‘суп с растертым в бульоне картофелем’, *резуха* — ‘суп с порезанным на мелкие части картофелем’. Таким образом, за внешней простотой явления, каким, на первый взгляд, представляется семантическое поле «Картофельные блюда», кроются сложные семантические процессы, которые нельзя упускать из виду, говоря о диалектной полисемии и синонимии. Разветвленность значений не подкрепляется их территориальным единством, что свидетельствует в большей степени о разных словах, чем о разных значениях одного слова.

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ЧАСТНОЙ МОРФЕМНОЙ МОДЕЛИ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

Среди основных единиц морфемики, к которым традиционно относятся разные виды морфем и их блоков, особо выделяется морфемная модель. Под морфемной моделью понимается «абстрактная схема», отражающая предельные возможности русского языка в сочетаемости морфем¹. Каждая часть речи имеет определенный набор моделей, состоящих «из определенных последовательностей конкретных морфем». Абстрактные морфемные модели различных частей речи² складываются из конкретных моделей, которые, в свою очередь, состоят из последовательностей конкретных морфем. Важную роль и в конкретных, и в абстрактных моделях играет корень, который принадлежит слову определенной части речи — именно по видам сочетаний морфем с корнями слов определенных частей речи формируются частные, а из них и абстрактные морфемные модели.

Морфемные модели отражают строение слов различной степени сложности, изменяемых и неизменяемых. Модели различаются по количеству входящих в них слов: выделяются такие, которые включают очень большое количество слов (в абстрактной модели «корень существительного + суффикс + окончание, или *Кс-С-О*, выделяется частная модель «корень существительного + *-щик*, или *Кс-щик* (нулевое окончание у производных существительных не обозначаем): *фонар/щик, стеклоль/щик*), наравне с ними существуют модели, охватывающие несколько слов, и модели, представленные единичными последовательностями (например, частная модель

¹ Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. М., 2002. С. 682.

² Там же.

© Е. С. Лунькова, 2008

«корень глагола + суффикс *-ин-* + суффикс *-ист-* + окончание», или *Кг-ин-ист(ый)*: *морщ/ин/ист/ый*).

Различные типы абстрактных морфемных моделей (или типы морфной структуры — в терминах источника) были описаны в «Русской грамматике-80» — там выделено 57 типов сочетаний морфем у словоформ с простой основой³, еще двадцать видов сочетаний, преимущественно парных, введены в научный оборот И. С. Улухановым⁴. Отдельные сведения о функционировании частных морфемных моделей даются А. Н. Тихоновым в «Морфемно-орфографическом словаре»⁵, а разновидности морфемных последовательностей перечислены в корневых гнездах «Словаря морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой⁶.

В качестве одной из основных единиц морфемики, раскрывающей особенности морфемной структуры производных существительных в смоленских говорах, можно выделить морфемную модель — абстрактную схему, отражающую морфемную структуру производных существительных, которая формируется на основании принадлежности корней анализируемых слов к определенной части речи и складывается из частных морфемных моделей, реализуемых в говорах.

Морфемный анализ в русском языке ориентирован на выделение конечных составляющих в структуре слова. Морфемный анализ диалектных существительных, на наш взгляд, дополнительно должен быть ориентирован на учет собственно диалектных и литературных элементов в структуре слова и описание особенностей их дистрибуции, поскольку зачастую именно синтагматические связи морфов определяют диалектную специфику слова.

Отождествление сегментов диалектного слова как алломорфов, вариантов морфем, субморфов требует учета функционирования морфемы в отдельном говоре. Мы придерживаемся мнения, что смоленские говоры — исторически сложившаяся диалектная система, функционирующая на протяжении многих столетий и отличающаяся особенностями в фонетике, лексике, словообразовании,

³Русская грамматика. Т. 1. М., 1982. С. 130–131.

⁴Улуханов И. С. Об изучении морфной структуры русских словоформ // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 85–96.

⁵Тихонов А. Н. Указ. соч. С. 683–684.

⁶Кузнецова А. Н., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

морфологии и синтаксисе, которые позволяют противопоставить ее другим частным диалектным системам. Однако нашей целью не являлось описание всего разнообразия диалектных морфемных особенностей отдельных говоров, что и обусловило подачу материала по членению диалектных слов без сведения морфов в отдельные морфемы, ведь известно, что «отождествление морфем требует описания специального диапазона формального и семантического варьирования морфем в говорах»⁷. Отождествлять же морфемы на уровне системы родственных говоров без учета особенностей отдельных говоров, на наш взгляд, нецелесообразно.

Описание морфемных моделей (ММ) производных существительных, функционирующих в смоленских говорах с корнем заданной части речи, проводится по следующей схеме:

1. Количество частных ММ, которые включаются в общую модель, и их разновидности.

2. Характеристика корней ММ: общее количество корней, литературные и диалектные корни.

3. Характеристика аффиксов: общее количество аффиксов, совпадение или несовпадение диалектных и литературных аффиксов в структурно-семантическом плане.

4. Комбинаторика морфем: характер сочетаемости, количество слов в ММ, соответствующих схемам сочетаемости.

Среди морфемных моделей производных существительных в смоленских говорах самой репрезентативной в количественном отношении является модель с корнем существительного и одним суффиксом (Кс-С-О) — в ней 1300 слов с конкретно-предметной семантикой (в статье анализируются только наименования артефактов; наименования лиц и натурфактов не рассматривались).

В модели Кс-С-О представлено совокупно 216 частных диалектных моделей. Из общего количества частных ММ на долю модели Кс-к(а) приходится большинство слов — 214. Остальные регулярные модели можно расположить по частотности следующим образом: Кс-ник (129), Кс-ин(а) (92), Кс-ок (68), Кс-ниц(а) (58), Кс-овк(а) (44), Кс-ик (40), Кс-ищ(е) (35), Кс-к(и) (27), Кс-анк(а) (26), Кс-ец (25), Кс-иц(а) (25), Кс-ень (23), Кс-ушк(а) (21), Кс-н(я) (20). Таким образом, на долю 15 регулярных моделей приходится 845 слов, или 65% от общего количества всех производных существи-

⁷Морфемика и словообразование русского языка: Учеб. пособие. Вологда, 2002. С. 195.

тельных-наименований артефактов в смоленских говорах, построенных по схеме Кс-С-О.

Менее регулярными в смоленских говорах можно считать модели, включающие от 15 до 3 производных существительных, соответствующих схеме Кс-С-О, — всего их 49. В порядке убывания данные модели располагаются следующим образом: Кс-*j*(е) (15), Кс-овник (13), Кс-ак (Кс-як) (12); Кс-енк(а) (Кс-онк(а)) (12), Кс-аник (11) Кс-инк(а) (11); по десять слов функционирует в моделях Кс-арк(а) и Кс-ек (Кс-ёк). Модели, включающие менее десяти производных существительных, достаточно разнообразны и широко представлены в смоленских говорах: Кс-очк(а) (9), Кс-ух(а) (9), Кс-ин(ы) (8), Кс-ан (7), Кс-ашк(а) (7), Кс-ель (7), Кс-овин(а) (7), Кс-ц(ы) (7), Кс-чик (7), Кс-еник (6), Кс-*j*(ё) (5). По четыре слова функционирует в моделях Кс-арь, Кс-атк(а), Кс-ач, Кс-евин(а), Кс-евник, Кс-ёх(а) (Кс-ох(а)), Кс-к(о), Кс-н(о), Кс-ник(и), Кс-няк, Кс-ул(я); по три слова — в моделях Кс-*j*(а), Кс-ак(и), Кс-айк(а), Кс-анк(и), Кс-арник, Кс-арок, Кс-ашник, Кс-ейк(а), Кс-ениц(а), Кс-ешк(а), Кс-ик(и), Кс-ил(а), Кс-нищ(е), Кс-ов*j*(е), Кс-овик, Кс-овищ(е), Кс-онок, Кс-ух, Кс-ц(а). На долю данной группы моделей приходится в общей сложности 273 слов, или 21% от общего количества слов группы.

Нерегулярными являются модели, включающие два производных существительных, однако следует отметить, что их количество в смоленских говорах достаточно велико — 34 — и сами модели достаточно разнообразны по аффиксальному оформлению: Кс-*ø*(а) (Кс-*ø*(я)) (слова женского рода с нулевым суффиксом и окончаниями -*a*/*-я*), Кс-анок, Кс-арн(я), Кс-атик, Кс-атин(а), Кс-евень, Кс-ежк(а), Кс-ен(я), Кс-енник, Кс-ет, Кс-еш(а), Кс-ешк(и), Кс-ён(а), Кс-ёнк(и), Кс-ик(а), Кс-ильн(я), Кс-овниц(а), Кс-отк(а), Кс-очек, Кс-ошк(а), Кс-уг(а), Кс-уль, Кс-ульк(а), Кс-ур(а), Кс-урк(а), Кс-утк(и), Кс-уш, Кс-ушк(и), Кс-ушник, Кс-шк(а), Кс-чик(и), Кс-ырь, Кс-ышек, Кс-яг(а).

Все остальные модели представлены единичными существительными — всего 118 ММ: Кс-*ø*(и), Кс-ав(а), Кс-ак(а), Кс-ал(о), Кс-аль, Кс-альник, Кс-аник(и), Кс-анищ(е), Кс-аночк(а), Кс-ар, Кс-ар(ы), Кс-арих(а), Кс-арищ(е), Кс-арух, Кс-ат, Кс-ах, Кс-ашк(и), Кс-ашниц(а), Кс-(в)етк(а), Кс-д(ы), Кс-дёвок, Кс-ев(а), Кс-ев(о), Кс-евик, Кс-евищ(е), Кс-евн(я), Кс-евух(а), Кс-ег(а), Кс-езник, Кс-ейк(и), Кс-ёл, Кс-елин(а), Кс-елищ(е), Кс-ен(и), Кс-ен(о), Кс-ен(ы), Кс-енёнок, Кс-енк(о), Кс-енчик, Кс-еньк(а), Кс-ерк(а), Кс-

етин(а), Кс-ётк(и), Кс-ёток, Кс-ех, Кс-ечин(а), Кс-ечк(а), Кс-ечок, Кс-ешн(я), Кс-ешник, Кс-иј(и), Кс-ийк(а), Кс-ик(о), Кс-ильн(о), Кс-ин, Кс-инк(и), Кс-иск(а), Кс-истк(а), Кс-иц(е), Кс-иц(ы), Кс-ичин(а), Кс-ичк(а), Кс-ищ(а), Кс-л(о), Кс-л(я), Кс-линк(а), Кс-льниц(а), Кс-мень, Кс-н(и), Кс-н(ы), Кс-новк(а), Кс-нок, Кс-нушин(а), Кс-нушк(и), Кс-одн(я), Кс-ожень, Кс-ольн(я), Кс-оматик, Кс-от(а), Кс-отон, Кс-отон(я), Кс-оч, Кс-очк(и), Кс-ошк(и), Кс-т(а), Кс-уган, Кс-ук, Кс-ук(и), Кс-ул(и), Кс-улк(а), Кс-ун, Кс-уник, Кс-унк(а), Кс-унок, Кс-урник, Кс-урочк(а), Кс-утин(ы), Кс-утк(а), Кс-уш(а), Кс-уш(и), Кс-ушј(е), Кс-ушек, Кс-ц(о), Кс-чук, Кс-чух, Кс-щин(я), Кс-ыг(а), Кс-ык(а), Кс-ылок, Кс-ыль, Кс-ыльн(о), Кс-ын(я), Кс-ынк(а), Кс-ырк(а), Кс-ысл(о), Кс-ыш, Кс-ышк(а), Кс-ышник. Таким образом, на долю нерегулярных ММ, реализуемых одним или двумя существительными, в совокупности приходится 186 слов, или около 14% от общего количества.

Корневые морфемы ММ характеризуются разнообразием номенклатуры и вариативностью в наборе морфов. В группе преобладают и чаще встречаются в отдельных ММ корни, известные литературному языку.

Общее число регулярных корней, встречающихся в 10–5 словах, — 42, из них самыми распространенными, в порядке убывания, являются следующие: *грабл-* и *дров-*, каждый функционирует в десяти производных существительных; *берест-*, *верх-*, *рог-*, *свет-* и *цеп-* — каждый корень из пяти названных встречается в девяти словах; *баб-* и *коз-* — в восьми словах. Группа корней, фиксируемых в семи мотивированных существительных, достаточно обширна и отмечается в одиннадцати случаях: *вил,* *мост-*, *овеч-*, *пар-*, *рук-*, *свин-*, *суд-*, *холод-*, *хрест-* (именно данный субморф), *чепел-* и *шал-*. Группа корней, фиксируемых в шести мотивированных существительных, незначительно меньше предыдущей и отмечается в девяти случаях: *жар-*, *копот-*, *кос-* (орудие труда), *курт-*, *масл-*, *мыл-*, *перед-*, *стол-*, *шуб-*. По пяти словам было обнаружено функционирует в частных моделях с корнями *гарц-*, *дороб-*, *драб-*, *куб-*, *лед-*, *обор-*, *пелес-*, *сол-*, *спод-*, *стог-*, *ух-*, *хомут-*, *ячмен-*.

Достаточно распространенной является группа корней, представленных в четырех словах, здесь отмечено 40 частных случаев: *ами-* (именно указанный субморф морфа *мох-*), *балд-*, *бечай-*, *быч-*, *воз-*, *греч-*, *гриб-*, *гуз-*, *гумн-*, *жерд-*, *зад-*, *калган-*, *квас-*, *клош-*, *колес-*, *колоб-*, *колос-*, *коп-* (диалектное *копа*), *корг-*, *круг-*, *круп-*, *куль-*, *лип-*, *лохм-*, *ночев-*, *оброт-*, *окн-*, *олад-*, *платей-*, *резв-*, *рж-*,

сал-, сковород-, слон-, стожар-, сукон-, творож-, тын-, хлеб-, ям-

Самой обширной в количественном отношении является группа корней, функционирующих в трех словах каждый, — в данной группе зафиксировано 64 корня: *баран-, блин-, ват-, вотроб-, гас-, гашин-, гвозд-, глаз-, глин-, голён-, голов-, горб-, груд-, двор-, деж-, досточ-, завор-, игл-, картофел-, каш-, ковнер-, козыр-, конур-, кос-, коточиж-, кош-, краш-, кремен-, кут-, кутей-, кулх-, лад-, лестнич-, лоб-, луб-, луст-, меж-, мук-, овощ-, перст-, погреб-, подвал-, прясл-, пшенич-, руб-, ряс-, свердёл-, сдоб-, сер-, скиб-, смерёт-, солод-, стекл-, стол-, сусл-, узел-, ул-, фирияб-, цебар-, черен-, числ-, шкур-, шмот-, шул-*

Таким образом, среди регулярных корней, функционирующих в моделях с количеством слов от десяти до трех, преобладают корни, известные литературному языку, — их 110. Диалектные корни были зафиксированы в 36 случаях, это корни *баб-, балд-, бечей-, гарц-, гашен-, дороб-, драб-, завор-, калган-, ковнер-, коз-, колоб-, конур-, коп-, корг-, коточиг-, кош-, курт-, кут-, кулх-, лоб-, луст-, мост-, пелес-, резв-, руб-, сверд-, скиб-, слон-, стожар-, стол', спод-, фирияб-, цебар-, чепел-, шул-*

Отличаются в количественном отношении нерегулярные корни модели Кс-С-О: корни, встречающиеся в двух словах, обнаружены в 150 случаях; единичные корни — в 386 случаях.

Среди корней, реализуемых в двух словах, преобладают корни, известные литературному языку — их 106: *бадж-, бан-, берез-, блюд-, блюз-, блях-, Бог-, бот-, брус-, бутл-, ведр-, вечер-, вод-, говн-, горл-, груз-, гуж-, двер-, дегот-, дом-, ел', изб-, изюм-, каган-, калош-, капуст-, кий-, кисел', кист-, клен-, клет-, кляп-, ковш-, ковыл', кож-, кол-, ком-, конопл-, кон-, кор-, короб-, край-, кружсев-, крюк-, кукуруз-, лапот-, лапш-, лён-, лес-, лист-, ложк-, луг-, лук-, лучин-, маржет-, могил-, молоко-, морков-, мочал-, мякин-, навоз-, нит', обух-, овин-, оглобл-, пар-, пекл-, пенък-, печ-, пирог-, пласт-, повет-, половин-, полоз-, помой-, постанов-, пруд-, прут-, рубец-, рям-, сатин-, сельд-, сит-, скирд-, спин-, спиц-, ствол-, столб-, сторож-, стул-, ступ-, суп-, сыр-, тепл-, торб-, труб-, фитил', хлев-, цвет-, цеп-, чел-, шатер-, шерст-, шершен-, шеј-, щеп-*

Корни, функционирующие в смоленских говорах, встречаются в 44 случаях: *баклаг-, балей-, баляс-, баркан-, бед-, болон-, брусниц-, буб-, буд-, бульб-, вочеп-, горн-, губ-, дор-, жерел-, испод-, кавал-, комј-, крал-, крем-, кубел-, кудел', кулаг-, лав-, латж-, мат',*

ободн-, одёр-, отос-, пап-, порт-, пъял-, сулей-, сур-, тулов-, хлуд-, хуст-, цандал'-, цац-, цибул'-, чун'-, шиб-, шкурат-, шпак-

Корней, обнаруженных в единичных случаях, — 386. Среди них преобладают корни, известные литературному языку их 251: *алмаз-, амунич-, аршин-, атлас-, бальзам-, баркас-, батист-, бок-, бергамот-, берд-, блох-, болван-, бомб-, борт'-, боров-, борозд-, бочк-, браг-, бревн-, брюкв-, бубен-, булав-, буфет-, вал-, венгер-, веретен-, весл-, вех-, ветв-, возжж-, ворот-1, ворот-2, вяз-, галдарей-, галун-, гарус-, глыб-, гнид-, говор-, голуб-, гончар-, горшок-, гост-, грузд'-, гряд-, губ-, гус-, дерев-, дир-, дожд-, дорог-, дуб-, дуг-, дул-, жбан-, желудок-, жит-, жук-, звен-, зев-, зеркал-, зим-, зуб-, казак-, казакин-, калош-, камен-, каравай-, караул-, кашемир-, кин-, китай-, клин-, клуб-, кобыл-, койк-, коленкор-, колод-, колымага-, консерв-, копн-, корен-, коров-, корсет-, косм-, костыл'-, кочерг-, крахмал-, крест-, кросин-, кузов-, кур-, куч-, лабаз-, лавр-, латыш-, лафет-, лен-, лес- (лесá), лет-, ливер-, лисиц-, литов-, лиф-, лоб-, лож-, лоз-, лопатк-, лоскут-, лошад-, луч-, лык-, лыч-, лягушк-, лямк-, мак-, манк-, марл-, машин-, мед-, медвед-, мерлог-, мех-, мир-, монист-, мороз-, мотор-, мотыг-, муслин-, мут-, мяс-, мяч-, ног-, нос-, нутр-, обод-, образ-, овес-, окорок-, ольх-, осин-, пакл-, панам-, панихид-, папирос-, пассажир-, перил-, пер-, печат-, пив-, плет-, плот-, плюш-, погост-, подпруг-, полк-, пост-, потолок-, потрох-, пружин-, пуп-, пух-, район-, раakit-, рам-, реп-, репс-, рессор-, решетк-, риг-, риз-, ров-, рогож-, рубах-, рядн-, саж-, сан-, сарай-, саратов-, седл-, сен-, сет-, ситец-, скатерт-, скот-, слез-, сметан-, сеток-, сноп-, сод-, сок-, солом-, сор-, сох-, спичк-, стержен-, стропил-, струб-, ступн-, таблетк-, таган-, талон-, тамбур-, твар-, телег-, тел-, тест-, ток-, толокн-, торф-, трактор-, требух-, тряпк-, туес-, удил-, узор-, усадьб-, устьй-, утк-, уют-, хат-, хвост-, хлам-, хобот-, хромат-, целков-, церкв-, чад-, час-, част-, чепец-, чернил-, черт-, чехол-, шахтёр-, шест-, шиворот-, шип-, ширм-, шкап-, шлей-, шоколад-, шотланд-, шпульк-, шпунт-, щит-, юбк-, яйц-, ям-, япон-, ярцев-*

Диалектных единичных корней 135: *бед-, бахр-, берн-, берц-, беск-, болубен-, бор-, брыл'-, брынд-, букат-, буконк-, булдыг-, бунт-, бурак-, вилок-, вотрин-, гак-, глуд-, груб-, грузд-, дрочён-, дрон-, дюбк-, жур-, задруг-, закут-, запон-, кадолб-, калит-, кан-, канап-, кандей-, кирас-, козов-, кокор-, кол- (коло), колоб-, комел-, ком-, копан-, копыл-, кот-, котух-, кошев-, крант-, кресл-,*

кром-, крошн-, кулган-, кулитк-, куманок-, купел-, курдоп-, лабуд-, лагун-, лапун-, ласк-, лат-, лек-, лик-, лисaped-, лиштв-, лодыг-, лопех-, лут-, ляд-, лял-3), мажсар-, малах, мар-, матер-, матк-, махотк-, махр-, мотуз-, мошн-, мур-, муток-, навет-, ножн-, нуч-, обейк-, облак-, облог-, овоз-, олей-, пампух-, пасм-, патл-, подлов-, полжк-, посуд-, пришв-, простин-, рак-, руд-, рул-, рундук-, рынк-, ряжк-, свит-, скаб-, скальн-, скор-, скрын-, смык-, сокол-, сочен-, стоп-, стурбан-, сур-, съморот-, сыт-, талер-, торок-, тран-, фарбот-, феряз-, халуп-, хибур-, хлоп-, хлуст-, хмар-, холяв-, хотул-, цегл-, цен-, цукер-, чёбот-, чухн-, шанец-, шлизт-, шмор-, шор-, юр-.

Таким образом, в совокупности в 1300 словах модели Кс-С-О функционирует 682 корня; из них корней, известных литературному языку, — 467, или 68% от общего количества; корней, функционирующих лишь в смоленских говорах, — 215, или 32%. В группе регулярных корней, встречающихся в 10–3 словах, соотношение литературных и диалектных корней составляет 110 к 36, или примерно 3 литературных к 1 диалектному; в группе нерегулярных корней, встречающихся в одном или двух словах, литературных корней 357 против 179, известных смоленским говорам, что составляет менее чем два литературных к одному диалектному. Указанные факты свидетельствуют о регулярном использовании общелитературных корней в ядерных моделях Кс-С-О, тогда как в периферийных моделях намечается иная тенденция — более активное использование диалектных корневых морфем.

Характеристика аффиксов диалектной ММ дается с учетом полного или частичного совпадения диалектных и литературных морфем и их последовательностей в структурно-семантическом плане: диалектные морфемы либо соответствуют полностью морфам, известным литературному языку, — фонетическим обликом, сочетаемостью с корнем заданной части речи и значением (тогда можно говорить о полном соответствии), либо соотносятся по двум из данных характеристик (неполное соответствие), причем обязательной из характеристик является совпадение в фонетическом облике. Совпадение в значении отмечается только в том случае, когда в литературном языке какая-либо морфема (или ее морф) обладает тождественным словообразовательным значением в рамках словообразовательного типа. Отдельно выявляются аффиксы и сочетания (последовательности) аффиксов, не встречающиеся в литературном языке.

Аффиксы, встречающиеся в модели Кс-С-О, характеризуются как полным, так и частичным совпадением с морфами литературного языка. Рассмотрим отдельно характеристики регулярных аффиксов, т. е. встречающихся минимально в трёх словах и более.

Полным совпадением — в фонетическом облике, сочетаемости с корнем заданной части речи и в словообразовательном значении — характеризуются аффиксы *-ак* (*-як*), *-анк(а)*, *-арь*, *-арник*, *-атник*, *-евин(а)*, *-еник*, *-ениц(а)*, *-ин(а)*, *-иц(а)*, *-иц(е)*, *-к(а)*, *-к(о)*, *-н(я)*, *-ник*, *-няк*, *-овин(а)*, *-овиц(е)*, *-овк(а)* (*-ёвк(а)*), *-овник*, *-ох(а)*, *-ух(а)*, *-ушк(а)* — всего 23 суффикса.

Частичное совпадение (за счет мутаций в СЗ) наблюдается у 19 суффиксов: *-ан*, *-ач*, *-ашк(а)*, *-ень*, *-еи*, *-ик*, *-ин(ы)*, *-инк(а)*, *-j(ё)*, *-ниц(а)*, *-ок* (*-ёк*), *-овн(я)*, *-онк(а)* (*-ёнк(а)*), *-онок*, *-очк(а)*, *-ул(я)*, *-ух*, *-ц(а)*, *-чик*. Не совпадают с морфами литературного языка из-за сочетаемости с корнем другой части речи следующие девять аффиксов: *-айк(а)*, *-ейк(а)*, *-ель*, *-j(а)* (*ж.р.*), *-j(а)* (*PT*), *-к(и)*, *-овj(е)*, *-ушк(и)*, *-ц(ы)*.

Не совпадают в литературном языке и являются собственно диалектными 16 аффиксов: *-ак(и)*, *-аник*, *-анк(и)*, *-арк(а)*, *-арок*, *-атк(а)*, *-ашник*, *-евник*, *-ешк(а)*, *-ик(и)*, *-ил(а)*, *-ник(и)*, *-ниц(е)*, *-j(е)*, *-н(о)*, *-овик*. Интересен факт, что среди указанных 16 аффиксов три обладают относительно высокой регулярностью: *-j(е)* отмечен в 15 существительных, *-аник* встречается в 11 словах, *-арк(а)* — в 10.

Среди нерегулярных аффиксов распределение по совпадению/несовпадению с литературным языком выглядит следующим образом.

Встречаются в литературном языке в тождественном виде с тем же словообразовательным значением и в сочетании с корнем существительного лишь семь нерегулярных аффиксов: *-аль*, *-ёл*, *-енник*, *-ерк(а)*, *-овниц(а)*, *-уш(а)*, *-ыль*.

Существуют в литературном языке и сочетаются с субстантивным корнем, но имеют другую словообразовательную семантику аффиксы *-аг(а)*, *-ак(а)*, *-ар*, *-ат*, *-атин(а)*, *-евн(я)*, *-еньк(а)*, *-ет*, *-етк(а)*, *-ечк(а)*, *-ён(а)*, *-ик(а)*, *-ик(о)*, *-ин*, *-иц(а)*, *-л(я)*, *-от(а)*, *-уг(а)*, *-уган*, *-ук*, *-ун*, *-ур(а)*, *-урк(а)*, *-ц(о)*, *-чук*, *-шк(а)*, *-ышек*, *-ышк(а)* — всего 28 морфов. Существуют в литературном языке, но сочетаются с корнями других частей речи 15 аффиксов: *-ах*, *-ев(а)*, *-евик*, *-ежк(а)*, *-л(о)*, *-лньниц(а)*, *-н(и)*, *-отк(а)*, *-ул(и)*, *-ульк(а)*, *-ютк(а)*, *-ыг(а)*, *-ык(а)*, *-ырь*, *-ыш*.

Не обнаруживается в литературном языке и функционирует лишь в смоленских говорах самая значительная в количественном отношении группа аффиксов, которая включает в себя 96 морфов: $-\emptyset(a)$, $-\emptyset(u)$ (оба аффикса у беспрефиксальных существительных), $-ав(a)$, $-ал(o)$, $-альник$, $-аник(u)$, $-аниц(e)$, $-анок$, $-аночк(a)$, $-ар(ы)$, $-арих(a)$, $-арщ(e)$, $-арн(я)$, $-арух$, $-атик$, $-ашк(u)$, $-ашниц(a)$, $-д(ы)$, $-ев(o)$, $-евень$, $-евщ(e)$, $-евух(a)$, $-ег(a)$, $-езник$, $-ейк(u)$, $-елин(a)$, $-елищ(e)$, $-ен(u)$, $-ен(o)$, $-ен(ы)$, $-ен(я)$, $-енёнок$, $-енк(o)$, $-енчик$, $-етин(a)$, $-ех$, $-ечин(a)$, $-ечок$, $-еш(a)$, $-ешк(u)$, $-ешн(я)$, $-ешник$, $-ёбок$, $-ёнк(u)$, $-ётк(u)$, $-ёток$, $-ц(у)$, $-ийк(a)$, $-ильн(o)$, $-ильн(я)$, $-инк(u)$, $-иск(a)$, $-истк(a)$, $-иц(e)$, $-иц(ы)$, $-ичин(a)$, $-ичк(a)$, $-мень$, $-н(ы)$, $-нушин(a)$, $-одн(я)$, $-оженъ$, $-ольн(я)$, $-оматик$, $-отон$, $-отон(я)$, $-оч$, $-очек$, $-очк(u)$, $-ошк(a)$, $-ошк(u)$, $-т(a)$, $-ук(u)$, $-улк(a)$, $-уль$, $-уник$, $-унк(a)$, $-унок$, $-урник$, $-урочк(a)$, $-утин(ы)$, $-утк(u)$, $-уш$, $-уш(u)$, $-ушц(e)$, $-ушек$, $-ушник$, $-чик(u)$, $-чух$, $-цин(a)$, $-ылок$, $-ыльн(o)$, $-ын(я)$, $-ынк(a)$, $-ырк(a)$, $-ысл(o)$, $-ышник$. Следует отметить, что многие из указанных выше аффиксов, возможно, имели иную морфную структуру в системе смоленских говоров в диахронии ($-аль/ник$ и т. п.), но в синхронных языковых отношениях исключают возможность какого-либо другого членения. Так, диалектное *ручальник* ‘глиняный горшок с ручкой’ соотносится лишь с существительным *рука*, поскольку диалектное *ручало* в смоленских говорах не фиксируется.

Таким образом, совокупно в модели Кс-С-О действует 213 регулярных и нерегулярных аффиксов. На долю регулярных совпадающих по всем показателям в литературном языке и в говорах суффиксов приходится 11% от общего количества, на долю аналогичных нерегулярных единиц — 3%. Регулярные суффиксы, имеющие в смоленских говорах иное словообразовательное значение или дополнительную морфемную дистрибуцию, встречаются в 13% от общего количества аффиксов; аналогичные нерегулярные единицы — 20%. Собственно диалектные аффиксы, встречающиеся в морфемной системе смоленских говоров, имеют следующие количественные характеристики: регулярных диалектных аффиксов отмечено немногим менее 8%, нерегулярных диалектных — 45%. Однако следует заметить, что нерегулярные диалектные аффиксы, давшие большинство среди всех зафиксированных в модели Кс-С-О, встречаются приблизительно в 10% всех слов, тогда как относительно немногочисленная группа регулярных аффиксов, совпадающих по всем показателям в смоленских говорах

и в литературном языке, встречается приблизительно в 70% всех слов.

Комбинаторика морфем данной ММ обусловлена характером сочетаемости корней и аффиксов в производных существительных, функционирующих в смоленских говорах. Комбинаторика описывается по следующим схемам: «литературный корень + литературный аффикс», «диалектный корень + диалектный аффикс», «литературный корень + диалектный аффикс», «диалектный корень + литературный аффикс». Сочетания аффиксов в модели Кс-С-О можно классифицировать на основании приведенных выше данных о принадлежности морфем литературному языку или смоленским говорам следующим образом:

1) «литературный корень + литературный аффикс» — 815 слов, или около 62% всех слов модели Кс-С-О;

2) «диалектный корень + литературный аффикс» — 292 слова, или около 23% слов данной модели;

3) «литературный корень + диалектный аффикс» — 149 слов, или около 12%;

4) «диалектный корень + диалектный аффикс» — 44 слова, или около 3% всех производных слов данной модели.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *РУКА* В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Одним из путей развития лексической единицы в языке (и прежде всего развития семантического) является реализация ее способности к созданию качественно более сложных единиц другого уровня, в частности фразеологизмов. Наряду с утратой «словных» признаков у лексемы, получившей новый статус — статус компонента ФЕ, происходит и ее семантическое обогащение за счет тех связей и ассоциаций, которые сыграли свою роль при образовании фразеологизма.

На примере существительного *рука*, от которого в севернорусских говорах образовано около 150 фразеологизмов, возможно проследить осуществление фразео-семантического развития данного слова. Этот путь отличается своеобразием не только в каждом наречии или группе говоров, но и в каждом говоре и в принципе отличается от пути фразео-семантического развития слова в иных формах существования языка (в литературном языке, в жаргоне, аргю). В чем же заключаются критерии исследования своеобразия фразео-семантического развития конкретной лексики в говорах, в том числе и севернорусских?

1. Прежде всего представляет интерес семантическое развитие слова *рука* (как, впрочем, и любого слова, обладающего фразеологическим потенциалом). Поскольку это слово является полисемантом и в национальном языке насчитывает 29 значений (по данным словарей литературного языка, словарей народных говоров, жаргона и аргю), возникает вопрос, какие из них в севернорусских говорах мотивировали ФЕ и какие остались фразеологически

непродуктивными? Какие из функционирующих в литературном языке ФЕ с компонентом *рука* имеют в севернорусских говорах иные, отличные от «литературных», значения, т. е. по сути являются фразео-семантическими диалектизмами?

2. Соответственно, сам набор ФЕ с компонентом *рука* в севернорусских говорах выявляет актуальные для человека связи с окружающей миром и позволяет ответить на вопрос, какая именно предметная область покрывается данными ФЕ — в соответствии с теми тематическими группами, к которым эти ФЕ относятся.

3. Следовательно, представляет интерес не только семантика, но и форма ФЕ: оригинальность выражения определенного значения, оригинальность номинации, внутренняя форма. Ведь внутренняя форма — это связь наименования с окружающей действительностью: само сочетание, соединение компонента *рука* с другим или другими компонентами — знаменательными словами — уже отражает обнаруженную в сознании человека взаимосвязь руки с другими предметами и явлениями действительности. Однако, безусловно, важно не только сочетание компонентов внутри диалектной ФЕ, но и средство создания ее внутренней формы (метафорическое или метонимическое переосмысление, закрепившийся у слова нетипичный эпитет, ставшее устойчивым сравнение и др.).

4. Обширный состав ФЕ с компонентом *рука* в севернорусских говорах дает возможность произвести их сопоставление по структурным и грамматическим особенностям с ФЕ литературного языка (некоторые из них построены по известным в литературном языке структурно-грамматическим моделям, некоторые представляют собой варианты разных типов по отношению к литературным ФЕ).

Анализ семантического развития существительного *рука* в его новом воплощении в составе севернорусских диалектных ФЕ целесообразно произвести по группам, сформированным в зависимости от соотношенности со значениями полисеманта *рука*. В целом же можно отметить, что ввиду единства и сложности фразеологического значения, исходные значения полисеманта *рука* претерпевают изменение и развитие.

Наиболее продуктивным фразеологически слово *рука* оказывается в севернорусских говорах в своем первичном значении — «одна из двух верхних конечностей человека от плеча до конца пальцев; часть этой же конечности от пясти до конца пальцев» (БАС: XII, 1528). Диалектные фразеологизмы, соотносимые по семантике

именно с этим значением слова *рука*, составляют в севернорусских говорах следующие семантические группы.

Прежде всего, с помощью ФЕ номинируется сама рука/руки: *некрещёная рука* «левая рука» (СРГК: V, 578); *руки как кокоры (кочорки)* «о корявых, с утолщениями в суставах руках» (СРГНП: I, 323). Во-вторых, с помощью ФЕ «разработана» определенная сфера действительности — болезненные ощущения в руках (интересно, что в литературном языке ФЕ с компонентом *рука* подобной семантики не наблюдается): *захват руки* «воспаленье пястного сухожилья. Бывает от переутомления и неумелой работы во время жатвы» *Арх.* (СРНГ: XI, 144); *руку дробит и руку сушит* «говорится о неприятных, болезненных сотрясениях, передающихся в руку при резких ударах топором, молотком» *Волог.* (СРНГ: XXXV, 239) и др. Кроме того, с помощью ФЕ, содержащих сразу два компонента-соматизма, обозначающих похожие по форме и расположению части тела (*руки* и *ноги*), передается общая характеристика здоровья человека — несмотря на то, что физическое здоровье подразумевает нормальное функционирование *всех* органов тела: *ни рук ни ног* «о плохом самочувствии» (Бердникова: 90); *ни рукой ни ногой* «быть здоровым, крепким, ничем не болеть» (СРГК: V, 578); *пропасть руками и ногами* «о плохом самочувствии» (Бердникова: 90). Столь же «избирательно» и в то же время наглядно отражается характеристика внешнего вида человека: *рука, нога на нитке* «об изможденном, исхудалом человеке» *Костром.* (СРНГ: XXI, 241).

Антропоморфность человеческого мышления — соотнесение предметов внешнего мира с частями собственного тела — проявляется в одной из загадок: *Без рук без ног на батог ползёт* «хмель» *Арх.* (СРНГ: II, 145).

Активно переходят в ФЕ словосочетания, обозначающие символизированные жесты и действия, производимые руками, а также позы, в принятии которых участвуют руки: *воздымать руки* «голосовать» (Бердникова: 90); *руками рассуждать* «жестикулировать» (ЯОС: VIII, 139); *Яросл.* (СРНГ: XXXV, 240); *обмывать руки* «дарить подарки повитухе» *Дон.* (Там же: XXII, 138); *держатъ руки в заток* «вложив пальцы в пальцы» *Волог.* (Там же: XI, 96) и мн. др.

В севернорусских говорах явно выделяется группа недобрых пожелания, связанных с руками: это, во-первых, пожелания конкретных болезней: *жёлви в (на) руки!* «бранное пожелание» *Волог.*, (Там же: IX, 103) — ср. *жёлви* «нарывы; волдыри, желваки» *Во-*

лог. || «Фурункулы. Если они в большом количестве» *Волог.* (Там же: IX, 102) и др.; и, во-вторых, пожелание каких-либо поврежденных рук: *выборотило б тебе руки* «бранное выражение» *Сев.-Двин.* (Там же: V, 259) и др.

Способность руки/рук служить средством удерживания чего-л. образно отражена в ФЕ *ни в той руке ни в другой* «ничего нет» (МФССП: 87; СПГ: 304); *с поробными руками* «ничем не нагруженный» (СРГНП: II, 114).

Важнейшей функцией рук является деятельность и, прежде всего, трудовая, в связи с чем слово *рука* в значении «одна из верхних конечностей человека как орудие деятельности, труда» (БАС: XII, 1531) также фразеологически продуктивно. Труд — это многогранный процесс, предполагающий множество аспектов характеристики: и характеристики самой работы по разным признакам, и ее результатов, и человека как работника и др. Эти и другие аспекты представлены в анализируемых фразеологизмах с компонентом *рука*.

Прежде всего, сами руки обозначаются как субъекты деятельности: *изъянная рука* «ловкая рука» *Петерб.* (СРНГ: XII, 178), *руки не крѣпки* «об умелых и гибких руках» (ЯОС: VIII, 139). Средством ФЕ называется и сама трудовая деятельность как процесс: *рвать руки* «много трудиться» (Бердникова: 91); *взять работу (рабочку) в руки* «приняться за работу» *Арх.* (СРНГ: XXXIII, 239, 241); (Бердникова: 90) и др. И, напротив, в ФЕ подчеркивается «отстранение» от трудовой деятельности: *сидеть рука на руке* «(Сидеть) сложа руки, без дела» (СРГК: V, 579), *бегать от своих рук* «лениться, бездельничать» (Там же: 577). Важность труда и его способность в ряде случаев носить ритуальный характер подчеркивается существование пожеланий успешной работы: *спор в руках* (Там же: 579).

Более 10 ФЕ в севернорусских говорах обозначают трудолюбивого, умелого человека: *на руки длинный* «мастеровитый» *Перм.* (Кобелева: 283); *из (с) рук всё (всякое дело) выйдет* у кого «о человеке, преуспевающем в любом деле» *КАССР* (СРНГ: XXXV, 240) и др. Соответственно, существуют и антонимичные ФЕ: *ничего в руках не родится (рождется)* «о неумелом, плохом работнике» (СРГНП: II, 227) и др.

Немаловажной оказывается оценка результатов работы: *не отпасть с рук* «о хорошей работе, об отсутствии изъянов, недостатков в работе» (СРГК: V, 578), а также способ выполнения работы:

с моей руки «о чем-л., сделанном своими руками» (СПГ: 304), *рука ходила* «сделано своими руками» (СРГК: V, 578).

Отражено и отношение к работе, желание/нежелание, возможность/невозможность трудиться (по разным причинам): *в руках не шевелится* «об отсутствии сил, возможности работать» (Там же: 577), *рука не лежит* (Бердникова: 91). Человек может выступать не только субъектом, но и объектом трудовой деятельности: *рук не давать развести* «требовать постоянного внимания, заботы, ухода (о грудном ребенке)» Казан. (СРНГ: XXXV, 241).

Помимо трудовой, полезной деятельности, руки служат и для других, вредных действий: ср. *дёрзок на руку* «драчливый» (ЯОС: VIII, 139); *нечистой руки* «о вороватом человеке» (Бердникова: 91); *с долгой рукой* «о воре» (СПГ: 304), *серьяны руки* «о человеке, склонном к воровству» (СРГК: V, 579).

Среди многообразных видов деятельности, выполняемых руками, далеко не все находят отражение в значениях слова *рука*, а лишь наиболее важные из них. Так, на основе редкого метонимического переноса «орган, средство деятельности — продукт этой деятельности» образовано значение «подпись» *Канц., старин.* (ТСРЯУ: III, 1396; Даль: IV, 109). В этом устаревшем, не отраженном в более поздних источниках значении слово *рука* послужило базой для образования ФЕ *прикладать руку Олон.* «подписывать какой-л. документ» (СРНГ: XXXI, 244); *собрать руки* «подготовить все необходимые документы за подписями и печатями для получения чего-либо» (МФССП: 93).

Важность рук настолько очевидна и бесспорна, что сам человек может именоваться через руки, что и отражено в нескольких значениях исследуемого соматизма.

Метонимическое значение слова *рука* «рабочая сила, рабочие» является предельно узким, в нем конкретно отражены два признака: отнесенность только к группе лиц (имеет помету *только мн.* (БАС: XII, 1535)), причем функция этих лиц — труд — тоже определена. В севернорусских говорах этим значением мотивировано 3 ФЕ: *служащие руки* (Бердникова: 91), *заобихожие руки* «рабочие руки в семье» (ЯОС: IV, 90); *на руки* <попасть> «к умелым хозяйственным людям» — *На руки дом попал ребятам* (СРГК: V, 578).

Значение «*Только мн. Перен.* О человеке, лице (обычно в сочетании с каким-л. определением) как обладателе, владельце чего-л.» (БАС: XII, 1536) также мотивирует в севернорусских говорах 3 ФЕ: *с руки́ на руки* «из рук в руки» *Коми АССР* (СРНГ: XXXV,

239), *сдавать с рук (в руки)* <невесту, дочь, молодых, жениха> «в свадебном обряде — передавать (невесту, дочь и т. п.) из рук в руки, чтобы уберечь их от недоброго взгляда, сглаза» *Волог.* (Там же: XXXVII, 50); *скачать с рук* «избавиться от кого-, чего-л.» *Перм.* (Там же: 398).

Слово *рука* именуется человека в еще одном из значений: «*Только ед.* О влиятельном, имеющем власть человеке, способном защитить, оказать поддержку, покровительство, содействие» (БАС: XII, 1538); ср. ФЕ *быть рукой* кому «об отношении начальник — подчиненный» (Бердникова: 91), *руку занимает* «завести влиятельное знакомство» *Яросл.* (СРНГ: XXXV, 244).

Способность руки выполнять функцию символа отражено в значении «символ власти, владычества» (БАС: XII, 1537). Такое переосмысление совершилось вследствие выделения следующей функции руки — помогать, защищать, поддерживать. Понятно, что существуют разные типы власти: власть проявляется как покровительство, опека, и тогда она оценивается положительно, или же как корыстное использование кого-, чего-либо в своих целях, вызывающее осуждение. Все эти реалии, а также моральные нормы и оценки отражены во фразеологизмах. Так, ФЕ обозначают и человека, обладающего властью: *долгая рука* «о ком-л., имеющем большую власть, влияние» (СГНП: I, 183), и само наличие власти над кем-, чем-л.: *в руках своих (быть)* «быть хозяином положения» *Яросл.* (СРНГ: XXXV, 242), и субъект-объектные отношения: *под чью руку* «об отношениях начальник — подчиненный» (Бердникова: 91), и стремление овладеть: *руки к себе гнутся* «о стремлении к наживе, личному обогащению» (СРГК: V, 578) и другие позитивные и негативные аспекты власти.

Характерно, что со значением слова *рука* «символ власти...» соотносится целый ряд ФЕ, обозначающих освобождение, отстранение от власти, владения в разных проявлениях: *выпасть с рук* «перестать слушаться кого-л.» (СГНП: I, 114); *уйти с рук* «перестать быть предметом внимания, заботы» (СРГК: V, 579); *отойти (отпасть) от рук* «начать самостоятельную жизнь» (Бердникова: 91) и др.

Способность руки служить средством измерения объектом действительности проявляется в одном из значений существительного *рука* — ср. «эта часть тела как единица измерения» (БТС: 1132). Измерение предметов окружающей действительности в любом случае происходит посредством сопоставления с каким-либо эталоном,

с какой-либо мерой, и то, что этим эталоном является рука, служит еще одним проявлением антропоморфности человеческого мышления. Длиной руки измеряется длина предмета — ср., например, обозначения размеров кос: *в семь (пять) рук* «в ширину (по лезвию косы)» (СРГК: V, 577–578); *коса восьми (девяти, десяти, пяти, пять, семи, семь, шести, шесть) рук* «названия кос, различающихся по величине режущей части, единицей измерения которой служит ладонь руки» (ЯОС: V, 74). Так же рукой измеряется расстояние — *подай руку/рука Омск.* (СРНГ: XXVII, 327; XXXV, 240) и *рука подать Влад., Вят., Перм.* (СРНГ: XXXV, 240) *Омск., Влад., Вят., Перм.* (Там же: XXVII, 327, XXXV, 240), а также, образно, гиперболически, рост человека — *рукой не достать* «об очень высоком человеке» (СПГ: 304).

С измерением объектов действительности посредством части собственного тела связана и ориентация человека в пространстве, которая, в частности, осуществляется и с помощью рук. Так, слово *рука* имеет значение «сторона, бок» (БТС: 1132). Следовательно, прежде всего, в связи с расположением рук по обеим сторонам тела, посредством рук человек обозначает правую и левую сторону: ср. *с правой руки* «справа» *Арх.* (СРНГ: XXXI, 62), *на правую руку (ручку)* «направо» *Олон.* (Там же: XXVIII, 286), *бить о леву/праву руку* «кланяться в левую/правую сторону» *Олон.* (Там же: II, 300). Также при помощи рук определяется направление (без дифференциации «право/лево»): *на одну руку* <косить> «(косить) в одну сторону» (СРГК: V, 578); *в эту руку* «в направлении, указанном той или иной рукой» (ЯОС: II, 38).

Все перечисленные значения (включая устаревшее значение «подпись») так или иначе известны в современном языке, поэтому неудивительно, что они обладают фразеобразовательной активностью. Однако и утраченные ныне, близкие друг другу значения «удостоверение», «договор» (Срезневский: III, 191), «порука» (Там же: 192) активно проявляют себя во многих фразеологизмах, в том числе и севернорусских: *рука отсечь* «клятва, уверение» (ЯОС: VIII, 139); *биться по рукам* «спорить, держать пари» (Там же: I, 61) и др. Интересно отметить, что часто диалектные ФЕ, по семантике связанные с договором, ручательством, нередко одновременно относятся и к свадьбе или к различным традициям, имеющих место на предсвадебных этапах, и это вполне объяснимо: свадьбе предшествует соглашение, т. е. тот же договор, ручательство. А в современной семантической структуре слова *рука* представлено значение

символического плана, напрямую выявляющее связь «рука — договор о свадьбе»: «о согласии кого-л. на брак, о готовности вступить в брак» (БАС: XII, 1539): *по рукам, да в баню!* «обращение свата к невесте» *Арх.* (СРНГ: II, 98); *дать руку* «дать согласие на брак дочери» (МФССП: 31); *Перм.* (СРНГ: VII, 258) и др.

Среди диалектных севернорусских ФЕ, имеющих в своем составе компонент *рука*, выделяется довольно обширная группа таких единиц, где значение данного компонента трудно соотносить с каким-либо значением слова *рука*. Ср., например, ФЕ, образованные по структурной модели «прилагательное в родительном падеже + *руки*»: *гулящей руки* «о человеке, ведущем разгульный образ жизни» (Бердникова: 91); *некрутой руки* «тихий, спокойный» (СРГК: V, 578). Или, например, еще одна модель, по которой построены наречные ФЕ со значением образа действия: «на + прилагательное в винительном падеже + *руку*»: *на голую (дикую, другую, культурную* и т. д.) *руку* <делать что-л.> (Бердникова: 90).

Среди ФЕ, явно не соотносимых по семантике ни с одним значением слова *рука*, много таких, где слово *рука*, участвуя в образовании целостного значения фразеологизма, одновременно приобретает особое значение, которое все же возможно (с определенной долей условности) вычленив из значения ФЕ: например, условное значение «человек»: *чистая рука* «тот, кто честен» (СРГК: V, 579); условное значение «время»: *рук нет* «не хватает времени для выполнения какого-л. дела» (Бердникова: 91); условное значение «пора, погода»: *тёплой рукой* «в тёплую погоду» (СГНП: II, 345); условное значение «возраст»: *на пожилую руку* «в пожилом возрасте» (Там же: 80); условное значение «народ как сословие»: *простая рука* «простонародье» *Перм.* (СРНГ: XXXII, 248).

Подобных значений не отмечается в структуре полисеманта *рука*, что свидетельствует о продолжении семантического развития этого слова в составе ФЕ.

Форма диалектных ФЕ в большинстве случаев оригинальна, т. е. не совпадает с формой литературных ФЕ (за исключением частичных совпадений, о которых будет сказано ниже). Из общего числа диалектных севернорусских ФЕ лишь 2 являются фразео-семантическими диалектизмами: *от своих рук* 1. «Прост. Зарабатывая самостоятельно на жизнь, пропитание» (ФСРЛЯ: II, 200); 2. «вручную» (МФССП: 87) и *прибрать к рукам* кого. 1. «подчинить себе, заставить повиноваться (в поступках, действиях и т. п.)» (ФСРЛЯ: II, 142 и др.); 2. «захватывать/захватить что-либо в свою собствен-

ность; присваивать/присвоить что-либо» (Там же: 142); 3. «загнать домой (скот)» (СГНП: II, 141).

Богатство и разнообразие рассматриваемых ФЕ заключается не только в семантике, но и в их форме, в тех семантических и структурно-семантических средствах, с помощью которых они были созданы.

Так, среди семантических средств доминирует метафора: *бегать от своих рук* «лениться, бездельничать» (СРГК: V, 577); *рук своих бояться* «не драться, никого не обижать» (ЯОС: VIII, 139); *Яросл.* (СРНГ: XXXV, 241); *взять волю в свои руки* «поступить по собственному желанию» (Бердникова: 91) и мн. др. Активно используется при создании ФЕ и метонимия, тем более, что некоторые значения слова *рука* также образовались путем метонимического переноса: ср. приводившиеся выше ФЕ при соответствующих значениях: например, *служащие руки* (Там же), *забихобские руки* (ЯОС: IV, 90) и мн. др. На основе олицетворения образована единственная ФЕ *руками рассуждать* «жестикულიровать» (Там же: VIII, 139); *Яросл.* (СРНГ: XXXV, 240).

Наиболее часто в создании ФЕ используется определение — фактически эпитет, зачастую яркий, запоминающийся, обеспечивающий создавшемуся словосочетанию воспроизводимость: *некрещёная рука* «левая рука» (СРГК: V, 578), *серяны руки* «о человеке, склонном к воровству» (Там же: 579), *долгая рука* «о ком-л., имеющем большую власть, влияние» (СГНП: I, 183) и др.

Два раза использована гипербола: *на три руки* <делать что-л.> «много трудиться» (Бердникова: 91) и *рукой не достать* «об очень высоком человеке» (СПГ: 304).

Среди структурно-семантических средств, участвующих в создании ФЕ, отмечается сравнение. В ФЕ севернорусских говорах нам встретились различные типы сравнения: прямое, формально выраженное — *руки как кокоры (кокорки)* «о корявых, с утолщениями в суставах руках» (СГНП: I, 323); *заврёт, как руками завьёт* «об обманщике» (Бердникова: 91); сравнение через отрицание: *руки не крёпки* 1. «об умелых и гибких руках» (ЯОС: VIII, 139); 2. «об умелом человеке, хорошем мастере» *Яросл.* (СРНГ: XXXV, 241); неявное, формально не обозначенное сравнение: *рука, нога на нитке* «Об изможденном, исхудалом человеке» *Костром.* (Там же: XXI, 241); *руки в кресты* <сидеть> «(сидеть) сложа руки, т. е. ничего не делать» *Ленингр.* (Там же: XXXV, 240).

Интересно, что большое количество севернорусских ФЕ с ком-

понентом рука соотносятся с ФЕ литературного языка, причем в таком соотношении можно выделить несколько разновидностей.

1. Рассматриваемые диалектные ФЕ построены по известным моделям: *руки как кокоры (кочорки)* (СГНП: I, 323) — ср. *руки как грабли*¹; *руки, как кроки* 'человек' (ПРН: I, 246); *руки, как плети* «критическое замечание, адресованное пианисту-ученику» (ФБ: 369). Или: *без рук без ног на батог ползет ?рх.* (СРНГ: II, 145) — отмечается более 10 начинающихся таким образом загадок (ПРН, Даль).

2. Диалектные ФЕ по компонентному составу и по семантике могут напоминать литературные ФЕ (не прибегая к разрешению сложного вопроса о вариантности ФЕ, заметим лишь, что такие диалектные ФЕ, возможно, являются вариантами соответствующих литературных): *ножки в руки* «быстро» (Бердникова: 91) — ср. *ноги в руки [братъ/взять]* «поспешить, поторопиться. Подразумевается необходимость очень быстро бежать, отправляться куда-то» (СОВРЯ: 60). Или: *руки ломить* «заламывать, поднимать вверх от горя, сильного страдания» *Астрах., Смол.* (СРНГ: XVII, 119) — ср. *ломать руки (пальцы)* «о жесте сильного горя, волнения» (БАС: VI, 342 и др.). Или: *на все руки штука* (Бердникова: 91) — ср. *на все руки мастер* (БАС: XII, 154 и др.).

3. Диалектные ФЕ — очевидные морфологические варианты литературных ФЕ: один из компонентов — литературных слов заменяется его формой: *мозолить руку* (Бердникова: 91) — ср. *мозолить руки* (ФСРЯ: 251 и др.).

Заменяемая форма может быть и диалектной: *протягать руку* (Бердникова: 90) — ср. *протягивать руку* (БАС: XII, 1528) и *протянуть руку* (Ушаков: III, 1400). Или: *сидеть складча руки Ярослав.* (Кобелева: 237); (ЯОС: IX, 31); *Арх., Ярослав.* (СРНГ: XXXVIII, 20–21) — ср. *сидеть сложа руки* (БТС: 1132).

При лексическом варьировании в качестве изменяемого компонента литературной ФЕ выступает другое слово в той же самой форме: *взять на себя руки* (Бердникова: 90) — ср. *накладывать/наложить на себя руки* (ФСРЯ: 264). Такой варьируемый компонент также может являться и диалектным, однокоренным соответствующему литературному: *не раскладя рук* (МФССП: 85) — ср. *не покладая рук* (Ушаков: III, 1399; СОВРЯ: 160; ФСРЯ: 366 и

¹ Сметанина З. В. Фразеология ярославских и костромских говоров, характеризующая человека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 1997. С. 12.

др.); *поразвязать руки* Даль, КАССР (СРНГ: XXX, 37) — ср. *развязывать/развязать руки* (ФСРЛЯ: II, 179; БАС: XII, 1541 и др.).

4. Диалектный фразеологизм может отличаться от соответствующего литературного лексико-грамматической соотнесенностью: *по рукам ударено* «договорились» (Мельн.: I, 205) — ср. *по рукам (бить, ударять* и т. п.) (БАС: XII, 1529 и др.).

Проанализированный диалектный материал позволяет сделать следующие основные выводы.

1. «Удельный вес» диалектных севернорусских единиц в фразеологическом гнезде с вершиной *рука* в национальном языке значителен: 150 ФЕ от общего количества — около 1050 (т. е. примерно 14%).

2. В семантическом отношении диалектные севернорусские ФЕ отличаются многообразием, которое в значительной степени обусловлено богатством семантической структуры слова *рука*. Так, из 29 значений данного слова фразеобразовательной активностью обладают 8 (не считая устаревших, выпавших из его современной семантической структуры значений). При этом наибольшее количество ФЕ образовано от слова *рука* в наиболее известных, актуальных для человека значениях — первичном «одна из двух верхних конечностей человека...» и двух производных: «одна из верхних конечностей человека как орудие деятельности, труда» и «символ власти, владычества».

Обращает на себя внимание наличие значительного количества таких ФЕ, которые не соотносятся ни с одним из 29 известных значений слова *рука*, что говорит о большой доле переосмысления компонентов ФЕ. В то же время в некоторых ФЕ компонент *рука* явно получает новое значение, которое явно ощущается и которое можно вычленивать из ФЕ, не совпадающее ни с одним из зафиксированных у слова *рука*.

3. Многие диалектные севернорусские ФЕ с компонентом *рука* являются уникальными по форме, не встречающимися в других говорах, и уникальными по содержанию, номинирующими те предметы и явления, которые не названы другими фразеологизмами или лексемами, а могут быть обозначены лишь описательно. При создании анализируемых ФЕ используются разнообразные семантические и структурно-семантические средства (метафора, метонимия, олицетворение, гипербола, сравнение).

Наряду с оригинальными по форме ФЕ встречаются ФЕ, построенные по известным в языке моделям; ряд диалектными ФЕ

соотносится с литературными по форме и по семантике (или являются морфологическими/лексическими вариантами последних). Однако большая часть фразеологизмов с компонентом *рука* все же оригинальна по форме, по способу номинации и не имеет литературных аналогов.

**ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РЕЧЕВЫХ ГЛАГОЛОВ
В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ:
НАРОДНЫЕ ОБРАЗЫ ЯЗЫКА***

Названия процессов порождения речи давно привлекают исследователей народной языковой картины мира как источник реконструкции обыденных представлений о языке и речевой деятельности. «В глагольной лексике метаязыка нет (или почти нет) “кабинетного” достраивания (“додумывания”) лексического значения слова до понятия. Мотивирующие (исходные) глагольные семы в деривационном гнезде связаны с повседневными представлениями об обычных действиях и процессах в жизни человека. Поэтому в глаголах метаязыка шире всего представлены элементы “народной лингвистики”»¹.

Специфика речевых глаголов в народно-разговорной, диалектной речи заключается в их большей номинативной плотности, большей экспрессивности, нежели в литературном языке, о чем свидетельствует эмоциональный компонент в мотивации. При этом надо отметить, что речевое значение, как правило, является одним из значений многозначного глагольного слова, «целостного внутрисловного смыслового комплекса»². Анализ внутренней формы гла-

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 08-04-0135а.

¹ Мечковская Н. Б. Метаязыковые глаголы в исторической перспективе: образы речи в наивной картине языка // Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000. С. 363.

² Попкова Л. М. Особенности смысловой структуры многозначных глаголов в псковских говорах // Псковские говоры и их окружение: Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С. 20.

© Е. В. Пурицкая, 2008

голов с речевыми значениями и их семантической структуры позволяет вскрыть «образы языка» в народном сознании. Рассмотрим основные семы, лежащие в основе мотивации речевых глаголов, по материалам диалектного словаря полного типа — «Псковского областного словаря с историческими данными» и его картотеки³.

Большинство речевых глаголов восходит к звукоподражанию, причем во многих из них звуковая мотивация утрачена и восстанавливается только с помощью специальных разысканий в области этимологии (таковы глаголы *говорить*, *молвить*, *ворчать*, *врать*, *кричать*). При этом многие диалектные речевые глаголы обладают достаточно прозрачной внутренней формой, так что возможно выделить основные типы звуков, которым они «подражают».

Имитация речи в звукоподражательных глаголах представлена в виде характерного для речевого потока сочетания слогов со звонкими губными и заднеязычными согласными и слогов с плавными. Это глаголы *болта́ть* 'говорить небрежно, кое-как' Балта́им, ни так гаварíм, как в го́ради; *борбота́ть* 'много и бестолково говорить' Ну, што зьбърбѣта́л, барбо́це и барбо́це; *балбота́ть* 'много и бестолково говорить' Не бълбачи́ попусту-та; *балмота́ть* 'болтать, разговаривать о пустяках' Ся́дем жэ, балмо́чем пра што́нибудь, а вы пись, пись, пись, пись, да и напи́шьте; *балаба́ть* 'болтать, говорить попусту' Балаба́иш сама́ ни зна́иш што, так гаваря́т; *балбе́нить* 'говорить, болтать' Иш разгаварíлся, балбе́не и балбе́не; *балабобли́ть* 'много говорить попусту' Балабобли́ть, балабобли́ть, ня бълбобль, гълва́й балíть; *балабобни́ть* (языко́м балабобни́ть 'болтать') Сынóк, дай ты ему́ сесть, пусь языко́м балабобнит, ды хоть пѣха́цца не бу́дет; *бала́кать* 'болтать много и попусту' Заба́виш ево́, а он на рабо́ту не идѣ, сидíт, бала́кае; *барабобши́ть* 'говорить вздор, болтать' Барабобши́т мно́га, а па́рядачнава ни аднаво́ слова; *барабобши́ничать* 'говорить вздор, болтать' И притсидáтиль твой барабобши́ничает; *борбота́ть* 'много и бестолково говорить' Ну, што зьбърбѣта́л, барбо́це и барбо́це. М. Фасмер указывает на то, что глагол *болта́ть* и родственные ему имеют звукоподражательную праславянскую основу *bьlt-, «однако вполне возможно, что здесь представлены два различных корня, потому что *болта́ть* 'говорить' может быть родственно *балабобли́ть*, чеш. blb, blbati, которые вместе с лит. balbatúoti 'болтать, лепетать, бормотать', balbatà

³Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на факультете филологии и искусств СПбГУ.

‘болтун’ и др. восходят к индоевропейскому b-, тогда как *болтáть* ‘сотрясать’ указывает на индоевропейское bh-» (Фасмер I: 190). П. Я. Черных указывает на связь со звуками булькающей воды: *булты́х, бу́лькать*, словен. *bolt* ‘пучина’, польск. диал. *beft* ‘водоворот’⁴. Звукоподражательными являются и глаголы *борботáть, балботáть, балмотáть* (звукоподражание, подобно др-инд. *bag-bagas* ‘заикающийся’, греч. ‘варвар, говорящий на чужом языке, на «тарабарщине»’ — Фасмер I: 195), *балаболить, бала́кать* («справедливо мнение, что *bala-* — образование звукоподражательного характера» (Фасмер I: 113); «и.-е. корень *balbal- — звукоподражательный»⁵).

Многочисленны в псковских говорах речевые глаголы, мотивированные звуками, напоминающими голоса домашних и диких животных и птиц. Безусловно, не всегда можно говорить о прямой метафорической связи между речевым и неречевым значениями одного глагола, поскольку возможно параллельное развитие разных значений от звукоподражательных основ, однако зачастую прозрачная мотивация этих глаголов указывает на их метафорический характер:

гоготáть ‘громко разговаривать, кричать’ Аблажэнная ба́ба, бывáет, так прбста гагб́ча на фсю деревню, ш́мная шы́пка, блажб́ная (*гоготáть* (1) ‘издавать резкие, отрывистые звуки (о гусях)’ Гусь гагб́цэ, ўтка кря́кае, кўрица какб́цэ, (2) ‘кудахтать (о петухах, курицах)’ Вот жытьё питуху́: гагб́чит и гагб́чит);

блекотáть ‘много и бестолково говорить’ Хвáти бликaтáть, нáдь ит́и (*блекотáть* ‘издавать характерные звуки (об овце, козе)’ Казá мая бякб́че, вяснў даждёмси);

гáмкать ‘ругаться, кричать на кого-н.’ Да ё́нтая тётка как придé да как начнё гáмкать, так ат ниё и ни атв́яжaши (*гáмкать* ‘лаять (о собаке)’ Былá у нас саба́ка, как зав́идит и ўáмкае); *гáмнуть* ‘произнести, сказать’ Ты гáмни какб́е-нибўть й́мя (*гáмнуть* ‘залаять, гавкнуть (о собаке)’ Другá саба́ка гáмнит, а ё́та саба́ка не гáмнула, а срáзу кус́ила); *брехáть* ‘говорить вздор, болтать’ А в рáдиве чáста брехáють пра вайнў-та (*брехáть* ‘лаять (о собаке)’ Дворн́яга мой прив́язан был, фсё брехáл, лáял);

кáвкать ‘говорить о чем-н. незначительном, болтать’ А я гавар́ю, Прб́ха, ухади́, ни кáфкай (*кáвкать* ‘издавать мяуканье, мяу-

⁴ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1994. Т. 1. С. 102.

⁵ Там же. С. 66.

кать' Пусти́ катá, кáвкает за двéрю); *мýкать* 'говорить' Ана́ мно́га па старíнам мýкае. *Печ.* (*мýкать* 'мяукать' А кóшка мýкае: мý!); *квохтáть* 'брюзжать, ворчать' Она́ самá квохтáть лóбит, он устáлый придё, а она ворчíт срáзу (*квохтáть* 'кудахтать (о курице)': Квактúха начинáе квахтáть, хóче на яйца сесть); *квёйкать* 'произносить слова, фразы' Ты сидí, голубушка, и не квёйкай (*квёйкать* 'издавать характерные звуки, свойственные курице' Навёрна, на гняздé сидíт кúрица, квёйкае); *курлýкать* 'говорить непонятно, на иностранном языке' Нёмцы придúть, курлýкують, курлýкують, а мы ницóх не панимаём (*курлýкать* 'издавать курлыканые (о журавлях)' Курлýкýют).

С речью ассоциируются монотонные, надоедливые звуки на одной ноте, что служит источником отрицательных коннотаций в переносных — речевых значениях глаголов. Так, глагол *брюжжáть*, имеет речевое значение 'ворчать, выражать недовольство' (Люба́ брюжжáла, а э́та пла́кала. Ну, нада́ела и у́ехали), которое соотносится с другими значениями этого глагола: (1) 'производить неясный, монотонный шум' Шы́шки сýшат — спеца́льные сушылки; бара́бан кру́тиш за рúчку, ани́ там брюжжáт; (2) 'моросить, монотонно шумя (о дожде)' Брюжжýть дошть фсё, рабóтать нильзý; (3) 'жужжать' Мúха заляте́ла, бружжýт. Глагол *зудёть* (*зудíть*), имеющий «звукосымы» значения (1) 'издавать однообразный звенящий звук (о веретене)' Ра́нышы как вёцыр зудя́т, фсе на пасидёлки саби́раюцца, вёсь вёцыр зудя́т пры́лки; (2) 'равномерно бить, ударять чем-н., производя монотонные звуки; толочь' Пясто́й ф стúпе наталчёш жýта, пяста́м наталчёш, пры́ма зуди́ш, — образует переносное речевое значение 'говорить монотонно, болтать' Я ни гра́матна, затó и игра́ю што папа́ла. Зужú вам фсё, что папа́ла.

В основе названий многих речевых действий лежит звук и образ струящейся воды. «Связь реки с речью принадлежит к числу архетипических образов. В основе идентификации не только акустический эффект шумно текущей воды, но и образ самого потока реки и речи, последовательного перетекания — развития, от начала до конца, до состояния смысловой наполненности»⁶.

В псковских говорах звуки движущейся воды представлены глаголами *бу́рлýть* 'ворчать про себя, бормотать' (*бу́рлýть* 'урчать, булькать' В жыватé-та бу́рлýть у мяня́ сывóни); *клокотáть* (1) 'го-

⁶ *Топоров В. Н.* Река // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. II. М., 1988. С. 375.

ворить, болтать' Чаво ты клакочеш над ухам; (2) 'браниться, ругаться' Хлопотала невеста с матерью, дажэ клокотала (*клокотать* 'булькать при кипении (о воде)' Клакоча). В основе речевого значения звукоподражательного глагола может лежать и шум, вызываемый движением пузырьков воздуха в жидкости при закисании, брожении: значение глагола *запуктать* 'начать шумно выражать недовольство' (Каг запуктали фси на нево [председателя колхоза], заругались, зачым с калхоза яну выпустили) вероятнее всего связано с *запуктать* 'забродить, закиснуть' Варенья наварыла, запуктала ана, нада многа пяску, штобы ня пуктала.

Образ текущей воды реализуется в глаголах *заливать* 'говорить, рассказывать (чаще что-н. неправдоподобное, смешное)' Стойт мой Павел на дороге и заливаёт што-то бабам (*заливать* 'покрывать сплошь, затоплять' Крупный дошшь залил, заливаёт фсе агароды, паля); *залить* 'рассказать что-н. смешное' Один мужык был гораст интересный, как зальё штó-нибудь (*залить* 'наливая, заполнить какую-н. емкость' Мылъ варыли сваё, кипятыш, фсе кипит, ходит вадам, патом зальёш ф карыта). Представление о речи как о чем-то жидком, льющемся передают и фразеологизмы с речевыми значениями, в основе которых лежит образ литья из расплавленного металла: *лить пўли* (1) 'говорить неправду, лгать' Да ужбы и винна, Фрасым, што ты пўли льёш, дбприм вреш вить; (2) 'болтать, пустословить' Гаварят, када многа балтаиш, пўли развадить, аль пўли лить; *пўшку заливать* 'говорить неправду, лгать' Што ты мне пўшку заливаеш, скажа, этъ как вроди абмана; *залить пўлю* 'наговорить небылиц, приврать' Он такой шутной дятка, такую пўлю зальёт, што ўшы свянут; *залить пўшку* 'рассказать что-н. неправдоподобное' Нет, сплюхал я, залил пўшку, с миня многъ таких шутък найдеш.

В особую группу можно объединить звукоподражательные речевые глаголы, во внутренней форме которых выделяется громкий и резкий звук: стук, звон, треск, производимый металлическими, стеклянными или деревянными предметами, инструментами: *бренчать* 'ворчать, брюзжать' Разбивай ряды, не бренчи, старик (*бренчать* 'производить стук, звон' Офца мая пабегла, надела шайку на галаву, брянчит); *звякать* (1) 'говорить, рассказывать' Я думью, не надъ звякеть, што на душэ. (2) 'говорить попусту, болтать' Кузмининшнъ, полнь табэ звякеть: ндайс слухъть (*звякать* 'издавать короткий звук при ударах: о металлических, стеклянных предметах' Что ёто в тебе в кармахах звякает?); *лоскотать* 'сплет-

ничать' Жениха́-та ни пасматрэла, он в зánний палавіни был, тудá иттí сты́дна, а тут две ба́бы сидэли, ласката́ли, ласката́ли (*лоскотáть* 'производить стук, шум' То за стол сяди, лóшкам ласкóчи); *мозготáть* 'говорить лишнее' Зна́иш што, ты ни мьзгачí-ть, а то плóхь б́удит (*мозготáть* 'бить, ударять чем-н. по чему-н'. Мазгата́ла, мазгата́ла тапарóм па нём) и др.

Более конкретный образ возникает при сравнении речи, говорения со звучанием предметов, специально для этого предназначенных, в том числе и музыкальных инструментов: *бараба́нить* 'говорить вздор, болтать' У, барабо́шка, бараба́нит што папа́ла, балта́ит языком, *набараба́нить* 'рассказать, сообщить много чего-н.' К той ба́бе сходи́те: ана́ п вам набараба́нила (*бараба́нить* 'бить в барабан' Бараба́ньшык — бараба́нит); *дудéть* 'беспрестанно говорить' Хва́тит тябе́, дудíт и дудíт, язы́к атсо́хнит (*дудéть* 'играть на дудке' Цéлый день хóдит дудíт); *колоко́бить* 'громко говорить, кричать' Замалчí ты, калако́льчик, и калако́лит и калако́лит прям нат в́ухам (*колоко́бить* 'производить звон, звонить' Шаркí на лóшаты вéшали, штоп ани́ колоко́лили); *звони́ть* 'говорить, рассказывать' Зна́л бы, што вам звани́ть-ть, и звани́л бы (*звони́ть* 'бить в церковный колокол, производя звон' Ашшэ́ сто́рьш звани́л к абéдни, а шшэ́ и ў́трення ня аташо́фшы) и др. Кроме того, речь может ассоциироваться со звучанием различных технических устройств, воспроизводящих звук: *завести́ свой граммофо́н* 'начать балагурить' Ну, бальшэ́рóтый, завéл свой грамофо́н, натсмéшник протíвный.

С семами воспроизведения звуков тесно связаны семы нанесения ударов: «глаголы, во внутренней форме которых назван шум, треск, образованы от звукоподражательных слов и междометий»⁷. Однако многочисленность их в говорах заставляет выделить глаголы с такой внутренней формой в особую группу.

В семантической структуре глагола *бить* сема 'говорить, болтать' реализуется в фразеологических единицах со значением 'болтать, пустословить': *бить языко́м* Мы с Марфу́шэй б́или языко́м, ана́ фсэ́ писа́ла; *бить бли́нником* Не бей свайм бли́нникѡм, не слáннѡ; *бить набéлками* Ай, ня бей свайм набéлкам, фсэ́ вреть; *бить са́нками* Бить са́нками — éта чылавéк, катóрый б́ёт мнóга языко́м, б́ёт мнóга пу́стых слоф, няпутёвы́й; *бить язы́к о зу́бы* Иди́, бей язы́к а зу́бы. Сема 'наносить удары' реализуется также

⁷ Арзуманова Н. Г. Способы выражения экспрессии в контексте (на материале глаголов со значением «бить, ударять») в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 69.

в речевых значениях глаголов *колотить* ‘болтать, пустословить’ Хв́ята вам калатить-та (*колотить* ‘бить, ударять по чему-н. Када идёш, пáлка калóтит и паднимáицца, зярнó выкалáчиваицца); *колошмáтить* ‘врать’ Ин бету́ха, здóрово ты колошмáтиш про сноху́ (*колошмáтить* ‘бить’ Ад́ин анно́в чим папáль кьлашмáтют); *клепáть* ‘клеветать’ За́чем зря кле́пют на ми́ня (*клепáть*: ‘ударами специального молотка делать ровным, выпрямлять’ Ани́ кле́пют, равня́ют жэсть); *кля́вкaть* ‘говорить, рассказывая о чем-н.’ ‘болтать, пустословить’ Брось кля́вкaть зазря́ (*кля́вкaть* ‘ударять, стучать’ Не кля́вкaй молотко́м бэс толку) и др.

Монотонные, однообразные звуки возникают обычно при повторяющихся круговых, вращательных движениях, что в первую очередь ассоциируется с движениями языка как основного органа артикуляции. Скорость движений языка во рту сравнивается со скоростью работы поворотного механизма: Вы спра́шивайтя, а то я мно́га набью́ языко́м, я в адну́ секун́ду сто абарóтаф магу́ зде́лать (*оборóт* ‘полный круг, совершаемый при вращении’).

Сема вращения, верчения содержится во внутренней форме глаголов *воротить* ‘говорить, утверждать’ А ты варатí што хóщыш, никто́ и слúшать ни бúдит (*воротить* ‘поворачивать другой стороной, переворачивать’ Сахá ни варатíла цалину́); *вывёртыват* ‘выговаривать, произносить’ Малéнька в́ивирну́ такую́ слави́ну (*вывёртыват* ‘поворачивая, извлечь откуда-н.’ Я вывя́ртывал, да ника́к, пракру́чваеацца болт); *наворáчивать* ‘говорить отлично от других, с особым произношением звуков, слов (о говоре)’. Ани́ бóльшы на ү наварáчивають слава́ (*наворáчивать* ‘наматывать, обвивать вокруг чего-н.’. Анúчи ф сыпагí ныварáчивым); *гнуть* ‘сводить разговор к чему-н.’ Я пра то и гну, вмéстя пайдём, вмéстя придём (*гнуть* ‘придавать изогнутую форму, сгибать’ Аүиба́иш ра́му сúчьям ялóвым, үнёш сúчья, ани́ харашó үнúцца); *крутить* ‘хитрить, обманывать’ Онí чевó-то, мать твою́ пек, кру́тють (*крутить* ‘приводить в круговое движение, вращать’ За́варатки фкладáли вот вада́ и кру́те калясо́) и др.

Семантика вращения как мотивирующий признак речевых глаголов включает значения, отражающие верчение, переворачивание и перемещение предмета в пространстве, сгибание, искривление предмета, тела человека, а также качание, раскачивание предмета, тела. Отметим, что почти все речевые глаголы, содержащие в своем значении сему вращения, экспрессивны: «...глаголы речи, мотивированные названиями непрямых движений, так или иначе

маркированы: они обозначают особые, необычные виды речи, при этом нередко содержат оценку такого рода речи или речевого поведения»⁸.

Идея нематериальности речи, легкости процесса говорения выражается семами, отражающими перемещение чего-н. по воздуху: *вылететь* 'вырваться, быть произнесенным (о бранном слове)' Быть около бригады, так много слов вылетит (*вылететь* 'полетев, покинуть пределы чего-н.' С-пад нок курапáтки вЫлители); *лететь*: *мат за мат летит* 'звучит матерная брань' Мы на пост ёдим, в рот — ни грех, а сó рту — вот ёто грех, мат за мат летит (*лететь* 'перемещаться по воздуху' В аднóу стóрану лятит чйстае зярнó); *кидать*: *кидать слова* 'говорить, болтать' Ана мне фсё слава кидáла; *покидать словами* 'поругать, побранить' Адйн аднóва пакидáют слава́м и фсё, а так ня дяру́цца (*кидать* 'размахнувшись, выпускать из рук, заставляя лететь, падать' Камёнья у рябят на́бранны и васлёт кидáють); *выкинуть* 'сказать, произнести' На по́ле фсы́ких слоф вЫкинут (*выкинуть* 'бросить за пределы чего-н., наружу' Тут на днях дёфкь ушла́ за ма́льць, мать пла́тье вЫкину́ль) и др.

Если характер речевого процесса связывается в народном представлении с легкостью, «невесомостью» звучащей речи, то его результат, т. е. произнесенные слова, вполне «материален». Так, его можно поместить куда-либо, заполнив большой объем — какой-либо емкости (торбы, мешка, бочки), а также строения (бани, избы), или же создав нечто большое по объему (кучу). Это представление отражает целая группа фразеологизмов со значением 'говоря, сообщить что-н. в большом количестве': *наговорить бóчку (кúчу)* Дава́йте я вам нагаварю́, бóчку нагаварю́; *наговорить с три ко́роба* Нагавари́ла вам Кузничíха с три ко́раба; *наговорить мех и то́рбу (то́рбочку) (мéха торбу)* Я нагавари́ла вам мех и то́рбу. Ана нагавари́т мех и то́рбачку, ня завязáть б́дет. Та́я [старуха] нагавари́т вам мéха то́рбу; *наговорить бóчку (кúчу) ареста́нтов* Спаси́ба, што та́мынька ф кварти́ре жéншшыны харóшыи, гавари́м, нагавари́м бóчку ареста́нтаф. Схадíте ашшó к сасётке, ана нагавари́т кúчу ареста́нтаф.

Идея материальности речи вызывает образы самых различных действий повседневности, важнейшим из которых является образ созидания: сооружение, возведение чего-н., вязание, плетение, из-

⁸ Мечковская Н. В. Указ. соч. С. 374.

готовление ковкой. Этот образ реализуется в значениях глаголов и фразеологических единиц:

городить городину (*згородину, огорбд*) ‘говорить вздор, чепуху, болтать’ Нада ш мне вам гарадить гарадину. Чавб ты агарбт гарбдиш, дэлать тебе нэчева. Ён гарбдя згарбду (*городить* ‘возводить (изгородь)’ Батажняк, палки, тонкий, мелкий лес — можна тын гарадить);

ковать: ковать да молоть ‘пустословить, говорить небылицы’ Нэкатарые как чяпухи нагаварят, фсё куют да мэлют; *язык куёт и вяжэст* ‘о речи, произнесении слов’ Язык куё и вяжэт, слово выпустиш и не паймаеш (*ковать* (1) ‘ударами обрабатывать раскаленный металл’ Жэлёзо пакупали, а ф кўзне кавали, (2) ‘изготавливать таким способом’ Ж жылёза сярпы кують); *молоть* ‘болтать, пустословить’ Ты языком балтаиш, как сўка хвастом, мелиш, мелиш, мелея (*молоть* ‘размельчая зерна, превращать их в порошок’ Тут и после вайны ешшб мы в жорны малбли);

коверзать ‘говорить, болтать незначительное’ Я коверзаю как пришло, а ана записывает; *кверзать* ‘говорить (неправильно)’ Мбжэ, адна я кверзаю, а другие, мбжэ, правильнэ гаварят (видимо, от *вьгз-: ‘завязывать, завязка, затягивать, шнурок’ (Фасмер II: 271): отсюда же *коверзни, коверзёшки, коверзиньы* ‘плетеная обувь’ Ковирзни сплятеш какии-нибуть, за день сносиш, Кавярзёшки я ни умею плясать, токи питирёшки, Коверзины — то жэ, што круцовики) и др.

Важнейший образ речевой деятельности, реализующийся во внутренней форме многих глаголов, связан с нарушением целостности чего-н.: глаголы со значениями ‘отделять часть от целого’, ‘делать неровным’, ‘разделять на части, ломать’, как правило, имеют также значение, связанное с говорением. При этом во внутренней форме и в семантике глаголов такого типа можно увидеть многие действия повседневной жизни: корчевку, обработку дерева, сельскохозяйственные работы (обработку земли, косьбу, сбор урожая, трепание льна), а также причинение боли, неприятных ощущений человеку:

бороздить ‘говорить вздор, болтать’ Во, тряпушка, нажрэцца пьяная и ня помнит, что бароздить (*бороздить* ‘проводить борозды’ Плугъм бараздыть — дэльть бараздынкам — ёта для скату вады); *боруздить* ‘говорить пустое, болтать’ Не бурузди ты, не говори чепуху (*боруздить* (1) ‘ковырять, рыхлить землю’ Я буруздила да гарас лўку мнбга напарбла, (2) ‘разрывать, разгребать’

Куря́та бару́здя в ага́роде, ро́юцца). Структура и смысловая система глагола *бару́здыць* является результатом контаминации глаголов *бару́здыць* ‘царапать, скрести’ и *боро́ць* ‘рыхлить, вскапывать землю’, ‘разрывать, разгребать’ ‘бить, ударять’⁹.

брыць ‘осыпать руганью, ругать’ Чилавёк инагда браніцца, таг «брыць» называю́т; *брыць в глаза́* (*по глаза́м*) ‘открыто осуждать’ Если п ён [муж] пагйп на вайне́, так ня бры́ли мне так в глаза́ (*брыць* ‘беспокоить, царапать’ Э́та сэна тибя́ брыёт; разуме́ся, ешшэ́ бо́льше брыць бу́дет). Глагол *брыць* этимологически связан с *бры́дыць* ‘беспокоить, зудить’ В рубáхе што-та так и бры́дыць¹⁰.

зацепáць ‘задевать в разговоре’ А ту́ю и зыцпа́ць нильзя́ бы́ль, зля́я ста́ла гарáс, гьвары́ць с ней ба́ялись (*зацепáць* ‘зацепляться при движении’ Лось аб ла́вачку рага́ми зацапа́йт).

карза́ць ‘рассказывать, сообщать’ Да как я вам бу́ду гавары́ць, да я ужэ́ и фся́чину карза́ла (*карза́ць* ‘разрезать небрежно, неаккуратно’ Каво́ ты карза́ш?). Согласно мнению М. Фасмера, возможны два варианта этимологии: «*ка́рзатъ* ‘обрубать, обрезать сучья, ветки’, олонек., новгор., белозерск., ленингр.; *корзатъ* ‘обрубать сучья, снимать кору’. По-видимому, заимств. из вепс. *karžin, karšta* — то же, фин. *karsia*. Но ср. словен. *křzati* ‘резать плохим ножом’, сербохорв. *křzati* ‘стирать, стачивать, обтачивать’, которые делают вероятным исконнослав. происхождение из **кързати*» (Фасмер II: 199). В любом случае в этимологии *ка́рзатъ* наблюдаются значения, связанные и с нарушением целостности.

ковыря́ць ‘произнося, искажать, коверкать’ Вот как я слава́ кавыря́ю (*ковыря́ць* ‘разрушая верхний слой, отделять пласт’ Лук, пб́жня, там саха́м кавыря́ли); *ковырну́ць* ‘неожиданно грубо сказать’ Ма́ленькава ребёнка не запуга́еш, он тебе́ как кавырне́т (*ковырну́ць* ‘ударить, кольнуть (рогами), боднуть’ Каро́ва так кавырне́ць рага́м, што ня захóчиш).

коры́ць ‘ругать, бранить’ Фсе́ каря́т, каря́т миня́ (*коры́ць* ‘снимать кору с дерева’ Кары́м мы сэ́чькай, кару́ абдыра́ем) По мнению исследователей, слово *коры́ць* первоначально звукоподражательное: «*кор*: ‘оскорбление, брань’, тж. укóр, покóр, наперекóр» (Фасмер II: 320), но в языковом сознании могло приобрести вторичную метафорическую мотивацию, связанную со словом *кора*:

⁹ Корнев А. И. Явления контаминации в псковских говорах (возникновение глагола *бару́здыць*) // Псковские говоры-III. Псков, 1973. С. 233–245.

¹⁰ Корнев А. И. Реликты древней истории глагола *брыць* в псковских говорах // Псковские говоры: Сб. научных трудов. Л., 1979. С. 31–35.

корить ‘снимать стружку’. Другая ступень чередования *о/а* наблюдается в глаголе *кара́ть* (1) ‘говорить, рассказывать’ Я им фсе́ караю, а яны́ пи́шут; (2) ‘говорить неправду, врать’ Плато́ниха ника́гда не вы́дя, то́льки врё́ да кара́е, не ве́рица ё́йным сла́вам.

Отдельного внимания заслуживает группа слов с корнями *костр-* и *кост-*: *костить*, *кострить*, *костырить* ‘ругать, бранить’: И ну же́на́ му́жа костить; Ё́на́ кострит, руга́ет; Виш как, фсе́ вре́мя сямьё́ ксты́рить. Мотивация этих глаголов неясна: возможно, они связаны с *кость* или с *пакость* (Фасмер II: 348) или же имеют двойную мотивацию, определяющую их негативную коннотацию: «*костра*, *кострика* ‘нечто сорное, колочее, приставучее’, *касть* ‘сор, мусор’»¹¹. В псковских материалах глагол *костить* имеет значения ‘пакостить, марать, пачкать’, однако не встречается значений, связанных с битьем, трепанием льна, т. е. с нарушением целостности. В то же время встречается родственный глаголу *костить* глагол *костыля́ть* ‘бранить’ Ты фсе́ мужы́ка костыля́ешь: и пьёт он, и гуля́ет, а также фразеологизм *костыля́ть на все косты́ли* ‘очень сильно ругать’ Ана́ Ма́шу на фсе́ касты́ли касты́ляла.

В заключение следует отметить, что классификация сем, мотивирующих речевые глаголы, весьма условна: многие глаголы имеют двойную или неясную мотивацию, и зачастую сложно говорить о каком-то одном образе, лежащем в основе номинации речевого действия. Так, глагол *болта́ть*, имеющий значения ‘говорить о чем вздумается’, ‘говорить небрежно, кое-как’, мотивирован не только звукоподражательно, но и связан с семьёй ‘качать, крутить, вертеть, делать круговые движения’ (*болта́ть* ‘делать движения из стороны в сторону, качать’; *болто́нка* ‘пойло для скота из разведенной в воде ржаной или овсяной муки’; *болту́чий* ‘такой, который качается из стороны в сторону’). Сложность внутренней формы речевых глаголов ярко демонстрирует семантическая структура глагола *поро́ть*: ‘бить, хлестать’, ‘вязать’, ‘рвать, разрывать’, ‘вырывать, удалять с корнем’, ‘набивать, наполнять’, а также ‘владеть языком’, ‘говорить неправду, врать’, ‘говорить правду открыто, в глаза’, ‘возводить напраслину на кого-н., наговаривать’, ‘ругать’.

Переносные значения глаголов, содержащие сему говорения, как правило, экспрессивны и содержат отрицательные коннотации,

¹¹ Ефимова А. В. Слова с корнями *-кост-*, *-костр-* в русских народных говорах (историко-семантический аспект) // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции. М., 2006.

связанные с акустическими и содержательными характеристиками речи: 'говорить невнятно, непонятно', 'произносить неправильно', 'говорить небрежно, искаженно' (последняя сема содержится в значениях 'говорить на иностранном языке' и 'говорить на диалекте'), 'говорить много, болтать, пустословить', 'говорить невпопад, не то, что нужно', 'говорить лишнее', 'передавать слухи, сплетни', 'врать, лгать', 'оговаривать кого-н.', 'бранить, ругать, упрекать, обвинять'.

Народным сознанием прежде всего воспринимается звуковая сторона языка: это звуки, которые издает и сам человек, и окружающие его живые существа, и объекты неживой природы. Метафорически речь понимается как нечто материальное, что можно измерить, чем можно наполнить какую-либо емкость, при этом легкость порождения речи рождает представления о том, что ее можно бросать, кидать. Разнообразие глагольных значений охватывает различные сферы деятельности человека, при этом в основе метафорического переноса лежат идеи создания (строить, плести, ковать) и разрушения чего-либо (резать, разрывать, разбивать, ломать).

В. М. МОКИЕНКО, Т. Г. НИКИТИНА

ОПЫТ ТЕЗАУРУСНОЙ ДИАЛЕКТОГРАФИИ: БОЛЬШОЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ПОГОВОРК

Один из многолетних словарных проектов — «Большой словарь русских поговорок», который составляется авторами этих строк уже более 30 лет. Он является первым полным собранием русских *поговорок*, т. е. метких устойчивых выражений экспрессивно-образного типа, ярко характеризующих человека и окружающую действительность. В отличие от *пословиц*, которые имеют назидательный смысл и являются логически законченными сентенциями, поговорки лишь оценивают то, что называют, но зато оценивают столь градуированно и многообразно, что становятся точными портретами называемых ими людей и явлений. Поговорки, собственно говоря, — это народная *фразеология* или *идиоматика*, золотой фонд словарного запаса каждого развитого языка.

В сокровищнице народной мудрости поговорки, как и пословицы, занимают особое место. Это примеры древнейшей образности и новейшего языкового остроумия, самый точный и яркий способ оценки окружающей жизни и общества. Не случайно поэтому собрания пословиц и поговорок издревле ценились читателями, а многие любители живого слова записывали и бережно хранили их в своих рукописных коллекциях. До сих пор непрерываемым авторитетом в этом деле остается Владимир Иванович Даль, книга которого «Пословицы русского народа», увидевшая свет в 1863 г., до сих пор является непревзойдённой по количеству описанных в ней пословиц и поговорок.

В этом, между прочим, — один из парадоксов нашего русско-го благоговейного отношения к великому «Собирателю слов». За

полтора века, прошедшие с первого издания далевских «Пословиц», было немало попыток описания самого малого жанра русского фольклора — поговорок. Но большинство из них, увы, не только не переросли его собрание, но и не доросли до него ни качественно, ни количественно. Основная масса коллекций русских пословиц и поговорок, которые выходили и выходят после В. И. Даля, — не что иное, как весьма произвольные выборки из его собрания, к сожалению, нередко выборки неточные, искажающие оригинал. Конечно, это относится прежде всего к популярным, коммерческим изданиям либо к некоторым сборникам пословиц и поговорок советского периода, в которых стремление к идеологизации толкало составителей на создание искусственных советских эталонов мудрости вроде «Набирайся силы у груди матери, а ума у Коммунистической партии»¹; «Что сделал советский человек — не забудется век»² или «При царе жили — слезы лили, при Советах живем — счастье куем»³. Настоящие же филологи и коллекционеры, для которых народное Слово оставалось светом истины, благоговейно извлекали материал из старинных источников, точно фиксировали его в разных регионах страны, пытались разгадать историю и исходный образ той или иной пословицы и поговорки⁴. До сих пор, однако, никто не предпринял попытки синтезировать тот богатейший материал, который появился после выхода далевских «Пословиц», а тем более дать ему истолкование на современном уровне, особенно — на уровне лексикографическом.

В составляемый нами Словарь входит свыше 40 000 русских поговорок, отражающих литературную и народную речь XIX–XXI вв. Для сравнения: в «Пословицы русского народа» В. И. Даля поговорок включено не более 7 тысяч (из общего числа около 60 ты-

¹ Жигулёв А. М. Русские пословицы и поговорки. М., 1969. С. 82.

² Агитатор. 1959. № 19. С. 28.

³ Жигулёв А. М. Указ. соч. С. 145.

⁴ Обзор и библиографию русских собраний дореволюционного времени см. в книге И. И. Иллострова «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» (СПб., 1915), послереволюционного — в сборнике «Русские пословицы и поговорки» А. М. Жигулёва. Последними из больших собраний нашей паремологии является алфавитный свод «Русские пословицы и поговорки» под редакцией известного фольклориста В. П. Аникина (М., 1988) и московского филолога В. И. Зимина и собирателя-любителя А. С. Спирина (М., 1996). Анализ новейших русских паремологических собраний см.: Мокшенок В. М. Рец.: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб: Изд-во СПбГУ. Вып. 1 (А — дрожанник). 1994. 509 с.; Вып. 2 (Дрожжевик — косячок). 1995. 447 с. // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 181–185.

сяч пословиц, поговорок, сравнений, скороговорок, загадок и т. д.). Почти в шесть раз превосходя далевскую коллекцию, наше собрание и строится по совершенно иному — чисто словарному принципу, позволяющему по стержневому слову быстро отыскать любую поговорку, получить детальное толкование ее смысла и стилистическую характеристику. Такой принцип описания поговорок принят в европейских паремиологических собраниях (например, немецких, французских, польских), но для русского материала практически еще не применялся.

Источники нашего словаря различны. Во-первых, это извлечение из большинства собраний русского фольклора; во-вторых — материалы из произведений классической и современной литературы; в-третьих — фиксация живой фразеологии из средств массовой информации (публицистика, радио, телевидение и Интернет); в-четвертых — поговорки из литературных, фразеологических, диалектных и жаргонных словарей; наконец, материал из наших записей современной речи и ответов на анкеты по специальной авторской программе. Отбор материала проводился на базе картотеки, собираемой около 40 лет и насчитывающей свыше 40 тысяч русских поговорок (включая народные, диалектные, сленговые, архаичные и т. п.). Картотека и ее компьютерная обработка, как кажется, и дали возможность сделать почти полную выборку яркого по образности материала, отражающего жизнь русского народа во многих ее аспектах и демонстрирующего связи русского языка со славянскими и неславянскими языками Европы. Основа картотеки — выписки из художественной литературы, публицистики, выборка из основных словарей русского языка и других самых разных источников, в первую очередь сборников пословиц и поговорок (особенно — собрания В. И. Даля, И. М. Снегирева, И. И. Иллострова, М. И. Михельсона, П. Симони, В. П. Аникина, М. А. Булатова, А. М. Жигулёва, М. А. Рыбниковой, А. И. Соболева, М. Я. Мельц, В. В. Митрофановой, Г. Г. Шаповаловой, М. М. Шахнович, В. И. Зимина, А. С. Спирина и др.). Немало в картотеке и собственных записей живой русской речи.

Потребность в большом словаре русских поговорок давно ощущалась на фоне зарубежной лексикографии, в которой подобные издания представлены весьма широко. Таковы, например, сводный словарь «Чешские поговорки»⁵, недавно изданный словарь хор-

⁵ *Zaorálek J. Lidová rčení. Vyd. 2-é. Praha, 1963.*

ватской диалектной идиоматики⁶ и многократно переиздававшийся большой (пятитомный) словарь поговорок немецких⁷. В этих словарях даётся синтетическое описание народной фразеологии национальных языков, т. е. в один словарный корпус включены как идиомы народного происхождения, «заквашенные» на собственном национальном духе, так и фразеологизмы литературного происхождения, включающие и многие обороты интернационального (resp. общеевропейского) происхождения. Именно по этому пути пошли и составители настоящего Словаря, целью которого было дать максимально полный свод русской национальной идиоматики во всех ее функционально-стилистических сферах — литературной, публицистической, диалектной, разговорно-просторечной, субстандартной и профессиональной. Собственно, и здесь мы во многом следовали максималистскому принципу В. И. Даля, в наши дни лексикографически обоснованному Б. А. Лариным, который создал концепцию словарей *полного типа*⁸. Такой подход, вытекающий из традиций европейской лексикографии, продуктивен уже потому, что дает возможность лексикографически представить ту или иную часть национального языка как относительно полную систему. На материале русских поговорок такая попытка и сделана в настоящем Словаре.

Разумеется, словарное собрание поговорок такого объема и арельного охвата оказалось делом длительным и трудоёмким. Оно потребовало большой подготовительной работы и выросло из опыта создания целой серии словарей самого разного типа — в том числе и серии словарей фразеологических, которые уже давно составляют членами Фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина. Таковы, например, лингвострановедческий и школьный словари русской фразеологии⁹, сло-

⁶ *Menac-Mihalić M.* Frazeologia novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj. S rječnikom frazema i značenjskim kazalom s popisom sininimnih frazema. Zagreb: Institut za hrvatski jezik ni jezikoslovlje — Školska knjiga, 2005. 501 s.

⁷ *Röhrich L.* Das große Lexikon der sprichörtlichen Redensarten. Bd I–V. Feiburg; Basel; Wien, 1995.

⁸ *Мокшенико В. М.* Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // Славянская филология. Вып. VIII. СПб., 1999. С. 56–70.

⁹ *Фелицына В. П., Мокшенико В. М.* 1) Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М., 1990; 2) Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1999; 3) Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 2002; 4) Фразеологический словарь для школьников. Более 1000 выражений. СПб., 2005.

варь русских фразеологических синонимов¹⁰, словарь «Фразеологизмы в русской речи»¹¹, «Историко-этимологический словарь русской фразеологии»¹², «Словарь сравнений русского языка»¹³ и мн. др. Большим стимулом для такой подготовительной работы стала работа над комментариями к переизданному в 1994 г. монументальному собранию русской фразеологии М. И. Михельсона¹⁴.

Многие принципы лексикографической обработки русских поговорок были составителями этого Словаря отработаны при составлении свода пословиц и поговорок Псковщины¹⁵. На его составление нас подвиг бесценный опыт составителей региональных словариков русской народной фразеологии, издававшихся в Самаркандских научных сборниках в конце 60-х — начале 70-х годов Л. И. Ройзензоном и его сотрудниками¹⁶. По примеру самаркандских диалектологов-фразеологов в 70-х годах и позднее создается несколько словарей севернорусской народной фразеологии. К ним относятся дважды переизданный «Фразеологический словарь русских говоров Сибири»¹⁷, составленный опытным коллективом новосибирских фразеологов под руководством профессора А. И. Федоро-

¹⁰ *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 2001.

¹¹ *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М., 1997; 2-е изд. М., 2001; 3-е изд. М., 2005.

¹² *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* 1) Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / Под ред. проф. В. М. Мокиенко. СПб., 1998; 2) Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005.

¹³ *Мокиенко В. М.* Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.

¹⁴ *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний / Предисл. и коммент. В. М. Мокиенко. М., 1994.

¹⁵ Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; Научн. ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2001.

¹⁶ *Ройзензон Л. И., Андреева Л. А.* Словарь русской диалектной фразеологии Ольхонского района Иркутской области // Вопросы фразеологии. Вып. 6. Самарканд, 1972. С. 114–204; *Ройзензон Л. И., Балясников А. В.* Словарь диалектной фразеологии деревни Коты Оёкского района Иркутской области // Там же. С. 325–241; *Ройзензон Л. И., Хазова Л. Н.* Материалы к диалектному фразеологическому словарю народных говоров Нижнедевицкого района Воронежской области // Вопросы фразеологии VI. Самарканд, 1971. С. 290–306.

¹⁷ Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Новосибирск, 1977; Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Сост. Л. Г. Панин, Л. В. Петропавловская, А. И. Постнова, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.

ва; ценное собрание пермских народных выражений, также дважды опубликованное К. Н. Прокошевой¹⁸ и недавно опубликованный «Фразеологический словарь русских говоров республики Коми» И. А. Кобелевой¹⁹. Яркий и уникален «Словарь образных слов и выражений народного говора» О. И. Блиновой, С. Э. Мартыновой и Е. А. Юриной под редакцией О. И. Блиновой, выдержавший 2 издания²⁰. Появился наконец и первый идеографический словарь русской региональной фразеологии под редакцией М. А. Алексеенко, в котором использованы материалы диалектных и специальных словарей разных регионов России — в том числе и извлечения из уже названных диалектных фразеологических коллекций Л. И. Ройзензона²¹.

Ценными источниками нашего словаря стали и диссертации по диалектной фразеологии, в текстах и в приложениях к которым было немало свежего, собранного в поле поговорочного материала. Таковы, например, докторские диссертации Л. А. Ивашко, Л. Я. Костючук, Е. В. Брысиной, кандидатские — Е. П. Бугрий, Б. Ф. Захарова, М. В. Орел, Н. К. Пахотиной, К. Н. Прокошевой, И. А. Подюкова, Е. Н. Шестаковой и мн. др.

Обилие яркого и свежего материала, извлеченного нами из множества таких поговорочных «сусеков», постепенно убеждало нас в необходимости составления сводного словаря русских поговорок. Убеждало и то, что даже некоторые региональные словари народной фразеологии и паремологии отражали в своем словнике гораздо большее число единиц, чем словари русского литературного языка. Так, во «Фразеологическом словаре русских говоров Сибири» под редакцией А. И. Федорова было описано около 7 тысяч единиц, а в нашем словаре псковских пословиц и поговорок — свыше 13 тысяч паремий. В классическом же толковом Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А. И. Молоткова, выдержав-

¹⁸ *Прокошева К. Н.* 1) Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. Пермь, 1972; 2) Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

¹⁹ *Кобелева И. А.* Фразеология русских говоров республики Коми: Учебное пособие к спецкурсу. Сыктывкар, 1999.

²⁰ Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1997; *Блинова О. И., Мартынова С. Э., Юрина Е. А.* Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О. И. Блиновой. 2-е изд. Томск, 2001.

²¹ *Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И.* Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. М., 2004.

шем 5 изданий (ФСРЯ), таких оборотов описано немногим более 4 тысяч. Факт, что даже областные поговорочные закрома оказываются более полными, чем литературные, убеждал нас в том, что сокровищница русских поговорок далеко еще не исчерпана лексикографически и что пора наконец создавать полный словарь общерусских поговорок.

Предлагаемый читателю словарь с более чем 40 тысячами выражений является не только самым полным словарем русских поговорок, но и по количеству описанных в нем образных выражений превысил упомянутые выше европейские собрания соответствующего фольклорного жанра.

В словарь вошли поговорки самого разного типа:

— выражения, ставшие активно употребительными и кодифицированными литературным языком, например: *свесть собаку, бить баклуши, не видно ни зги, задать стрекача, отложить в долгий ящик* и т. п.

— яркие, меткие поговорки регионального масштаба, например: пск. *петь аллылуя кому* ‘захваливать, превозносить без меры кого-л.’; новг. *волка в пастухи поставит* ‘допустить кого-л. туда, где он может навредить и поживиться’; ворон. *галки в рот влетели кому* ‘кто-л. остался обманутым’; сиб. *оба лаптя на одну ногу* ‘об одинаковых, сходных по каким-л. качествам людям’; пск., новг. *свездить в Москву* ‘о неудачной поездке куда-л., о слишком дорогой покупке’, ‘родить ребенка’; арханг. *гнуть под свой палец* ‘делать что-л. по-своему, действовать в своих интересах’; сибирск. *не пьёт, только за ухо льёт* ‘о том, кого ошибочно считают трезвенником’ и др.;

— современные просторечные и жаргонные обороты, например: мол. жарг. *быть в [полном] обалдайсе* ‘сильно удивляться, поражаться чему-л.’; школьн. жарг. *остров невезения* ‘первая парта в классе’; разг. эвфем. *двадцать первый палец* ‘мужской половой орган’; жарг.-разг. *накрыться [медным] тазом (тазиком)* ‘умереть’, ‘не реализоваться, потерпеть крах (о планах, надеждах)’; мол. жарг. *заело тормоз у кого* ‘о глупом, несообразительном человеке’, угол. и мол. жарг. *гнать (пороть) туфту* ‘говорить ерунду; обманывать кого-л.’; мол. жарг. *крутить фишки [с кем]* ‘ухаживать за девушкой, склонять ее к вступлению в близкие отношения’ и т. п.

При отборе словника для данного словаря основным критерием была прежде всего яркая образность и экспрессивность и соот-

ветствие типичным для поговорок структурно-семантическим моделям. Поскольку наш Словарь — словарь тезаурусного типа, читатель найдет в нем и выражения устаревшие и периферийные (как в территориальном, так и в хронологическом плане), а также индивидуально-авторские выражения, во многом отталкивающиеся от устойчивых оборотов. Многие такие поговорки снабжаются в рамках словарной статьи толкованиями непонятных слов и сочетаний, указанием на ареал распространения, авторство и время фиксации.

Главное отличие составляемого нами большого словаря русских поговорок от других собраний малого жанра фольклора — даже не в количестве описываемых оборотов, а в том, что большинство из них взято из живой русской народной речи, которая в словаре точно локализована во времени и пространстве. Разумеется, поговорочный материал «Пословиц русского народа» В. И. Даля вошел в наш словарь целиком.

Материал Словаря не только долго собирался, но и постоянно и последовательно обрабатывался, сопоставляясь с описаниями, предложенными нашими предшественниками. Особенно трудоемкой оказалась работа по извлечению и лексикографической унификации поговорок из массы диалектных словарей. И не только потому, что благодаря многочисленным подвижникам — собирателям и ценителям народного русского Слова, а также планомерной работе по созданию диалектных картотек и словарей во всех регионах бывшего Советского Союза (стимулированной проектом Лингвистического атласа русского языка в послевоенное время) таких словарей, многие из которых являются многотомными, уже выпущено более ста. Главной трудностью извлечения поговорок из этих словарей было то, что большинство таких выражений составителями не выделяются в особые вокабулы. Ведь многие из них рассматривались составителями диалектных словарей как *свободные образные словосочетания*, а не как устойчивые фигуры речи. Расписывая эти словари, нам пришлось поэтому прочитывать их буквально «от корки до корки», нередко вылавливая из контекстов, а не из вокабул, интересующие нас обороты и самостоятельно толкуя и стилистически маркируя их. Поэтому пусть читатель не удивляется, если, обратившись к точно паспортизированному словарному источнику той или иной поговорки, он не сразу отыщет ее на указанной странице соответствующего диалектного словаря: лишь внимательно прочитав все контекстные иллюстрации на указанном месте, он найдет описанный нами оборот. Отсюда и наш педантизм в указании на ис-

точники большинства сравнений, включаемых в Словарь. Хочется надеяться, что такие указания не только дадут читателю точные пространственные, временные и стилистико-функциональные параметры каждого из описываемых нами оборотов, но и помогут лексикографам-диалектологам учесть их при составлении словарей своих регионов.

Массированное извлечение материала из диалектных источников вызвало и необходимость *точной фиксации ударений* над каждым компонентом поговорки. В большинстве фразеологических словарей русского языка этот важный параметр устойчивых словосочетаний неправомерно отсутствует. В нашем словаре акцентологическая характеристика дается как для диалектных, так и для литературных поговорок, что дает возможность показать (с помощью стилистических помет) и дифференциацию некоторых их вариантов в нормативном и свободном речевом их употреблении.

Большинство поговорок описывается по единой последовательной и детализированной композиции:

- 1) Вокабульное выражение.
- 2) Стилистическая характеристика (употребительность, сфера распространения, экспрессивно-стилистическая квалификация).
- 3) Точное и полное толкование значения.
- 4) Точная паспортизация источника.
- 5) Объяснение истории и этимологии, толкование непонятных (особенно диалектных, иноязычных или жаргонных) слов, входящих в оборот.

Материалы Словаря во многом отражают, как уже говорилось, речевой статус русских поговорок в течение двух веков. Показателем их преимущественно речевого узуса является их активное варьирование, из-за чего строгое разграничение устойчивых выражений от неустойчивых является достаточно условным.

Создание индивидуально-авторских поговорок (в том числе и таких, «автором» которых является народ) нередко стимулируется именно активным варьированием устойчивых образных сочетаний. Обычно такие обороты создаются по известным устойчивым структурно-семантическим и образным моделям или, как уже говорилось, являются «озвучиванием» писателями диалектных или социолектных выражений. Именно поэтому в корпус настоящего Словаря включены и поговорки такого рода. По ним читатель сможет получить более полное представление о динамике и образных потенциях русских поговорок.

Одна из основных задач этой книги — сделать словарное описание русских поговорок *максимально дифференцированным*. Ведь чуткий «потребитель» языка ощущает, что за любыми синонимическими оборотами обычно таится лишь мнимое «тождествословие».

Большинство поговорок в настоящем Словаре дифференцируются и по сфере употребления, и по частотности, и по стилистической принадлежности. Такая дифференциация осуществляется с помощью помет — *книжн.*, *народн.*, *прост.*, *жарг.*, *устар.*, *нов.*, *шутл.*, *ирон.*, *вульг.* и под., которые известны читателю по толковым и другим словарям.

В настоящем Словаре территориальная характеристика большинства поговорок дается предельно детализированно. Система региональных помет здесь выдержана в основном в русле диалектографической традиции, разработанной Ф. П. Сороколетовым и Ф. П. Филиным в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ). В случаях, когда выражение распространено на разных территориях России либо точно не локализуется соответствующими источниками, оно маркируется в словаре интеррегиональной пометой *диал.* — «диалектное». Составители не отказываются также и от традиционной пометы *народн.* («народное»), употребляя ее в случаях, когда поговорка фиксируется в собраниях малого фольклора В. И. Даля, И. И. Иллюстрова, И. М. Снегирева и др. Хронологически большинство описываемых поговорок также маркируется: как указанием на время их фиксации, так и — что особенно казалось важным (в отличие от предыдущего словаря русских сравнений) — предельно точной паспортизацией источника каждого оборота.

Толкование поговорок — одна из наиболее трудных теоретических и практических проблем лексикографии. Авторы настоящего Словаря стремятся избежать упрощенных дефиниций поговорок, но в то же время отказываются и от излишне дробного и детализированного толкования. Главной задачей дефиниции является максимальное прояснение семантики оборота и его конкретная привязка к характеризуемому человеку, предмету, явлению или ситуации. Некоторые грамматические характеристики поговорок, отраженные в вокабульной части словарной статьи, при этом в дефиниции традиционно опускаются — как для краткости изложения, так и потому, что они понятны читателю. Так, для большей части глагольной фразеологии через косую линию характеризуются видовые пары глаголов. Дефиниция же при этом ориентируется лишь на ведущий несовершенный вид, напр.:

Доводить/ довести до абсурда что. *Разг. Неодобр.* Делая что-л. неправильно, последовательно приходиться к явной нелепости.

Читать/ прочитать азбучку кому. *Волг. Шутл.-ирон.* Ругать, бранить кого-л.

Экспрессивно-стилистическая градуировка поговорок и усложненность их семантики, отразить которые пытались составители, уходя свои корни в традиционную группировку их образов. Наблюдения за компонентами поговорок по вертикали показывают различные закономерности формирования образности для предметных лексем, поговорок, основанных на метафорике животного мира и т. п. Не всегда описываемые в словаре поговорки (особенно устаревшие, народные, жаргонные) соответствуют современным бытовым представлениям о каком-либо предмете, веществе или явлении.

Именно поэтому кроме толкований переносного значения в Словаре в случае необходимости приводится и расшифровка образа толкуемого оборота. Нередко такая расшифровка представляет собой более или менее развернутую историко-этимологическую или лингвострановедческую справку, которая дается под знаком < после отсылки к источникам фиксации поговорки. Если в самом источнике содержится такого рода справка, то он приводится в конце всей статьи. Отсутствие ссылки на такой источник означает, что комментарий принадлежит составителям данного словаря. Например:

ВОЛК * Волк в овечьей шкуре. *Разг. Неодобр.* О лицемере, прячущем под маской добродетели свои злые намерения. < Восходит к Евангелию. ФСРЯ, 76; ДП, 50; БМС, 94–95.

Волк в овчине (под овчиной). *Народн.* То же. ДП, 50, 660.

ДАВИЛКА * Оказаться в давилках. *Пск.* Попасты в трудное, безвыходное положение. < **Давилка** — приспособление для ловли белых куропаток. Мокиенко 1986, 115.

ЕЛЬ * Венчали вокруг ели (ракитового куста) кого; венчали вокруг ели [а черти пели] кого. *Народн. Шутл.-ирон.* О невенчанной чете. БМС 1998, 180. < Выражение восходит к языческому обряду венчания. Мокиенко, Никитина 2003, 137.

ЖАБА * На какую жабу. *Перм.* Зачем, для чего? < *Жаба* в русской языческой мифологии — одно из «нечистых» животных, в которые может «оборачиваться» нечистая сила. Подюков 1989, 74.

КЕРЖА́К * Променять кержакóв на лешакóв. *Алт.* Забыть старые традиции, обычаи, правила. СРГА 2, ч. 2, 32. < **Кержак** — старообрядец.

КОПЫ́Л * **Копы́ля квѣрху.** *Кар. Ирон.* Об очень пьяном человеке. СРГК 2, 420.

< **Копы́л** — 1. Деревянная колодка, используемая сапожника-ми. 2. Опора в виде бруска, соединяющая полозья саней с кузовом. 3. Нос. 4. Нога.

КУКУ́ШКА * **От куку́шки [копѣчки].** *Пск. Шутл.* Об очень малом количестве денег. СПП 2001, 48. < От поверья: если кукушка застанет человека своим кукованием без денег, он будет беден и голоден весь год.

КУСТ * **Венча́ться вокрúг ракíтова куста́ (ку́стика).** *Прост. Устар. Ирон.* 1. Находиться с кем-л. в незаконной, внебрачной связи. 2. Вступать во внебрачное совокупление, жить половой жизнью до официального брака. < Иронический намёк на языческий обряд венчания. Мокиенко, Никитина 2003, 184.

На халя́ву (на халя́вку, на халя́винку). 1. *Жарг. угол.* О получении доли добычи без участия в деле. СРВС 3, 106; ТСУЖ, 115; УМК, 218. 2. *Жарг. угол., мол.* Бесплатно, за чужой счет. УМК, 218. 3. *Жарг. угол., мол.* Наобум, как придется, наудачу. Б., 107; Митрофанов, Никитина, 235. < **Халя́ва** — 1. Воровка. 2. Проститутка. 3. Получение чего-л. за чужой счет; без труда, за счет наглости, напора. 4. О чем-л. необременительном, не доставляющем трудностей. 5. Безответственность, небрежное отношение к делу.

Такого рода исторические, этнографические, мифологические или общекультурологические комментарии даются в конце словарной статьи. Цель таких комментариев — отразить по мере возможности национальную специфику образной системы русского языка и русского мировоззрения. Вот почему в какой-то мере Словарь можно рассматривать и как мозаическую картину русского образного мира в его исторической перспективе. Образы описываемых поговорок при этом становятся камешками мозаики, из которых складывается картина.

В конце некоторых словарных статей иногда даются (посредством пометы Ср.) ссылки на фразеологические синонимы или различного рода варианты описываемых поговорок. Они имеют спорадический характер и предназначены в основном для ассоциативной «подсказки» читателю при восприятии локального, мало известно-

го материала путем отсылки к уже описанному или знакомому ему из разговорно-просторечного или литературного обихода. Например:

Слепую бабушку на бревно наводить. *Кар. Шутл.-ирон.* Обманывать, лгать. СРГК 3, 302. Ср. **наводить слепого на брёвна (БРЕВНО).**

Бас на бас. *Забайк.* Без придачи (о равноценном обмене). СРГЗ, 61. < Ср. **баш на баш (БАШ).**

Нести колёса на турусах. *Народн. Неодобр.* Говорить ерунду, лгать. ДП, 205. Ср. **Нести турысы на колёсах (ТУРУСЫ).**

Жевать ушнёк. *Жарг. мол.* Обманываться, заблуждаться, верить заведомой лжи; быть доверчивым, наивным. Урал-98. < Ср. **вешать лапшу на уши.**

Червёк в корсёте. *Жарг. мол. Ирон. или Пренебр.* Об очень худой девушке. БСРЖ, 667; Максимов, 198. < Ср. диал. **селёдка в корсете.**

Порядок расположения поговорок алфавитный, причем центром описания являются стержневые слова, которые концентрируют в себе основной их образный смысл и экспрессивный потенциал. Как правило, таким словом оказывается первое имя существительное поговорки. Именно на многие из таких стержней и «наматываются» все новые и новые образные выражения русского и других языков — достаточно открыть словарные гнезда под такими словами, как *голова, нога, рука, волк, собака*, чтобы в этом убедиться.

Создание Словаря было бы невозможно без помощи многих наших коллег, учителей и учеников, без многочисленных «доноров» живых русских поговорок на необъятном пространстве России: по оси Север — Юг от жителей поморской деревни Сумской Посад на Белом море до носителей курско-орловских островных говоров в Одесской области, по оси Запад — Восток от Невельского района Псковской области и деревень Новгородчины до Камчатских и Сахалинских поселков. Не менее активными генераторами поговорок, описанных в Словаре, были и жители многих городов: Москвы, Ленинграда-Петербурга, Пскова, Новгорода, Архангельска, Сыктывкара, Волгограда, Воронежа, Смоленска, Нижнего Новгорода, Иркутска, Новосибирска, Магнитогорска, Томска. . . Отовсюду приходили к нам материалы, но особую радость нам доставляли те, кто успел эти материалы опубликовать в своих диалектных, простореч-

ных или жаргонных словарях, откуда мы могли не только черпать нужное нам, но и точно ссылаться на эти бесценные источники. Мы благодарны всем, кто способствовал созданию материальной базы нашего Словаря, щедро делясь опубликованным и неопубликованным. Список наших «доноров» занял бы, пожалуй, десяток страниц Предисловия, многие из них уже упомянуты с благодарностью в наших других фразеологических, синонимических и жаргонных словарях.

Как бы ни полна была та коллекция русских поговорок, которую мы предлагаем читателю, она, разумеется, не исчерпывает всего богатства образных выражений нашей речи. И не только потому, что каких-либо источников мы не смогли использовать, а из каких-либо диалектных, жаргонных, литературных словарей или паремиологических сборников не выбрали весь материал, относящийся к поговорочной теме. Не полна наша коллекция в первую очередь потому, что живая русская речь постоянно производит новые и новые поговорки и их оригинальные варианты. Как бы ни стремились составители словарей их зафиксировать, свободное Слово всегда опережает и будет опережать возможности его фиксации. Ведь, по словам А. С. Пушкина, «разум неистоим в соображении понятий, как неистоим язык в соединении слов». Эта неистоимость соединения слов и есть основа его образной энергетики, его вечной жизни.

ПО ОДЕЖКЕ ПРОТЯГИВАЙ НОЖКИ

Пословицы и поговорки издавна привлекали внимание русского человека как готовые суждения по любому поводу, о чем говорит уже первый, дошедший до нас в рукописи, сборник пословиц, поговорок и других устойчивых сочетаний. Составлен он в XVII в., но в него включены пословицы из других собраний и из разных мест¹. Они «писаны издревле, лет за сто или больше», а многие «на словах обносящиеся», неведомы составителю, и их так много, что тот, кто захочет их собрать, «едва ли возможен». Так написал автор предисловия к своему труду, предполагаемый издателем П. Симони «справщик Печатного Двора, ученый богослов, неутомимый переводчик с греческого языка, монах Чудова монастыря Евфимий» (умер в 1705 г.)².

С тех пор появилось множество сборников пословиц, самый большой и самый известный из них — «Пословицы русского народа» В. И. Даля³. Так как широко употребительные пословицы и поговорки, родившиеся из наблюдений над окружающей жизнью, бытом, поведением людей, были знакомы и понятны, то никаких пояснений к этим произведениям устного народного творчества не требовалось. Их прямой смысл (а потому и переносный) был ясен и говорившему, и слушающему.

¹ О чем свидетельствуют помещенные в этом сборнике дважды одни и те же выражения, напр. Еким плошина курицу купил, а две за пазуху забил (№ 852) и Яким плашина (№ 2775); Залез богатство — забыл и братство (№ 1135) и Нажил богатство (№ 1808); Всугонь гостя не употчивать (№ 409) и Вслед гостя не употчивать (№ 483) и др.

² См.: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XVIII столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Вып. 1. СПб., 1899. С. 68.

³ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. 1861–1862 гг. М., 1957.

© В. П. Фелицына, 2008

В XIX в., когда началось исследование быта, обычаев и характера русского человека, отразившихся в пословицах, появились некоторые пояснения к известным пословицам и поговоркам, смысл которых мог оказаться непонятным. Так, Даль к поговорке «Горе одного только рака красит» добавляет в скобках «т. е. кипяток»⁴. И. М. Снегирев к поговорке «Дорого яичко к Великому (к Светлому, к Христову) дню» дает пояснение: «Первоначально об обычае в среде чиновников (XVI в.) на Пасху вместе с красным яйцом брать и деньги (хотя официально взятки были запрещены)»⁵. Это замечание Снегирева, может быть, и имело основание, если Снегирев сужает обычай брать с крашеным яйцом деньги только до чиновничьей среды. Думаю, что поговорка отражала обстановку, которая касалась каждой семьи перед Пасхой, т. е. имелось в виду повышение цены на яйца в это время. Подготовка к празднованию начиналась задолго до Христова дня и выражалась, в частности, в заготовке яиц. Яиц требовалось много и для приготовления кулича и пасхи, и для христосования с непременно дарением при этом крашеных яиц, а оставшиеся после Пасхи крашеные яйца употреблялись в играх молодежи — катании яиц на Красную горку, играх по разбиванию вареных яиц острыми их концами. И только после отражения факта подорожания яиц перед Пасхой в конкретной фразе пословица⁶ получила переносное значение: ценно, приятно то, что сделано, получено и т. п. вовремя, в нужный момент. Косвенным доказательством такого предположения служит пословица, возникшая значительно позже и вытеснившая свой древний синоним. Это — «Дорога ложка к обеду»⁷, в которой уже нет прямого значения (т. е. цены при покупке), а есть только переносное.

В XX в. уже появился (впервые) толковый словарь русских пословиц и поговорок В. П. Жукова⁸, а потом и этимологические словари русской фразеологии⁹, русских пословиц и погово-

⁴См.: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и дополн. М., 1991. С. 91.

⁵Там же. С. 109 (см.: Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. М., 1833. Кн. 3. С. 116).

⁶«Дорого яичко к велику дню» впервые зарегистрировано в Сборнике XVII в., изданном П. Симони.

⁷Впервые засвидетельствована Снегиревым «Дорога ложка за обедом», а потом Далем — «Дорога ложка к обеду, а там хоть под лавку» (см.: Жуков В. П. Словарь. . . С. 108).

⁸См.: Жуков В. П. Словарь. . .

⁹Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического сло-

рок¹⁰. В них авторы приводят сведения о происхождении того или иного выражения или поясняют смысл тех выражений, которые, по их мнению, в таких пояснениях нуждаются.

В учебном словаре «Русские пословицы и поговорки» В. И. Зими́на и др. пословица «Беда не знает стыда» поясняется так: «Беда “не стесняется” обрушиться на хорошего человека»¹¹. Жаль, что такое пояснение дается в учебном словаре. Стыд — состояние, присущее только человеку, и как это беда может «не стесняться» (даже в кавычках) обрушиться на кого-то? Смысл же этого выражение таков: когда случается беда, стыд отступает. Во время беды человек не стыдится обратиться за помощью (даже среди ночи) к любому человеку, во время беды человек может поступить так, как в другое время не поступил, постыдился бы. Недавно в передаче по телевидению одна интеллигентная женщина-геолог, участница той экспедиции, когда были открыты якутские алмазы, сказала, что в начале 90-х годов не было работы, не было зарплаты и она собирала бутылки, чтобы сдать их и купить хлеба. «И мне не было стыдно», — сказала она. Вот что значит «Беда не знает стыда».

Но в нашем быту употребляются до сих пор старинные народные выражения, которые действительно нуждаются в разъяснении. К ним относится поговорка «По одежке протягивай ножки», записанная еще в первом сборнике пословиц (XVII в.), изданном П. Симони. В этой поговорке все слова нам знакомы и именно поэтому провоцируют на ложную этимологию.

Так, в «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» (при правильном толковании: Живи по средствам, считайся со своими возможностями) дано: «*Собств. русск.* С XVIII в. (с XVII в. — В. Ф.) и ранее. Подстилая верхнюю одежду и укрываясь ею, человек не мог вытянуть ноги»¹².

В «Словаре русской фразеологии»: «По одежке протягивай ножки. *Шутл.* Живи соразмерно средствам, доходам. Собственно русская поговорка, известная с XVIII в. (с XVII в. — В. Ф.), а возможно, и ранее. При ночлеге в походных условиях, подстилая

варя русской фразеологии. М., 1987. Ранее в журн. «Русский язык в школе» 1979–1981 гг. был опубликован теми же авторами «Краткий этимологический словарь русской фразеологии».

¹⁰ *Зимин В. И., Ашурова С. Д., Шанский В. Н., Шаталова З. И.* Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь. М., 1994.

¹¹ Там же. С. 142.

¹² См.: *Шанский Н. М.* и др. Опыт этимологического словаря... С. 107.

под себя верхнюю одежду и накрываясь ею, человек не мог вытянуть ноги»¹³. Вытянуть-то вообще мог ноги при любой одежде, но не мог укрыть ноги. Статья расширена и дополнена ситуацией, но в сущности повторяет приведенную статью из «Опыта. . .» Шанского и др.

В упомянутом мною выше учебном словаре «Русские пословицы и поговорки» В. И. Зимина и др. дано оригинальное, на грани фантастики пояснение: «Одежка — одежда; протягивать ножки — умирать», буквально — «и умирай так, чтобы уместиться в той одежке, что у тебя есть», а переносный смысл таков: «живи в соответствии со своим материальным положением, средствами, не старайся выглядеть более богатым, чем ты есть на самом деле»¹⁴. Эту статью не будем рассматривать, так как в ней неверно все: 1) одежка — одежда; 2) протягивать ножки — «умирать» — такого фразеологизма пока нет, есть *протянуть ноги*; 3) как это поговорка (а во всех пословицах и поговорках отражается коллективная мудрость народа) может советовать (повелительное наклонение) умирать «так, чтобы уместиться в той одежке, что у тебя есть»? Хоронили в саване или в той одежде, которую старый человек сам себе готовил заранее.

В первых двух упомянутых мной словарях, я считаю верным лишь то, что протягивать ножки можно только лежа. Ситуация, о которой говорится в этих словарях (ночлег в походных условиях) — экстремальная, а пословицы и поговорки отражают повседневный быт и привычную ситуацию для тех, в чьей среде пословицы создавались. Далеко не все оказывались в походных условиях и вынуждены были ночевать не дома. И если уж говорить о ночевке где-нибудь в дороге и предположить, что это делал не подготовленный к таким условиям человек из народа в XVII в. (или ранее), то той верхней одеждой — тулуп, армяк, зипун — т. е. длиннополой одеждой, которую носили в XVII в., вполне можно было укрыться.

Поговорка советует протягивать ножки по чему-то (по одежке), а не просто вытягивать ноги. Так по какой же одежке надо протягивать ножки? Ведь одежка (а упомянутые мною выше этимологические словари говорят о ней, об одежде) — это не только совокупность того, что мы носим поверх белья или поверх платья (верхняя одежда) и что продают магазины одежды, но и конкретная

¹³ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской этимологии: Историко-этимологический справочник. СПб., 1999.

¹⁴ Зимин В. И. и др. Русские пословицы и поговорки. С. 76.

вещь, которая надета человеком — платье, рубашка, кофта, брюки, штаны, пальто и т. п. По какой конкретной из этих одежек нужно протягивать ножки? Предлог *по* означает здесь пространственные отношения, т. е. действие совершается в соответствии с чем-либо, вдоль чего-либо, по длине чего-либо (напр., посадить цветы по краям дорожки), и говорит, что протягивать ножки, т. е. распрямлять, вытягивать во всю их длину, надо в соответствии с какой-то конкретной одежкой, которую мы носим. По упомянутым здесь предметам одежды протянуть ножки просто невозможно. И зачем?

Ошибка исследователей, я считаю, состоит именно в забвении или незнании того, что в XVII в. слово *одежа* (и уменьшительное *одёжка*), кроме современного значения 'то, что человек носит на себе' («вся одежка поизносилась», «купить новую одежку»), имело еще и другое, которое зафиксировано толковыми словарями XIX в. и позже областными. Значение это — покрывало. Оно отмечено в Словаре 1847 г.¹⁵, в одной статье к двум словам **Одѣжа**, *просто-нар.* и **Одѣжда**, но применительно только к церковной утвари — верхний покров на престоле в алтаре. Слова *одёжка* в этом словаре нет. У Даля в словаре есть слово *одежка* в одном заголовочном ряду: *Одѣжда, одѣжа, одѣжъ, одѣжка, одѣжѣнка, одѣжища* и оттенок Покров, покрывало с речением Одежда престола, в алтаре (Даль: II, 650)¹⁶. Из этих примеров обоих словарей можно заключить, что слово *одежа* (и тем более *одёжка*) вряд ли употреблялось для обозначения покрывала на престоле в алтаре (хотя в заголовочной строке даны оба слова — *одежда* и *одежа*). Это вполне объяснимо, так как в церковном обиходе употреблялось слово церковнославянского языка (*одежда*), а не «простонародное», как указывает на то Словарь 1847 г. Но уже в Словаре Даля мы находим глаголы из «простонародного» языка: *одѣжить* и *одѣжѣть* с пометой *сев.* и со значением 'одеть, надеть', а также оттенок значения 'Покрыть одеялом или попоной, скутать'. Значит, слово это диалектное. Эти же слова, с теми же значениями, что у Даля, отмечены в Опыте областного великорусского словаря 1852 г.: *Одѣжить* — надеть. Одежь кафтан. Архан. и *Одѣжѣться* — одеться. Архан. (ООС: 138). И только в Дополнении к Опыту... находим *Одѣжка* — детское покрывало или одеяльце (Дополнение: 156).

Больше всего интересующего нас материала, целое гнездо, по-

¹⁵ Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. III. С. 48.

¹⁶ Кстати, поговорка «По одежке протягивай ножки», считаю, ошибочно помещена под значение одежда, а не на оттенок Покров, покрывало.

местили составители в Словарь русских народных говоров. Здесь находим среди других значений: Оде́жа... 3. Одеяло, покрывало. Перм., Иркут. Одежа́ться. Одеваться, укрываться (одеялом, покрывалом и т.п.). Перм. Оде́жить... 3. Одеть, покрыть, укрыть чем-л. Север. Устюж. Ярен. Волог. Одежу я одеялышком бархатным. — Спи, мой млад, с вечера до утра (песня). Перм. Урал. Сев.-Двин. Оде́житься... 3. Накрывается чем-л., укрыться. Нюра, одежись хоть этим одеялом, холодно. Соликам. Перм. Оде́жка... 2. Детское одеяло или покрывало. Ворон. 3. Попона. Морш. Тамб. (СРНГ: XXIII, 10–11).

В Словаре русского языка XI–XVII вв. на слово Одежка (уменьш. к *одежа* в знач. 1, т.е. то, чем покрывают тело, одежда) только одна цитата: По одежке протягай ножки. Сим. Пислов. (СлРЯ XI–XVII: XII, 269).

Из приведенного материала видно, что *оде́жа* и *оде́жка* — слова диалектные, и в Сборнике пословиц XVII в. употреблено слово *одежка* именно в значении одеяло, покрывало, сохранившемся до наших дней в диалектах. Пословица рекомендует не просто вытягивать ножки, а протягивать их по конкретной одежке в соответствии с ее длиной. Таким образом, «перевод» пословицы выглядит так: в соответствии с одеялом, его длиной выпрямляй, протягивай ноги по всей длине одеяла (или подогни их, свернись калачиком), чтобы можно было укрыться целиком. Отсюда прозрачно переносное значение: живи в соответствии с тем, что имеешь, т.е. по средствам, по возможностям. Слово *протягать*, вышедшее из употребления, заменилось современным словом *протягивать*.

В подтверждение нашего мнения вспомним другую пословицу — «По одежке встречают, а по уму провожают». В Сборнике XVII в. она записана в своем старом варианте — «Встречают по платью, а провожают по уму». И этот старый вариант, по данным Словаря В. П. Жукова, употреблялся весь XIX в.: единственная цитата «По одежке встречают...» относится к XX в. (Гладков, Энергия) и в сборник пословиц она попала тоже в XX в.¹⁷

В богато иллюстрированном толковом словаре пословиц и поговорок В. П. Жукова цитаты с поговоркой «По одежке протягивай ножки» только из произведений авторов XIX в.: Пушкина, Мельникова-Печерского, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Станюковича, А. Островского, Даля, Фета. Значит, в произведениях

¹⁷ *Соболев А. И.* Народные пословицы и поговорки. 1961.

писателей XX в. эта поговорка автору словаря не встретилась, несмотря на то, что В. П. Жуков широко использовал для своей картотеки произведения писателей XX в. Видимо, поговорка устаревает.

Из всего сказанного можно сделать один вывод: до наших дней еще сохраняются устаревшие или диалектные слова и значения в широко употребительных народных выражениях, к которым относятся пословицы и поговорки, поэтому древнерусский язык и диалекты часто помогают нам в раскрытии их этимологии.

ГЕНДЕРНЫЕ ЗАМЕТКИ ПО ДРЕВНЕРУССКИМ ТЕКСТАМ

Современная филология много внимания уделяет тендерным исследованиям в области языка и слова, и понятно — почему. Дело не только в преобладании женщин среди филологов, но в том очевидном вкладе, который женщина внесла в развитие национальных культур, в частности, русской культуры. Перечитывая бытовые повести эпохи средневековья, я остановился на мысли, которая так и вопиет со всех этих текстов: именно женщина здесь представлена активной, разумной, благонравной и целомудренной — и именно о ней составлены все эти повести. Никакого «монашеского ригоризма» и следа в них нет. И так всюду, где речь заходит не о божественных идеях, а о жизни на земле. Исходя из этого тезиса (важность вклада в цивилизацию, а не гипертрофированность американской политкорректности), и внесем несколько замечаний в будущие исследования такого рода. Пока что они ведутся в самом общем виде историками культуры и философами, но это слишком поверхностный уровень, и он непременно будет углублен работами с текстами.

«Разумѣти жену»

Древние переводы с греческого предлагают кальки типа γαμέιν = женити(ся), γάμος = женитва и т. д., но столь же ранние и притом свободные переводы на тех же местах дают чисто славянские выражения: *пояти жену, привести жену, бракъ* вместо *женитва* и т. д. Столкновение «идеальных» и реальных отношений проследживается постоянно.

Что женская сторона брачной пары в Средние века была не равноправной, это само собою; на это указывают и сочетания, например, *брати в жену, но идти за мужь*. Единственным утешением является лишь обобщающая мысль при безличности современного наречия, не отразившего категории одушевленности в обозначении «мужа» (не *за мужа, а замуж*). Однако ясно, что на женщину посягали: «выйти замуж» — *посагати*, а корень этого слова сродни глаголам *досягать, присягать* и *осязать* — все они в данном ряду выражают последовательность в «овладении» женщиной. Этимологи объясняют *посаг-* как процесс «привязывания» петель (приданым). Да и отпущенная на свободу (*пущеница*) было всего лишь *потьбъга*, как бы даже «запятнавшая мужа», и связь с нею воспринималась как прямое любодеяние.

Иначе дело выглядит с мужской — активной — стороны.

В Геннадиевской библии 1499 г. в переводе того же времени находим текст: «*И разумь* Елкана жену свою Анну... и зачат... и роди сынъ» — это прямая калька с греч. γινώσκω ‘познаю’. Все, что мы знаем о древнерусских словах *разумь, разумьти*, позволяет перевести это выражение как «понять жену». *Разумьти* — понимать-знать, а *разумь* — понятие-смысл. Это еще одно представление об овладении — не захватить, а понять. В том же своде используется и глагол познати («Адам же позна Еву жену свою»), что сохраняет вынесенную из восточноболгарских переводов традицию, ср.: «не помыслихъ (!) на доброту чужую, не познахъ жены другыя» (в Изборнике 1076 г.). Оба выражения представляют собой книжные формы, не до конца осмысленные восточными славянами.

Действительно, древнейшие, в том числе летописные тексты дают как обычное выражение *пояти жену*, в отличие, например, от выражения *познати Бога*. Таково семантико-стилистическое разграничение глаголов в отношении к разным объектам домогательства. До конца XV в. нет и попыток «познати жену» — это было бы кощунством.

Смысловое пересечение глаголов *яти* — *имати* и *имьти* вызвало к образованию множество разных сочетаний. Например, у Даниила Заточника «*иже кто жену поимаеть* злообразну прибытка дѣля», а в «Повести временных лет» — «*и поимет ю* женою собѣ», «*а Федотью поя* женою собѣ» и т. д. У Илариона в «Слове о законе и благодати» «*Авраамъ ... Сарру имь* жену си свободную», а в «Житии Ольги» по самым разным вариантам и спискам «*царь же помысливъ и патриархъ, якоже не подобает* *пояти* ей» замуж за

императора — не следует брать в жены, несмотря на «доброту лица ея» и на высокий ум (тем более — ум!). Типично восточная точка зрения, как мы теперь знаем.

Впрочем, разных выражений, обозначающих связь с «женою», было множество; приведу их хотя бы по «Летописцу Еллинскому и Римскому», недавно прекрасно изданному О. В. Твороговым: коли хочет *снитися съ мною*, да и азъ приготовлена явлюся жениху (89) — и възлегша, и бы с нею (90) — Филиппъ царь, пребывая съ Алумпиадою (91) — и тако движутся на съчтание женам (144) и т. п., не говоря уж о безыскусном «Владимиръ же *залаже* жену братьню грекиню, и бѣ непраздна» (Лавр. лет, с. 25).

Традиционные обозначения брачных отношений в Летописце Еллинском преобладают: поя сестру же Азару себѣ женѣ (4); поимь сестру свою Асуму женѣ (4); поя ю женѣ (183) — поя же... жену (8); сию пустити хошет, а ину пояти (88); и поят же себѣ жену (320) — не достоинь тебѣ *поняти жены* Филиппа (205) — поняти же хотя иную жену (97) и т. д. Дательный объекта также указывает на какие-то книжные влияния.

В Повестях о Февронии, о Еруслане и других бытовых текстах: како князю сущу древолазца дщи пояти себе жену! — имам пояти ю себе женѣ — восхоте пояти ю себе в жену — и восхотѣ ея въ жену себе пояти — восхотѣ отрокъ той *поняти* госпожу свою в жену — и ныня *понял тя...* в жену (два последние примера из повести уже XVII в.). В тех же текстах находим уже и новые обозначения с *познати* — но очень поздно.

Соотношение *взять* — *узнать* существовало постоянно, но, в отличие от «высокого» познания Бога, антонимичным отталкиванием *взять* (захватить и овладеть) все время подавляет грецизированный («культурный») вариант. И так до момента, когда *поняти* изменяется (по аналогии с другими формами) в *поняти* и когда последний глагол начинает осознаваться как семантически родственный с *разумѣти* и *познати*. Случилось это не ранее конца XVII в., потому что и замена *разумѣти* на *поняти* происходила в то же время. Простым замещением форм прежде высокое стало применяться в обычном семейном праве (*яти* осталось за пределами «культурной» речи именно как остаток языческой культуры в архаической своей форме).

Наложение христианской культурной формулы на языческую славянскую происходило несколько веков и завершилось «победой» семантически грецизированного варианта.

«Суций младенец»

В известном рассказе об избииении младенцев царем Иродом находим небольшие разночтения по спискам.

— Остромирово Ев. 1057 г.: изби вься отроky, суцяя въ ВифлемеѢ,

— Острожская библия 1582 г.: изби вся дѣти, суцяя въ ВифлемеѢ,

— современный церковнославянский: вся дѣти, суцяя въ ВифлеемѢ.

Ср. с греческим текстом Матф. 2.4: πάντας τοὺς παῖδας τοὺς ἐν Βηθλεὲμ — здесь нет причастия, тогда как в славянском переводе оно дано в согласованной с именем форме винительного падежа множественного числа (в Остромировом ев. это «юсы», которые передают старославянскую огласовку падежной флексии).

Форма *суций* в сочетании *суций младенец* вторична. В текстах Киево-Печерского патерика, где это причастие встречается часто, его формы вполне закономерны: являеть суцюю любовь к тобѢ, суцюю мльву, суцюю церковь; братия же, суции въ келиах; челоѡкъ, аще не отречется всего суцаго, не можеть быти мой ученикъ; суции же съ святыми от страха падоша яко мертвии; прииде въ единѣ монастырь от суцих тамо монастыревѣ и т. д., как, впрочем, и в других источниках XI–XIII вв., ср. в «Повести временных лет» (и нанесе нам суцюю рать и скорбѣ), а также в повестях, связанных с монгольским нашествием (и гнавѣ, всѣд на кони, и суции с нимѣ конници; и се нам суцюю радость и скорбѣ) и т. д. Примеры излишни — их много.

Исконная форма именительного падежа единственного числа в мужском роде данного причастия разнится в старославянской (> церковнославянском) и древнерусском. Первая — *сы* (полная форма *сый*), вторая — *са* (полная форма *саи* или *сяи*). Традиционное выражение «Азь есмь сая» в Изборнике 1073 г. утверждает существование (наличие, присутствие), не сущность (не οὐσία). В древнерусских рукописях найдем самые разные искажения забываемой формы, приводящей иногда к неожиданным видам; например, в новгородском Каноннике 1411 г. (РНБ, Софийск. 399, л. 6 об): хлѣбъ наш насыций. Форму *суций* в значении ‘подлинный, настоящий’ словари отмечают только с 1505 г., и вряд ли она была возможна раньше этого времени.

Но евангелие от Матфея (21.16) повторяет псалтырный текст

(8.3): из усть младенцевъ ты устроишь хвалу; в древнерусском варианте: изъ усть младенецъ и с'сущихъ съвершилъ еси хвалу (в переводном тексте «Пчелы» XII в. иначе: из усть младенцевъ и грудныхъ детей устроил хвалу). В том же веке Кирилл Туровский кантаминирует формулу в следующий вид: из усть младенецъ съсущихъ.

В сочетании *съсущий младенець* с течением времени произошли обычные для устной речи фонетические изменения, в результате которых возникли две формы: *ссуций* и *сосуций* — соответственно разговорная русская с утратой слабого редуцированного и церковно-книжная (ср. то же в случаях типа *вздох* и *воздух* при исходных формах *въздохъ* и *въздухъ*). Раздвоение форм приводило к обычному для стилистических вариантов упрощению в виде *ссуций* и далее — *сущий*. Фонетические упрощения внешней формы в заданной системе стилистических координат создало диаметрально противоположные по семантике лексемы. В первом случае происходило отталкивание от значения 'втягивать в рот (молоко)', т. е. сосать, или, наоборот, с фиксацией значения 'испускать (мочу)', т. е. ссать. Но в древнерусских текстах это всегда 'сосать', ср. в ответах архиепископа Иоанна: не мощи ни ссати матери... дѣтицю; в переводной «Александрии»: дѣтицю еще учиться и ссати, в других текстах: боленъ младенець и не ссетъ сосца матерня и т. д., но обязательно в значении 'истекать', ср. в новгородском Октоихе XIV в. (РНБ, Софийск. 124, л. 133 об): еже от камени медь ссавше.

Во втором случае, с формой *сущий*, наметилось соотношение значений литературно-книжного типа (это кальки с греческого) *сущьный* 'существующий', *сущевьный* 'истинный', *сущьствьный* 'подлинно существующий' и т. п., в результате чего форма *сущий* стала гиперонимом родового смысла в данном ряду обозначений: *сущий* и существующий, и существенный, и подлинный. Парное раздвоение форм создало набор речевых формул *сущий младенец*, *сосуций младенец* и (увы) *ссуций младенец*, семантические различия между которыми определены исходными стилистическими их маркировками. Стилистические характеристики сохранились до сих пор, но теперь представлены в качестве развернутой эпитетом идиомы — соответственно высокого, среднего и низкого стилей.

А сам эпитет *съсущихъ* есть выделение в тексте типичного признака данного символа, основанного на указании сущих в Вифлееме младенцев, т. е. присутствовавших там на свою беду. *Сущий* — до-

подлинно младенец: между прочим, и потому, что он *сосущий* и тем самым без зазрения совести непотребно *ссущий*.

Между прочим, уже в Повести о нашествии сказано «а люди убиша от старца и до сущаго младенца», тогда как и в XVII в. продолжали говорить о «малых младенцах» (Еруслан) и вплоть «ссущихъ младенецъ» (Повесть о Дракуле). Очень тонкое разграничение находим в посланиях великого печальника и гуманиста Андрея Курбского. У него поминаются «и младенцы, у сосцовъ сущие», и скорбь о том, что его адресат «и сосущихъ младенцовъ не пощадить!»

«Чистая съвьсть»

Греческое слово мужского рода *συνειδός* ‘совместное знание > со-знание > со-весь’, будучи калькированным на другие языки, и прежде всего — на славянский (в тексте посланий апостола Павла), получило форму женского рода: *съ-вьсть*. В этом нет никакой случайности. Древнеславянские переводы с греческого рачительно относились к символическим коннотациям, представленным в сакральных текстах, точное соблюдение родовой принадлежности имени составляло неукоснительную заботу переводчиков. Когда Иоанну Экзарху в X в. потребовалось передать греческое слово мужского же рода *ποταμός*, он не мог воспользоваться славянским его эквивалентом *ръка* и вынужден был придумать удачное слово *потокъ*.

Но у славян-язычников уже было слово *съвьсть*; оно до сих пор сохраняется в народных говорах, в том числе русских, и значит ‘сестра жены’, обычно младшая, свояченица, своя в семье. То же своего рода «совесь семьи». Появление омонимов в те времена нельзя признать обычным явлением — это особая редкость, и уж коли она случилась, ее наличие чем-то оправдано.

В больших «анфиладных» древнерусских текстах, в которых сошлись различные переводные и оригинальные тексты, слово *съвьсть* могло употребляться в самых разных значениях. Исторические словари выделяют по крайней мере шесть таких значений. В «Летописце Еллинском и Римском» слово *съвьсть* чаще всего соответствует греческим именам *ἔννοια* и *διάνοια* (они значат ‘разумение, понимание’ или ‘смысл’), и только в единственном сочетании *чистая съвьсть* теплится новозаветный смысл слова. Понятие о «совести» еще аналитично: его объем представлен в имени существительном, его содержание — в имени прилагательном: *чистая* —

свѣсть. Там и в «Летописце»: «в нихже чистою свѣстию богоданное житие живемъ» (с. 155); свою чистую (вар. честную!) свѣсть не хотя осквернити» (с. 59).

Очень интересная подробность, которая многократно проверяется и на других текстах. Совесть — только чистая, т. е. целомудренно девичья. *Чистый* по смыслу словесного корня противопоставлен другому слову (антоним на основе разведенной чередованием гласных исходной общности корня) — *частый*. По свидетельству этимологических словарей, в смысловом отношении эти корни разошлись столь давно, что не сохранилось их глагольных парадигм (по происхождению *чистѣ* и *частѣ* — причастия). Древняя поэтическая формула *чисто поле* также сохраняет смысл, совпадающий со значением определения в формуле *чистая совесть*: открытое, ясное, светлое и ничем не запятнанное, того же смысла и корня (в других ступенях звуковых чередований), что и *цѣломудренѣ*.

Открытость сердца и нравственная чистота — таков символический образ, веками сопровождавший формулу *чистая свѣсть* в русской культуре. Почему до XVII в. все прочие сочетания этого имени существительного сохраняли значение «совместного знания» — это решать историкам культуры. Но явный переход термина из интеллектуальной сферы в нравственную каким-то образом связан с особым отношением русского человека к женщине. И не только в плане почитания. Ведь и совесть, подобно «злой жене», тоже «грызет» и «сосет», как только дело заходит слишком далеко.

**ОТРАЖЕНИЕ ОДНОЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ
МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ОСОБЕННОСТИ
В НОВГОРОДСКОМ РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ
XV ВЕКА (РНБ СОФ. СОБР. № 1285)**

Сборник смешанного состава из библиотеки Новгородского Софийского собора, хранящийся ныне в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (шифр: РНБ Софийское собрание № 1285), представляет собой существенно переработанную редакцию Изборника 1073 г.¹ Рукопись написана полууставом одного почерка. Относительно ее датировки имеются разные мнения. Н. Н. Розов относит эту рукопись к концу XV в.², в машинописной описи фонда РНБ «Библиотека Новгородского Софийского собора» она датирована второй половиной XV в.³, а Е. М. Шварц на основании анализа водяных знаков рукописи датирует ее первой четвертью XV в.⁴ В любом случае датировка рукописи XV в. не вызывает сомнения. Среди других статей сборник содержит список поучения «Слово святого Григория изобретено в толщех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят» (далее — «Слово святого Григория (об идолах)»), направленного против сохранявшихся у славян после принятия ими

¹См.: *Розов Н. Н.* Старейший болгарский «Изборник» и его рукописная традиция // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 28. Вып. 1. М., 1969. С. 77–78.

²Там же. С. 77.

³ГПБ ОР Библиотека Новгородского Софийского собора (Ф. № 728). Опись. Ч. 4. Л., 1984 (машинопись). С. 792–799.

⁴*Шварц Е. М.* Новгородские рукописи XV в.: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрин. М.; Л., 1989. С. 91–92.

© А. С. Щекин, 2008

христианства пережитков языческих верований (занимает в сборнике л. 88об.–90)⁵. В этом списке обнаруживается одна особенность правописания, отражающаяся на морфонологическом уровне, которой и будет посвящена настоящая статья.

Речь идет об отражении на письме мягкости или твердости конечного звука [м] во флексиях творительного падежа единственного числа (Т. п. ед. ч.) и дательного падежа множественного числа (Д. п. мн. ч.) имен существительных, а также прилагательных и причастий, склоняющихся по именному типу словоизменения (твердая и мягкая разновидности типа склонения на -*ǫ). В морфонологической системе древнерусского литературного языка у имен, изменяющихся по типу склонения на -*ǫ, в Т. п. ед. ч. этимологически первичными были флексии со смягченным конечным согласным [м]: -ьмь / -омь (в твердой разновидности склонения) и -ьмь / -емь (в мягкой разновидности). В Д. п. мн. ч. первичными были флексии с твердым конечным [м]: -ьмь / -омь (в твердой разновидности склонения) и -емь (в мягкой разновидности).

В списке «Слова святого Григория (об идолах)» из рукописи РНБ Соф. собр. № 1285 имена, изменяющихся по твердой разновидности типа склонения на -*ǫ, имеют флексию -омь с твердым конечным [м] и в Т. п. ед. ч.: **бѣмь** (л. 89 об., 1 стб.: 4), **проходомь** (л. 89 об., 1 стб.: 17), **бѣмь** (л. 89 об., 1 стб.: 19), и в Д. п. мн. ч.: **идоло(м)** (л. 88 об., 2 стб.: 4)⁶; **идоломь** (л. 88 об., 2 стб.: 16–17); **бѣмь** (л. 89, 1 стб.: 11); **класомь** (л. 89 об., 2 стб.: 31). У имен мягкой разновидности, наоборот, только флексия -емь со смягченным [м] употребляется и в Т. п. ед. ч.: **оученьемь** (л. 88 об., 2 стб.: 10–11), **потвореньемь** (л. 88 об., 2 стб.: 12), и в Д. п. мн. ч.: **оупиремь** (л. 89, 1 стб.: 16); **оупиремь** (л. 89 об., 2 стб.: 1–2)⁷.

Следует отметить, что в других списках «Слова святого Гри-

⁵Об этом тексте см.: Буланина Т. В. «Слово святого Григория изобретено в толцех» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 437–438.

⁶В данном случае выносная буква не позволяет установить качество конечного согласного.

⁷Перечислены все примеры употребления рассматриваемых флексий в списке «Слова святого Григория (об идолах)» из рукописи РНБ Соф. собр. № 1285. Здесь и далее примеры приводятся с сохранением орфографии источника, но без воспроизведения диакритических знаков. Выносные буквы помещаются в строке в круглых скобках. После каждого примера указывается номер листа, столбца и строки, на которых он находится в рукописи. В тех случаях, когда приводятся примеры из других рукописей, указываются их шифры.

гория (об идолах)» эта закономерность не соблюдается⁸. В списках поучения, находящихся в рукописях РНБ Кир.-Белоз. собр. № 4/1081, РНБ Кир.-Белоз. собр. № 43/1120 и ГИМ Чуд. собр. № 270 отразилось отверждение конечного [м] вне зависимости от характера предшествующего гласного. Н. М. Каринский в своем описании языка сборника ГИМ Чуд. собр. № 270 замечает, что в нем «случаев *ѡ* после губных много»⁹. Несколько сложнее ситуация в списке, находящемся в рукописи РНБ НСРК № F.312, в котором после гласного непереднего ряда [о] всегда употребляется твердое [м] (флексия -омъ), а после гласного переднего ряда [е] наблюдаются колебания в употреблении флексий -емъ или -емь. Кажется наиболее вероятным, что для писца данного списка также было свойственно произношение твердого конечного [м], но под влиянием орфографической традиции, которой он был привержен в большей степени, чем переписчики других списков, он стремился употреблять этимологически правильные формы, как в форме Т. п. ед. ч. ножемь (РНБ НСРК № F.312 л. 148, 1 стб.: 14), но иногда это приводило к появлению ошибочных гиперкорректных форм: оупиремь в Д. п. мн. ч. (РНБ НСРК № F.312 л. 146, 2 стб.: 30).

Кроме того, отмеченная закономерность наблюдается в списке «Слова святого Григория (об идолах)» из рукописи РНБ Соф. собр. № 1285 и в отношении других типов склонения. Так, существительное навь, относящееся к типу склонения имен мужского рода с этимологическими основами на *-ї, имеет форму Д. п. мн. ч. навьмь (л. 89, 1 стб.: 20) с флексией -вьмь на месте этимологически первичной флексии -вь, что также можно объяснить зависимостью мягкости или твердости конечного [м] от ряда предшествующего гласного, в данном случае обозначенного буквой ь. Менее показателен пример формы Д. п. мн. ч. существительного христианинъ: хр(с)тъяномъ (л. 89 об., 2 стб.: 15), у которого написание с конечным твердым [м] во флексии этимологически закономерно.

Таким образом, из всех списков «Слова святого Григория (об идолах)» только список, находящийся в рукописи РНБ Соф. собр. № 1285, отражает языковое состояние, при котором мягкость или

⁸Помимо списка РНБ Соф. собр. № 1285 в настоящее время известны еще 4 списка памятника: Паисиевский сборник РНБ Кир.-Белоз. собр. № 4/1081, нач. XV в. Л. 40–43; сборник РНБ Кир.-Белоз. собр. № 43/1120, XVI в. Л. 132об.–134; сборник ГИМ Чуд. собр. № 270, 2-й пол. XV в. Л. 221–224об.; сборник Златая Матица РНБ НСРК № F.312, 2-й пол. XV в. Л. 145–148об.

⁹*Каринский Н.* Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909. С. 98.

твердость конечного согласного [м] обусловлена не морфологической формой слова, а передним или непередним рядом предшествующего гласного и, соответственно, принадлежностью к твердой или мягкой разновидности типа склонения на -*ѡ.

Это явление неоднократно рассматривалось в исследованиях древнерусского языка и его отдельных памятников. Согласно наблюдениям В. М. Маркова, полученным на основании исследования главным образом новгородских памятников, в древнерусских рукописях старшего периода мягкость конечного [м] в Т. п. ед. ч. и Д. п. мн. ч. имен мужского и среднего рода зависела от качества предшествующего гласного, причем после гласного [е] (графически ϵ) конечный [м'] сохранял мягкость еще в XIV в.¹⁰ Как отмечает В. В. Колесов, процесс смешения флексий Т. п. ед. ч. и Д. п. мн. ч., обусловленный характером основы имени существительного, когда после твердой основы (с [ъ/о]) -мь и -мь совпадают в -мь, после мягкой (с [ь/е]) — в -мь, нашел отражение в ряде древнейших русских рукописей XI в., многие из которых имеют новгородское происхождение (Остромирово Евангелие, Пуятитина Минея, Минея 1096 г.) и сохранялся в новгородских грамотах до XIV в.; в более поздних рукописях XII–XIV вв. это явление, по мнению В. В. Колесова, уже не имеет фонетических оснований¹¹. А. А. Зализняк на основании материалов новгородских берестяных грамот пришел к выводу, что процесс отвердения конечного [м'] в древненовгородских говорах начался не позднее конца XI в., причем твердый [м] встречается и после гласного переднего ряда во флексии Т. п. ед. ч. местоименного типа склонения, например, *своимъ* (1080–1100 гг.), *цимо* (сер. 10–20-е гг. XII в.) и др.¹² В то же время формы Т. п. ед. ч. с флексией *-ьмь* (*-емь*, *-еме*) в достаточном количестве представлены среди примеров XI–XIII вв. А. А. Зализняк отмечает сосуществование написаний с мягким и твердым конечным м на протяжении XIII в. и указывает, что в XIV–XV вв. уже преобладают написания, отражающие твердый конечный согласный [м]¹³.

Таким образом, имеются основания предположить, что список «Слова святого Григория (об идолах)», находящийся в рукописи РНБ Соф. собр. № 1285, в данном случае сохраняет весьма древнее

¹⁰ Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. С. 242–261.

¹¹ Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980. С. 100–101.

¹² Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 62.

¹³ Там же. С. 62–63.

морфонологическое явление. Но следует отметить, что это явление, последовательно отражающееся в списке «Слова святого Григория (об идолах)», в других статьях сборника не имеет характера закона. Если привлечь для сравнения находящийся в той же рукописи список «Слова некоего христоробца и ревнителя по правой вере»¹⁴ — поучения, имеющего ряд общих мест со «Словом святого Григория (об идолах)», то обнаруживается следующее. В Т. п. ед. ч. у существительных твердой разновидности типа склонения на -**ō* количественно преобладают формы с твердым конечным [М] (8 употреблений: **дѣломъ** (л. 84 об., 1 стб.: 30), **числомъ** (л. 84 об., 2 стб.: 2), **бѣгомъ** (л. 84 об., 2 стб.: 20–21), **попомъ** (л. 85, 2 стб.: 24–25), **пре(д) бѣгомъ** (л. 85 об., 1 стб.: 22), **гласомъ** (л. 85 об., 1 стб.: 22), **подъ вѣномъ** (л. 86, 1 стб.: 6), **миромъ** (л. 86 об., 1 стб.: 8)) при наличии 2 употреблений этимологически правильной флексии с мягким конечным [М]: **числомъ** (л. 84 об., 2 стб.: 12), **съ вѣсомъ** (л. 85 об., 2 стб.: 19). При этом существительные мягкой разновидности типа склонения на -**o* имеют в Т. п. ед. ч. только флексию с мягким конечным [М]: **сварожичьмъ** (л. 84 об., 2 стб.: 19–20), **евангильемъ** (л. 85 об., 1 стб.: 10), **оученьемъ** (л. 85 об., 1 стб.: 24), при наличии одной словоформы с выносной буквой м: **съ везаконье(м)** (л. 86 об., 1 стб.: 11). Единственным исключением является форма существительного **соуднице** с флексией твердой разновидности типа склонения на -**o* **-омъ: соудницомъ** (л. 86 об., 2 стб.: 19), но несмотря на незакономерный характер флексии зависимость твердости конечного [М] от переднего ряда предшествующего гласного здесь соблюдается. Флексию **-емъ** имеет в Т. п. ед. ч. также существительное типа склонения на согласный **нма: именемъ** (л. 87, 1 стб.: 28).

В Д. п. мн. ч. имен твердой разновидности типа склонения на -**o* наблюдается абсолютное количественное преобладание этимологически закономерной флексии **-омъ** (17 употреблений: **римланомъ** (л. 85, 1 стб.: 20), **попомъ** (л. 85, 2 стб.: 18–19), **попомъ** (л. 85, 2 стб.: 21–22), **римланомъ** (л. 85 об., 1 стб.: 7), **попомъ** (л. 85 об., 1 стб.: 13), **идоломъ** (л. 85 об., 2 стб.: 22), **коренѣемъ** (л. 85 об., 2 стб.: 24–25), **къ блочдникомъ** (л. 85 об., 2 стб.: 28), **къ коръчьмитомъ** (л. 85 об., 2 стб.: 31–32), **коумиромъ** (л. 86, 1 стб.: 21), **хръстьяномъ** (л. 86, 1 стб.: 29), **бѣщмъ** (л. 86, 2 стб.: 10), **вѣсомъ** (л. 86, 2 стб.: 27), **вѣсомъ** (л. 86 об., 1 стб.: 28), **вѣщникомъ** (л. 86 об., 1 стб.: 29), **вѣсомъ** (л. 86 об., 1

¹⁴Об этом тексте см.: Булангина Т. В. «Слово некоего христоробца и ревнителя по правой вере» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. С. 428–429.

стб.: 30), *коуириомль* (л. 86 об., 2 стб.: 5)), но имеется и один случай употребления несогласной флексии *-омь*: *протвиоу дѣломь* (л. 86 об., 2 стб.: 21–22). Существительные мягкой разновидности типа склонения на *-*ѡ* в форме Д. п. мн. ч. встречаются в списке «Слова некоего христоролюбца и ревнителя по правой вере» из рукописи РНБ Соф. собр. № 1285 только четыре раза и находятся в пределах одной синтагмы; при этом две формы имеют флексию *-ѣмь*, а две — флексию *-ѣмь*: *писахъ вамъ въ посланѣмь писани. не прѣмѣша тиса вамъ къ блодникомъ. и к лихѣемьцемъ. рекше къ резоньцемъ. и къ гравителемъ. и къ коръчмытомъ. и къ идолослоужителемъ* (л. 85 об., 2 стб.: 25–32; л. 86, 1 стб.: 1). Эти случаи смешения флексий Т. п. ед. ч. и Д. п. мн. ч., как представляется, служат свидетельством того, что в языковой системе писца рукописи РНБ Соф. собр. № 1285 зависимость мягкости или твердости конечного согласного [м] во флексиях Т. п. ед. ч. и Д. п. мн. ч. от переднего или непереднего ряда предшествующего гласного уже не имела характера фонетического закона, а соблюдалась в силу орфографической традиции.

Что же касается списка «Слова святого Григория (об идолах)», то причиной строгого соблюдения в нем отмеченной закономерности, возможно, могло бы быть точное следование протографу, который мог принадлежать более древней эпохе. Так, Н. И. Зубов на основании анализа особенностей употребления редуцированных в этом списке предположил для протографа списка «Слова святого Григория (об идолах)», находящегося в рукописи РНБ Соф. собр. № 1285, датировку периодом «не позднее конца XII — начала XIII века или раньше»¹⁵. Обнаруженное в этом списке явление зависимости мягкости или твердости конечного согласного [м] во флексиях Т. п. ед. ч. и Д. п. мн. ч. от переднего или непереднего ряда предшествующего гласного не противоречит этому предположению.

¹⁵ Зубов М. І. Лінгвотекстологія середньовічних слов'янських повчань проти язичництва. Одеса, 2004. С. 104–111.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ (С–Я)

Все основные принципы опубликованы ранее¹. Сделаем некоторые последние комментарии. Для регионального этимологического словаря (РЭС) по-прежнему наиболее сложным остается вопрос о критериях отбора слов (ареал, хронология, отношение к производным). Конечно, как и в любом этимологическом словаре, даже в рамках заданных принципов отбор слов не может быть строго последовательным.

Заранее заданная опора на ареал также не всегда надежна. Так, сейчас уже очевидно, что точно такой же тип, как и ЛТГ, представляют новгородские говоры вокруг озера Ильмень, по реке Вишере, около Любытино, на севере Псковской области, что, кстати, совершенно верно и с исторической точки зрения.

Этимология диалектного слова — это этимология его словообразовательной формы и его значения. При этом главное внимание следует уделять значению слов, привлекаемых для анализа. Конечно, наиболее полная этимология слова, его семантическая история может быть раскрыта в монографии, статье. «Семантика — вот та область, которая дает возможность достичь предельной точности исследования»², — писал Б. А. Ларин. И это не раз удивляло мно-

¹История русского языка и севернорусские говоры / Под ред. О. А. Черепановой. Сыктывкар, 1994; Лексический атлас русских народных говоров / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1994; Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1996; Вып. 7. СПб., 1999; Вып. 8. СПб., 2004.

²Цит. по: Вопросы теории и истории языка: Сборник в честь профессора Б. А. Ларина. Л., 1963. С. 10.

© А. С. Герд, 2008

гих: казалось бы, как можно какие-то критерии точности применять к такой трудно формализуемой области, как семантика. Однако не будем забывать, что Б. А. Ларин имел в виду семантику историческую, историю развития значений слова и групп слов, и в этом отношении мысли Б. А. Ларина во многом применимы именно к этимологии.

Однако представление истории развития значений слова в монографии и в словаре — вещи разные. Словарь — особый тип текста, который сам собой задает уже определенный формат изложения, в котором порой не так легко в едином виде представить этимологию и формы, и значения. Большую проблему представляет и то, как, в какой степени учитывать, использовать и подавать в РЭС определения значений из разных словарей — полностью, сокращая или видоизменяя.

К сожалению, во многих этимологических словарях значения слов, форм из разных источников нередко обобщены и укрупнены. Во многих областных словарях реальное значение и употребление глаголов, прилагательных могут быть прояснены только через примеры. При усилении внимания к этимологии значения из областных словарей в ряде случаев необходимо приводить цитаты, а не только сами определения. В аспекте истории значения на фоне новых современных русских диалектных словарей, а также по сравнению с Опытом и Дополнением Словарь Даля дает уже меньше. Опыт и Дополнение к нему и до наших дней представляют нам детальные значения, тонкие рафинированные определения, толкования.

Этимология диалектного слова — это определение его места среди однокоренных и семантически близких слов.

В целом в аспекте представления разных тонких семантических переходов, нюансов полный этимологический словарь севернорусского наречия еще ждет своих новых исследователей.

Публикуемые материалы достаточно полно дают географию слова, значения к северу от Пскова, Тихвина, Новгорода. Однако детальная история диалектных слов и значений собственно севернорусских говоров должна составить предмет новых исследований. Самое трудное сегодня — восстановить географическую непрерывность ареала отдельных семантических звеньев каждого слова, определить где, в каком ареале наступает разрыв или трансформация семантического развития. Многие общерусские по форме слова заключают в себе дифференциальные значения, которые уводят нас далеко за пределы восточнославянских языков.

Скептики спросят: «А нужны ли такие этимологические изыскания?». Нужны. Во-первых, для истории данных конкретных диалектов, а во-вторых, они — ступень к любому следующему РЭС. В-третьих, они вместе с рядом других словарей приоткрывают пути к этимологическим словарям нового типа, в которых основным объектом будет значение слова, в том числе и значение вторичных производных слов.

В целом в севернорусских говорах слов, праславянских по происхождению, оказалось много больше, чем можно было предполагать. В опубликованных материалах, по возможности, полно представлены, с одной стороны, слова, уходящие своими корнями в праславянский, а с другой — местные, локальные образования. При этом к праславянскому языку восходят и многие «мелкие» экспрессивные слова. Нередко именно непредметная лексика и «мелкие» производные дают уникальные типы межславянских семантических связей (см. *наопако, нараз, наред*).

Каждый славянский диалектный словарь включает в себе прежде всего свое, особенное, локальное но за этими сугубо местными словами и формами нередко скрываются маргинальные реликты глубокой древности. Так, как раз периферии севернорусских говоров (Заонежье, Обонежье, Мезень, Печора) могут дать немало маргинальных праславянских параллелей, неизвестных в среднерусских говорах или белорусском языке. Уже опубликованные материалы содержат немало уникальных материалов по связям севернорусских и южнославянских диалектов. Анализ слов типа *север* и *смет*, *сметье* показывает, сколь важен учет материалов всех южнославянских диалектов. Многие материалы дают немало уникальных севернорусско-словенско-хорватских связей. Исключительную близость до мельчайших совпадений к ЛТГ обнаруживают говоры вологодские, ярославские, псковские, тверские, смоленские.

История слов — путь к истории диалекта, в свою очередь, вне истории диалекта нельзя восстановить историю слов. Нередко история диалектного слова предопределена ареалом суффикса; таковы слова с суффиксами *-няг*, *-уха*, *-ухн-а*, *-ень*, *-онь*, *-айдать*. Опубликованные «Материалы» в целом не только подтвердили выводы книги «Очерки исторической географии. Северо-запад. Славяне и финны», но и позволили увидеть новгородские говоры в новом свете.

В последние десятилетия появились новые словари, дающие обширный диалектный материал (ЭССЯ, ЭСБМ, Skok, БЕР, ŠŠ, Ве-

złaj и др.). При ссылке на русские диалектные словари появившиеся в последние годы (Пискунова, Громов, Губарев, Дилакторский и др.) в скобках указывается автор, источник.

Ниже исключены из анализа глаголы типа *спомнить, сопоранить*, образованные по продуктивным моделям от общерусских корней. Не привлекалось большинство слов с продуктивным в русских северо-западных диалектах суффиксом *-ень*; слова явно субстратные. Географические пометы при словарях приводятся в порядке их следования в источнике. Указание «в ЛТГ из бел» следует понимать как слово, проникшее в ЛТГ из ареала белорусских диалектов.

Разумеется, в будущем полном этимологическом словаре севернорусских говоров необходимо дальнейшее расширение круга диалектных словарей. Полный РЭС севернорусских говоров должен дать также этимологию не только всех субстратных слов, но и сводку всех мнений, заключенных в самых разных источниках.

САД. *Огородный плод, овощ.* Тихв.; СРГК: *то же* Шексн.; волог. **сады** *огородные растения и овощи, которые сажают в огороде* (Дилакторский); яросл. **сад** *овощи, посаженные в огороде*. СРНГ: **сад** *то же* Влад., Енис., Яросл., Волог.; *огородный посадочный материал* Пск., Осташк., Тверь, Яросл.; бел. вост.-белор. **сад** *о плодах* (Б.); н.-луж. **sad** *плоды, фрукты* (Мука); серб.-хорв. **sad** *плод* (RHSJ); словен. **sad** *плод* (SSKJ). От праслав. ***sadъ** (ŠŠ, БЕР) ***saditi** (Bezłaj). В знач. *плод* маргинальный праслав. архаизм (зап.-южн.-слав., вост.-бел-рус., сев.-зап.)³.

САДИВО. *Помост в овине для просушки снопов.* Кириш., Тихв. СРНГ: **садиво** *количество снопов хлеба, высушенных перед молотью* Тихв., Новг.; чеш. **sadivo** *растения, предназначенные для посадки* (PSJČ); словацк. **sadivo** *рассада* (SSJ). болг. **садиво** *то же* (Геров). Русск. **садиво** скорее узко-местн. новг. образование.

САДУШКА. *Овощ, корнеплод, семена, оставленные на посадку.* Бокс., Кириш., Подп. Нос.: **садушка** *то же* Чуд., Бор., Вол., Молв., Оп., Под., Пол., Сол.; яросл. **садушки** *комнатные цветы*. СРНГ: **садушка** Вят., Собств. новг.

САЛАМАТА. *Каша из овса, крупы; пирог.* Лод., Тихв., Чуд.; СРГК: Баб., Вашк., Волог., Выт., Карг., Кирил., Конош., Чер.; пе-

³В ряде случаев в скобках указан тип лексических связей.

чор. **салама́та** *густая мучная каша на рыбьем жире или растительном масле*; яросл. *отвар из солода*; твер. **салама́ха** *то же*; орл. **салама́т** и **салама́ть** *вид кушанья в виде жидкой каши*; зап.-брян. **салама́ха** *то же* тамб. **салама́та** *то же* (Пискунова 2002; Губарева); волгогр. **салама́т** *то же*. Из тюркск. или монг. все другие материалы и тщательные этимологии см. Лутовинова. Сложнее вопрос о возможной (или невозможной) связи с широко распространенным южн.-слав. **salamura** *рассол*, ср. и дон.-некрас. **саламур** (Сердюкова); (привнесено?) южн.-слав. из итал. **salamura** (БЕР).

СА́ЛЬНИК. *Запеченный белый хлеб с маслом*. Тихв.; *кушанье из крупы, муки, картофеля с салом*. Лод.; СРГК: Баб., Белоз., вашк., Волог., Чер., Шексн.; новг., волог., моск., яросл., твер., смол. — во всех говорах *вид кушанья; пирог*. СРНГ: **са́льник** *ряд разных видов кушаний с жиром*. Волог., Костром., Пск., Твер., Осташк., Ярослав., Тул., Влад., Моск., Арх., Кирилл.; укр. **са́льник** *род кушанья в виде каши* (Гринч., СУМ); в бел. значение «кушанье» по-видимому отсутствует. Русско-укр. изоглосса Вост.-слав. (?)

САМОКРУ́ТКА. *Ряженый* Лод. СРГК: Луж. НОС: Бор., Люб., Ок., Хв.; волог. **самокру́тка** *девушка, вышедшая замуж без согласия родителей*; смол. **самокру́тка** *та, которая родила внебрачного ребенка*; орл. **самокру́тка** *свадьба тайком от родителей*. СРНГ: **самокру́тка** *девушка, женщина с прической разных видов*. Арх.; белор. **самокру́тка** *самопрялка* (Б); укр. **самокру́тка** *только о папиресе* (СУМ). Скорее широкий ряд параллельных семантических образований.

САМОПРЯ́ХА. *Ножная прялка*. ЛТГ: повсем.; СРГК: повсем. исключая Прионежье, медв. НОС: Др., Люб., Мал., Молв., Ок., Под., Сол., Уторг., Чуд., Шим.; волог., яросл., костром. р. Унжа моск., смол., орл. дон *то же*. СРНГ: **самопря́ха** *то же* Вят., Киров., Волог., Арх., Ленингр., Новг., Пск., Калинин., Ярослав.; бел. **самапря́ха** *то же* сев.-зап. (ССЗБГ), вост.-бел. (Б) **самапра́дка** Образование говоров ВР.

САМОСА́ДКА. *Курица, самостоятельно севшая на яйца*. Кириш., Лод., Тихв., Чуд.; СРГК: Выт., Новг., Кирил., Пест. Плес.; новг., волог., смол., моск., орл. дон *то же*; твер., ряз. **самоса́дка** *то же*. СРНГ: **самоса́дка** *то же* Амур., Арх., Волог., Смол., Дон.; бел. **самасадкі** *то же* (ССЗБГ). Образование говоров ВР.

САМОХО́ДКОЙ. *Без родительского благословения*. Лод., Тихв., Подп.; СРГК: Баб., Белоз., Вашк., Выт., Кад. Кирил., Онеж.,

Пест., Чер., Шексн. НОС: **самохóдка** о девушке вышедшей замуж против воли родителей Пест. Хв.; волог., яросл. *то же*. СРНГ: **самохóдкой** *то же* Волог., Арх., Ленингр., Новг. Яросл. Собств. новг.

СБИ́ТЕНЬ. Молочное блюдо на топленом масле. Кинг.; яросл. **сбитень** *студень*; сливочное масло; смол. **сбитень** кусок масла; вид кушанья; тамб. **сбитень** *теплое питье похожее на чай из меда* (Губарева); моск., орл., дон **сбитень** *т. о человеке*. СРНГ: **сбитень** *творог* Перм.; *сливочное масло*. Яросл.; бел. **збіцень** *вид кушанья* (БРС) Ф.: **сбитень** *напиток из воды, меда, и пряностей*. От сбить. Русско-бел. изоглосса.

СВÓНДИТЬ. *Украсть* Тихв.; НОС: Мал.; волог., яросл. **сбóндить** *то же*. СРНГ: **сбóндить** *то же* Казан., Нижегород., Влад., Костром., Яросл., Твер., Волог., Сев.-Двин., Вят., Пенз., Краснодар., Урал.; пол. **zbonować** *растратить*; *плохо вести хозяйство* (ККН); ККН: из латин. *Вопус* Жаргонное межъязыковое (?), энантиосемия от «хороший, добрый» ср. пол. **bonować** *жить хорошо, как надо*. Показательно отсутствие в др. слав. языках.

СВАДЕБЛЯ́НИН. Участник свадебного обряда. Лод., Тихв.; СРГК: Белоз., Выг., Кад., Кирил., Карг.; волог. *то же*; твер. **свадебья́не** *то же*. СРНГ: **сводебля́не** Лодейнопол. Собств. новг.

СВА́ДЕБНИК. Участник свадебного обряда Бокс., Лод., Чуд. СРГК: Белоз., Выг., Кирил., Медв., Пест., Пуд.; волог., яросл., твер., смол., орл., дон. *то же*; пол. **swadziebnik** (Index); серб.-хорв. **svadebnik** *то же* (RHSJ); босн. **svādebnik** *то же* (Jahić) Скорее всего из праслав. (?).

СВЕТИ́ЛО. Подставка для лучины; подсвечник. Хв. (НОС); волог., яросл., смол. **свети́ло** *то же*, моск. **светёлка** *то же*; орл. **свети́ло** *оконное стекло*. СРНГ: **свети́ло** *то же* Новг.; чеш. **svítidlo** *приспособление для освещения* (PSJČ); серб.-хорв. **svetilo** (о месте в церкви); словен. **svetilo** *источник света* (SSKJ); макед. **светило** *светильник* Из праслав. ***světilo** Маргинальный сев.-рус.-южн.-слав. архаизм.

СВЕТЕ́Ц. Подсвечник. Бокс. СРГК: Онеж.; волог., твер., орл. **свете́ц** *то же*. СРНГ: **свете́ц** *то же* Ряз., Мещер., Ворон., Липецк., Дон., Кур., Орл., Тул., Калуж., Смол., Моск., Твер., Пск., Новг., Петерб., Олон., КАССР, Волог., Костром., Иван., Яросл., Влад., Нижегород., Горьк., Казан., Симб., Саратов., Астрах., Оренб.; бел. **святце́ць** *то же* сев.-зап. (ССЗБГ) Показательно, что во всех южнославянских диалектах и в чеш. **svetec**, **svetac** обозначает

только лицо духовного звания, святого. В данном значении собств. русск.

СВЕТЛЯЧОК. Керосиновая лампа. Новг. (НОС). СРНГ: *то же*. (источник — НОС); в бел. **светлячок** *т. о насекомом* (БРС, ССЗБГ).

СВИНІННИК. Пирог со свиной. Волх.; волог. *то же*. СРНГ: **свинітник** *то же* Ладож., Петерб., Ленингр., Тихв.; собств. новг.

СВИНУ́Х, СВИНУ́ХА. Гриб свинушка. Тихв.: НОС: Валд., Дем., Кр., Ст., Холм.; твер., орл. *то же*; тамб. **свинух** *гриб свинушка* (Пискунова 2002); смол. **свинух** *растение белоус, лобая жесткая трава*. СРНГ: **свинуха** *название некоторых грибов*. Тул., Калуж., Пск., Зубц., Твер.; бел. **свіну́ха** *вид травы* (ССЗ-БГ); укр. **свино́х** *растение Salvia* (Гринч); зап.-волын. **свино́ха** *вид растения*. Вост.-слав. от прасл. основы ***svińь**.

СВИНУ́ШКА. Гриб груздь. НОС: Кр., Молв., Новг., Мош., Шим.; яросл. **свино́шка** *то же*; дон. **свино́шка** *растение купырь лесной; подснежник*. СРНГ: **свино́шка** *гриб* Ряз., Яросл., Тул., Липец., Ворон., Калуж., Новг. Собств. русск., скорее южн.-рус.

СВИНУ́ШНИК. Растение багульник. Бокс., Кириш., Люб., Тихв., Чуд. НОС: повсем. СРНГ: **свино́шник** *то же* Тихв., Новг., Ленингр.; укр. **свино́шник** *растение Salvia*; зап.-волын. **свино́шник** *т. о свинарнике*. В знач. *багульник* — собств. новг.

СВИНЬЯ́. Деревянное приспособление используемое при постройке печи. Тихв. СРГК: Белом., Вашк., Выт.; волог., яросл. *то же*; орл. **свино́я** *верхняя часть русской печи*. В этом знач. — собств. новг.

СВИРІ́ТЬ. Просачиваться (о воде). Люб (НОС). СРНГ: *то же* Новг. (источник т. НОС) Прасл. глагол ***svirati**, ***sviriti** дал большое число семантических лучей: о звуках; об игре на музыкальных инструментах (широко в южнослав.) (Jahić, Жугић, Hraste, Јуришић, SSKJ, БЕР, SSJ, пирот -Живк. сен. -Мог. кос.-метах -Елез) другой тип значений в пол. (SGP), чеш. (PSJČ). Значение обозначающее движение ветра отмечено в серб.-хорв. (RHSJ), в макед. (PMJ); обозначение текущей из источника воды отмечено т. в болг. (Геров). В данном узком знач. скорее собств. новг., болг. — параллельное.

СВИСТУ́Н. Змея. Тихв.; НОС: Мал., Ок. СРНГ: **свисту́н** *змея* Новг. В данном значении узкоместн. новг.

СВІ́ТЕННИК. Корзина. Лод. Узкоместн.

СВІТКА. Вид одежды. НОС: Под. Чуд.; волог., моск., орл. *то же*. СРНГ: **світка** ряд видов одежды Брян., Калуж., Яросл., Волог.; бел. **світка** *то же* (Носович); **світка** *то же* сев.-зап. вост.-бел. гродн. (ССЗБГ, Б, Сц); пол. **świtka** *одежда из грубого сукна* (KKN) В ЛТГ проникло из бел. в эпоху Пол.-Лит. гос-ва.

СВОЯНЯ, СВОЯЧКА. Соперница в любви. НОС: повсем. СРНГ: **својна** *то же* Новг. Шольск., Волог. Собств. новг., проникшее в Белозерье.

СВЯРТЫШ. Жгутик из теста. Тихв. Узкоместн.

СДВОРОК. Место, где стоит дом со всеми прилегающими постройками. НОС: повсем. СРГК: *приусадебный участок* Бат., Пуд. СРНГ: **сдворок** Пск., Новг., Петерб. Собств. новг.

СДОВАРИТЬ, ЗДОВАРИТЬ. Суметь сделать что-н. Кириш., Чуд. НОС: *Смочь, заставить слушать; договориться.* Новг., Сол., Вол., Волх., Ст., Бор., Сол., Хв., Новг., Чуд.; *яросл. сдобиться принять решение*, СРНГ: **сдобарить** *одолевать тяжёлую работу* Петерб.; *потерять* Кем., Арх.; укр. **здобаритися** *слушаться*. Вост.-слав. (?)

СЕВА́ЛКА. Лукошко для ручного сева. Тихв. СРГК: Новг. НОС: повсем.; *яросл., твер., моск., смол. то же*. СРНГ: **сева́лка** *то же* Смол., Твер., Тамб., Пенз., Ворон., Курск., Орл., Тул., Калуж., Ряз., Моск., Калинин., Новг., Ленингр., Яросл., Горьк.; бел. **сіва́лка** *то же* (Б); минск., молодечн. (Бекіш) сев.-зап. (ССЗБГ); укр. **сіва́лка** *то же* (Гринч); пол. **siewalka** (KKN); н.-луж. **sewarka** *то же* (Мука); серб.-хорв. **sevalka, sjevalka** *то же* (RHSJ); словен. **seválo, sevalnik** *то же* (SSKJ). В форме **sevalka** из прасл. ***sěvalьka**.

СЕВА́ЛЬНЯ. Лукошко для сева. Бокс., Тихв. НОС: Оп., Люб., Тихв., Хв.; моск., смол. СРНГ: **сева́льня** *то же* Моск., Новг., Тихв., Ленингр.; пол. **siewalnia** *то же* (KKN). Скорее образование говоров ВР пол. — параллельное.

СÉВЕР и однокоренные слова. *Северный ветер*. Лод., Тихв. СРГК: почти повсем. НОС: **север, северá** Новг., Мош., Полав.; *печор., волог. о холодной погоде; дон сіввер сёвер* (БТСДК). СРНГ: **сёвер** *то же* Помор., Арх., Беломор., Мурман., Печор., КАССР., Волхов. Ильмень, Новг., Пск.; бел. **сівер** *холодный северный ветер* (БРС; Гродн (Сц), сев.-зап. (ССЗБГ)); укр. **сівер** *холодный ветер, холод* (Гринч); пол. **siewerz** *т. о части света* (KKN); чеш. **sever** *северный ветер* (PSJČ); словацк. **sever** *северный ветер* (SSJ); кос.-метох **сёвер** *северный ветер* (Елез.); макед. **север** *северный ветер*

(PMJ); болг. **север** *то же* (БЕР); хорв. варадж. **sever** *ветер* (Lip); хорв. бург. **sever** (Tornow) **siver** *северный ветер* (Hraste); словен. **sever** *холодный ветер* (SSKJ). Яркий пример семантического пра-славянизма. Индоевропейскую этимологию см. Ф., БЕР, Bezlaĵ.

Се́верник. *Северный ветер*. Выт., Медв. НОС: Новг.; чеш. **severník** *то же* (PSJČ); словен. **severnik** *северный ветер* (SSKJ); макед. **северник** *то же* (PMJ), из праслав. ***severьnikъ** *ветер*.

Се́верно и **си́верно**. *Холодно*. дон. (БТСДК).

Северня́к. *Северный ветер*. Чуд. НОС: Мал. Дем.; хорв. варадж. **severnjaĵ** *то же* (Lip); словен. **severnjak** *северный ветер* (SSKJ). Из праслав. ***severьnjakъ**.

Северя́к. *Холодный северный ветер*. Кириш., Подп. СРГК: Онеж., Плес., Пуд. Волог.; яросл. *то же*; чеш. **severák** *то же* (PSJČ) Ср. кос-метох **севѣрац** *то же* (Елез.).

Си́верко. *Северный ветер*. Лод., Чуд. СРГК: Онеж., Чер., Плес., Тер. НОС: Пест., Ок., Оп., Сол., Хв., Шим.; волог., яросл., твер., моск. дон **си́верка**, **си́верко** (БТСДК). СРНГ: **си́верко** *то же* Арх., Олон., Вят., Волог., Моск., Калуж., Кубань. укр. **си́верко** *холодно*.

Си́верик. *Северный ветер; холодная погода*. Бат., Кириш., Лод., Подп. СРГК: Выт., Кирил., Кондоп., Медв., Онеж., Плес., Прион., Пуд. НОС: повсем.; волог., яросл., смол., орл. СРНГ: **си́верик** *то же* Луж., Петерб., КАССР, Новг., Пск., Ленингр., Олон., Арх., Волог., Костром., Волхов., Пск., Каргоп. Образование говоров ВР (?)

Слова с корнем **sever** со значением северный холодный ветер — пример сохранения праславянских семантических архаизмов.

СЕВНЯ́. *Лукно*. Бат., Кириш., Чуд. СРГК: Новг. НОС: Шим., Кр., Мал., Новг., Сол.; яросл. **севня́** *решето*; смол. *лукно*; бел. **севня́** (Носович); пол. **siewnia** *лукно* (ККН). Скорее праслав. (сев.-слав.).

СЕДА́ТЫЙ. *Седой*. Лод., Тихв., Чуд. СРГК: Онеж., Плес., Прион., Пуд., Тер., Уст., Чер. Печор.; волог. *то же*. Собств. новг., широко проникшее на север.

СЕМЕРЯ́К. *Вид укладки снопов*. Тихв.; яросл. *то же*. В СРНГ — нет этого значения. В этом значении — узко-местн.

СЕННИ́К. *Постройка для хранения сена*. НОС: повсем. СРГК: *чулан, кладовка* Кирил., Белоз., Шексн.; *помещение для хранения сена*. т. Чер., Онеж., Кад. Печор., волог., яросл., орл., кубан., **се́нник** *сеновал, постройка*; моск., тамб. **се́нница** *место*

для хранения сена, мяжины; дон **сенник** *то же* (БТСДК). СРНГ: **сѣнник** *помещение для хранения сена*. Новг., Калинин., Арх., Пск., КАССР, Волог., Печор., Мурман., Ленингр., Смол., Ворон., Дон., Волгогр.; бел. **сѣнник** *мешок с сеном как постель* (Носович); пол. диал. **siennik** *место, где складывают сено* (SGP); н.-луж. **sienik** *сеновал* (Мука); чеш. **seník** *то же* (PSJČ); словацк. **sennik** *особая постройка для хранения сена* (SSJ); болг. диал. **сеник** *сеновал* (БЕР); хорв. бургенл. **seni:k** *постройка для сена* (Palkovits); **senik** *то же* (Lip.); **sjenik**. В данной устойчивой форме и значении из праслав. ***сѣнькъ, сѣникъ**. В ЛТГ из бел.

СѢНОГНОЙ. *Дождь во время сенокоса*. Бокс., Лод., Тихв. СРГК: Канд., Кирил., Люб., Медв., Онеж., Пест., Плес., Прион., Тер. НОС: Оп., Вол., Кр., Мал., Ст., Хв.; волог., яросл., твер., смол., орл. СРНГ: **сеногной** Ярослав., Арх. КАССР, Олон., *о погоде* Волог., Арх. Беломор, Новг., Пск., Калинин., Смол. Образование говоров ВР.

СѢНЦЫ. *Сени*. НОС: Новг., Мал., Мош., Ок., Пест., Чуд.; печор. *то же*; волог. **сѣнцы** *предбанник*; яросл. **сѣнцы** *чердак над двором*; моск. **сѣнцы** *сени*; твер. **сѣнцы** *крыльцо, сени*; дон. **сѣнцы** *чулан* (Сердюкова, БТСДК). СРНГ: **сѣнцы** *предбанник* Волг., Арх., Ленингр., Новг., Твер., Пск.; бел. **сѣнцы** *то же* (Носович, Б, БРС), сев.-зап. (ССЗБГ), туров (ТС). Образование говоров ДДЗ. Русск.-бел. изоглосса.

СЕРУ́ХА, СЕРУ́ШКА. *Гриб*. Бокс., Тихв., Чуд. СРГК: Кад., Баб., Выт., Карг., Люб., Онеж., Пест., Прион., Пуд., Тер., Уст., Волог., Севмор. НОС: Тихв., Мош., Оп., Бор., Люб., Новг., Ок. Хв., Чуд.; волог., яросл., твер. *то же*. СРНГ: **серу́ха, серу́шка** *ряд видов грибов*. Новг., Волхов., Ленингр. Твер., Ярослав., Волог., Калинин., Черепов., Тихв., Прионеж. КАССР, Белозер., Волог., Ярослав., Арх. Собств. новг., широко проникшее на северо-зап.

СЕРЯ́ВКА. НОС: *плотва*. Чуд. Узкоместн.

СЕРЯ́НКА¹. *Гриб* Бокс., Лод., Кириш., Чуд. СРГК: Выт., Карг. НОС: Валд., Ок., Бор., Мош., Сол.; яросл. *то же*. СРНГ: **серя́нка** *ряд разновидностей грибов*. Новг., Пинеж., Арх., Ярослав., Шенк., Тихв., Ленингр. Собств. новг.

СЕРЯ́НКА², **СЕРЕ́НКА, СИРЕ́НКА** *Спички*. НОС: Лычк., Мош., Уторг., Холм., Новг., Тихв., Чуд., Шим. СРГК: *то же* т. в Уст.; волог., яросл., твер., смол., орл. *то же*. СРНГ: **серя́нка** *спичка* Тихв., Новг., Арх., Пск., Перм., Ярослав., Твер. Петерб.; бел. **сіра́нка** *то же* сев.-зап., витеб. (ССЗБГ, Ролавец 1960). Образование говоров ВР.

СЕРЯ́ХА. *Гриб.* Тихв. НОС: Сол. Собств. новг.

СИДА́ЛКА. *Скамья; стул.* Лод., Тихв. СРГК: Медв.; волог. **сидáлка** моск. **сидéлка**; дон. **сидéлка** *скамья в лодке* (Сердюкова); укр. **сідáлка** *сидение в ткацком станке* (Гринч). Вост.-слав.

СИКА́ХА. *Муравей.* новг. повсем. (НОС); твер. СРНГ **сика́ха** *то же* Пск. Новг. Холм, Калинин. От праслав. ***sikati**, ***sȳkati** (См. Bezlaĵ, там же см. обильный славян. материал по глаголу). В данной форме и значении образование говоров ВР (пск.-новг.).

СИНЕ́Ц. *Сорное растение во ржи.* Чуд. НОС: повсем. СРНГ: **синéц** *то же* Пск., Новг. Киров. Собств. новг. (новг.-пск.); пол. **siniec** *растение скорее параллельное образование.*

СИ́НИК. *Мелкая рыба.* Лод., Узкоместн.

СИНИ́ЦА. *Мелкая рыба.* Лод. Узкоместн.

СИКАРÓХА. *Муравей.* НОС: повсем. Узкоместн.

СИКА́Ч. *Муравей.* Кириш., Подп. СРГК: Люб., Новг., Пест. В данном значении собств. новг.

СИКА́Ш. *Муравей.* новг. повсем. (НОС); волог., яросл., твер. *то же.* СРНГ: **сика́ш** *то же* Ильмень, Новг., Ленингр., Калинин., Ярослав., собств. новг.

СИКЛЯ́ХА. *Муравей.* Бат., Тихв.; НОС: Сол., Вол., Под., Валд, Новг., Холм; яросл., смол. *то же*; бел. **сікля́ха** сев.-зап. (ССЗБГ). Образование говоров ВР.

СИНО́ХА, СИНО́ШКА. *Ряд видов грибов.* Лод., Тихв., Чуд. СРГК: Кондоп., Прион. НОС: повсем.; печор., волог., яросл., твер., моск., смол.; орл.; тамб (Пискунова 2003) СРНГ: **сино́ха** *гриб сыроежка* Великолукск., Пск., Калинин., КАССР, Арх., Волог., Ярослав., Иван., Моск., Калуж.; бел. **сіно́ха** *гриб* (Б); укр. **сінюха** (Гринч). Вост.-слав. В ЛТГ из вост.-бел. (ДДЗ).

СИНО́ХА. *Вид рыбы.* Волх., Лод.; СРГК: Волос., Онеж. яросл. **сино́шка** *то же.* СНПР: **сино́ха** *мелкая плова.* Калинин., оз. Вселуг.; *лец* урал: р. Кама; *белоглазка* Осташков, Кимры, вся Волга н. т. Оки, Кама; **сино́шка** *синец* (БТСДК). В ЛТГ занесено с верхней Волги.

СИНО́ШКА¹. *Птица.* Кириш., Лод. СРГК: Вашк., Медв. НОС: Оп., Бор.; волог. *трясогузка*; бел. **сіно́ха** *сивоворонка* туров (ТС) Узкоместн. (?)

СИНО́ШКА². *Растение василёк.* Волх., Лод. СРГК: Выт., Кад., Карг., Медв., Прион., Чер., Шексн. НОС: Новг., Хв., Люб., Мош., Ок. Чуд.; волог., яросл. *то же*; моск. **сино́шник** *то же* Образование говоров ВР.

СИТА́. *Камыш, осока.* новг: повсем. СРГК: *трава* Бат.; моск. СРНГ: *си́та́ камыш.* Пск., Смол., Моск., Твер., Арх.; бел. *сіт, сіта́ то же* сев.-зап. (ССЗБГ); пол. *sit* (SGP); словацк. *sitina трава* (SSJ); серб.-хорв. *sita трава* (RHSJ); словен. *sita* камыш (?). **močvirska sita** (SSKJ); болг. **сита** (БЕР) здесь же см. др. славян. материал (чеш. *sit*, в.-луж. *syčina*). Из праслав. **sitъ*, **sita* В ЛТГ из бел.

СИ́ТЕНЬ. *Белый хлеб.* Тихв. СРГК: Белом., Кирил., Медв., Прион. Собств. новг., проникшее на север до Белого моря. Аффикальное новообразование с суфф. *ень* От праслав. **sitънь* *состоящий из мелких частей.*

СИ́ТИК, СИ́ТНИК. *Гриб.* Тихв. НОС: Люб., Кр. СРНГ: *си́тник то же* Пск., Осташк., Твер., Моск.; пол. *sitnik гриб* В этой форме и в данном знач. — праслав. (сев.-слав.).

СИТОВИ́К. *Гриб-моховик.* Бокс., Лод., Чуд.; новг. Мал., Оп., Хв., Валд., Залуч., Кр., Люб. (НОС); твер., моск. СРНГ: **ситови́к то же** Пск., Твер., Новг., Волог., Влад., Моск., Смол. Несмотря на различное происхождение в ЛТГ конкретных форм с корнем — *sit* нельзя не отметить, что значение *хлеб из мелкой промолотой муки; такая мука* является праслав. Ср. печор., моск., твер., орл. **си́тник**; тамб. (Губарева); бел. **сітнік, сітня́к, сітны хлеб, (Б) сітніца** сев.-зап. (ССЗБГ); пол. *sitniak, sitny* (SGP, KKN); болг. **ситно брашно** (Геров) мак — **сіта белая мука высокого качества**; о выражении ситный хлеб см. также Лутовинова 1997.

СКА́ЛА. *Валёк для теста.* Тихв. СРГК: Канд., Кондоп., Медв., Прион.; печор. **ска́лка**; яросл., моск., орл. дон. *то же*; волог., моск. **ска́ла пласт коры.** общ.-рус. **ска́лка**; **скала** собств. рус. от скать, что касается скалка — Ср. с пол. диал. **skalka** прут, ветвь (SGP).

СКА́НЕЦ, СКА́НЦЫ. *Лепешка.* ЛТГ: повсем.; новг.; повсем. (НОС); волог., яросл. СРНГ: **ска́нцы ряд видов выпечных изделий в виде блина, лепёшки.** Валд., Новг, КАССР, Пск., Тихв., Олон., Калинин. Образование говоров ВР (новг.-пск.-твер.) от скать «раскатывать тесто».

СКАТЬ. 1. *Раскатывать тесто скалкой.* Чуд. СРГК: повсем. печор., волог., яросл. СРНГ: Олон., КАССР, Печор., Арх., Мурман., Ленингр., Новг., Ярослав., Влад., Иван., Киров., Пинеж. 2. *Сучить нити.* Лод., Подп. СРГК: Тер., Кирил., Белоз., Канд., Карг., Медв., Онеж., Чер., Пуд.; печор., волог., яросл., рязан. (деул). СРНГ: повсем. т. на севере; чеш. **skati priadzu** (PSJČ) серб.-хорв. **skati**

(RHSJ). В знач. *сучить нити, ткать* из праслав. ***sъkati** (Ф.). В знач. *раскатывать тесто* — собств. новг., широко проникшее на север.

СКРЪ́ТА. Вид одежды. новг.: повсем (НОС). СРГК: *то же* т. Волог., Кирил., Карг., Пуд.; волог., орл. *то же*; тамб. (Пискунова) СРНГ: **скръ́та** *то же* Чухлом., Костром., Новг., Петерб., Волог., Арх., Олон., Тотем., Кадн. Ф. от **скругиться** *одеться* Скорее собств. новг., занесенное позднее на юг.

СКУГО́РИТЬ. Плакать, хныкать. Новг.: повсем. СРГК: *причитать плакать по покойнику* новг., волог. *то же*; смол. **скуго́лить** *визжать, скулить; плакаться*. СРНГ: **скуго́лить, скуго́рить** *то же* Пск., Новг., Твер., Калуж., Осташ. дон **ску́гор** *скупой* (БТСДК); бел. **скуго́лиць** *визжать о свиньях* сев.-зап.; (ССЗБГ); **скуго́лить** *выть, скулить; плакать* (БРС); гродн., (Сп); **скугаць, скугікаць** *скулить, выть, хрюкать* туров (ТС), **скуго́риць** *плачем выразить свое горе* (Носович); укр. **скуготати** *визжать (о свиньях)* Ф.: укр. **скугніи**, чеш. **skuhratí** *ныть, хныкать*; словацк. **skuhrat'** *жаловаться* родств. лит. **skaugè, skaugùs** В любом случае — праслав. (сев.-слав.) архаизм, получивший особую продуктивность в бел., зап.-рус. и новг. сев.-русск. диалектах.

СЛАВУ́ТНЫЙ. Знаменитый. Тихв.; новг. Чуд., Мал., Парф. Под (НОС). СРГК: Канд., Медв., Прион.; волог., твер. *то же*. СРНГ: **славу́тный** *умный, известный* Иркут., Олон., Ср.-Урал.; бел. **славу́ты** *то же*. (БРС); укр. **славу́тний** *то же* (Гринч). Вост.-слав. в ЛТГ вост.-слав. архаизм.

СЛЕПА́К. Овод, слепень. Лод., Тихв. СРГК: Пуд.; волог. *то же*; бел. **сліпак, слепак, сляпак** *то же* сев.-зап. (ССЗБГ) туров. **слепак** *то же* (ТС); пол. **slapak, ślepak** *то же* (ККН) Русско-бел. изогласса. В пол. из бел. (?), в ЛТГ из бел.

СЛИВА́ЛЬНИК. Посуда для сливания жидкости, друшлаг. Чуд.; волог. **сливальнойница** *то же*; смол. **сливальнойник** *большой ковш*. СРНГ: **сливальнойник** черпак Новг. Образование говоров ВР.

СМОРОДНЯ́К. Листья смородины. Люб., Тихв.; новг. заросли смородины Вол., Ок., Бор., Кр., Мош., Чуд. (НОС). Собств. новг.; типично новг. модель на няг.

СМЫ́КАТЬ. Чистить, тереть. Бокс, Тихв.; обрабатывать, очищать лен Лод., Тихв., Чуд.; косить Тихв.; молотить Тихв.; точить Лод.; моргать Тихв. новг. **смы́кать** *натирать пол. песком при его мытье*; яросл. **смы́гнуть** *очистить ветку от листьев*; смол. **смы́кать** *чесать лен*; дон. **смы́кать** *дергать*; бел. **смы́каць**

рвать, теребить, дергать сев.-зап. (ССЗБГ); пол. **smykać** *тащить, дергать, волочить* (SGP), Ф.: в.-луж. **smukat'** *тащить*; н.-луж. *то же*; укр. **смикати** *дергать*; словацк. **smukat'** *ровнять, подравнивать*. Менее ясна связь с общеболг. **смуча, смукъ** (Младенев, серб.-хорв. **смáкнем** *снять* ср.; словен. **smúkati, smik** *рывок*. В любом случае из праслав. ***sъmykati**.

СМЯТЬЕ. *Сор, мусор*. **сметьё**, в СРГК: т. в. Медв.; новг. *то же* Др. (НОС); печор. **сметьё** *то же*; волог. **смётые** *то же*; яросл. **смётые** *то же*; сев.-зап. **смьятина** *отходы от льна*; орл. **сметьё** *то же*; дон. **смётые** *сор* (БТСДК); куб. **смиття** *сор* (Ткаченко). СРНГ: **смётые** *сор, пыль, мусор* Тихв., Арх., Костром., Брян., Печор., Яросл., Новг., Волог., Север., Смол., Кубан.; бел. **смеццэ, смяццэ** *мусор* (БРС), **смеццё** *то же* (Носович) **смяцэ, смяццэ, смяцця** сев.-зап. (ССЗБГ); **смяццё** *то же* гродн (Сц) **смётые** *то же* туров (ТС); укр. **сміття** *то же* (Гринч); словацк. **smet** *то же*; *грязь* (SSJ). Широко в южн.-слав. болг. **смет** *то же* (Геров); мак. **смет** *то же* (PMJ); серб.-хорв. **smetiti** *грязнить* **smetina** (Hraste); хорв. бург. **smêt** *то же* (Tornow); хорв. чак. **smet** *то же* (Turičić) **smec'e** (Palkovits); варадж. **smętię, smętlisę, smetelište** (RHSJ); черног. **смет** *нанос снега, мусор* **смелак** *место для мусора* Загарача (Ђушић); **смеђе** *то же*. **смётлиште** *дубров* (Бојан); словен. **smęt, smętje** (Bezlaј); из праслав. ***sъmětъ** Ф.: из ***sъmětje** Праслав. архаизм и по форме и по значению: лучше сохранившийся в маргинальных зонах южн.-слав., вост.-слав., слабее (?) в пол., луж., чеш.

СОГРЕБИ. *Отходы от чесания льна* Тихв. Узко-местн.

СОЛОДУ́ХА. *Напиток из солода, кваса; каша*. Кириш., Подп. СРГК: Плес., Новг. *каша* Бор. (НОС); орл. **солоду́ха** *кушанье из ржаной муки, заваренное кипятком*; яросл., твер. т. **солодя́нка**; бел. **саладу́ха** *солод; кушанье* сев.-зап. (ССЗБГ); гродн. (Сц), туров (ТС); пол. **śloducha** *суп с мукой* (KKN). Данные др. слав. языков подробно см. Лутовинова Ф. из праслав. ***soldъ**. Слабо в ЛТГ на русском севере, проникло в эпоху Пол.-Лит. гос-ва.

СОЛОДЯ́ГА. *Мука из солода*. ЛТГ: повсем. СРГК: повсем. СРНГ: **солодя́га** *то же* Медвежьегор., Арх. В данной форме и значении собств. новг., проникшее т. на северо-запад.

СОЛОНЬНА. *Соленая вода*. Чуд. Слово праслав. из праслав. ***solnina** *в разных значениях, в основном сало, шпик* (Bezlaј) В формах **солонина, slonina** Отмечено почти во всех слав. диалектах и языках (СРНГ, Носович, ТС, Сц, Гринч, SGP, KKN, PSJČ,

SSJ, RHSJ, SSKJ, Palkovits, Tornow). В знач. *соленая вода* — собств. новг. узко-местн.

СОЛОНУ́ХА. *Щавель*. Тихв. СРНГ: солонуха т. Тихв. В данном значении узко-местн.

СОСЁ́Ц. *Капля смолы на дереве*. Тихв. Узко-местн.

СО́ЧЕНЬ. *Лепёшка, пирожок с начинкой; тонко раскатанный круг теста* Подп., Чуд. СРГК: Вашк., Вит., Кад., Карг., Кирил., Пест., Чер. НОС: Валд., Вол., Дем., Молв., Новг., Пест., Ст., Мош.; печор., волог., яросл., твер., моск., смол. СРНГ: *лепешка из тонко распластанного пресного теста* Арх., Волог., Костром., Яросл., Моск., Твер., Пенз., Влад., Нижегород., Вят., Пск., Смол., Твер., Новг.; бел. *сочень то же* (Носович), *сачэнь* сев.-зап. (ССЗБГ). Образование говоров ВР от праслав. *sočiti.

СО́ШКА. *Жердь, палка; окучник*. Волх., Лод. СРГК: Белом., Кондоп., Медв., Чер.; новг.; Чуд., Дем., Мст., Оп., Новг. (НОС); волог., смол. *то же*; дон. *со́шка*; бел. *со́шка то же* (БРС); сев.-зап. (ССЗБГ), вост.-бел. (Б), туров (ТС); пол. *sozka* *маленькая соха* (SGP, KKN); чеш. *soška*; словацк. *soška то же* (SSJ); н.-луж., в.-луж. *soška* (Мука) Ф.: из праслав. *soha В данной форме с общим значением *жердь, рогатина* из праслав. *sošьka (сев.-слав.) В ЛТГ из ДДЗ.

СПОДО́БИТЬ, СПОДО́БИТЬСЯ, СПОДОБЛЯ́ТЬ, СПОДОБЛЯ́ТЬСЯ. *Собраться что-н. сделать, выполнить что-н. (пойти, поесть и т. д.)*. Подп., Тихв. СРГК: Белом., Волог., Выт., Кем., Кирил., Кондоп., Медв., Прион. НОС: Хвойн.; волог., яросл., орл., смол., ряз. (деул.) *то же*; дон *сподобить, взять, схватить незаметно* (БТСДК); *сподобить, сподобиться понравиться, смочь, суметь, подойти куда* (Ткаченко) СРНГ: *сподобля́ть, сподобить* *Делать необходимые приготовления для осуществления чего-н.* Новг., Волог., Вят., Лодейноп., Ленингр., Яросл., Арх.; *снабжать, обеспечивать* Саратов., Яросл., Моск., Ряз.; бел. *спадабать уподобиться* сев.-зап. (ССЗБГ); *спадыба́цца нравиться, подходить по виду* вост.-бел. (Б) *сподоба́цца туров* (ТС), *сподоба́цца понравиться* (Носович) обще-бел. *спадабáцца*; укр. *сподоба́тися прийти по душе, украшаться* (Гринч); *сподобатиси договориться, согласиться бойк* (Он); пол. *spodobac się* *подойти по каком-н. свойству, качеству, понравиться* (SGP); *spodobnić* *уподобить себе* (KKN); словацк. *spodobat sa то же* (SSJ); болг. *сподобявам* *подходить, годиться для чего-н., быть достойным*. (Геров, Младенов); мак. *сподоби си* *удостоиться* (PMJ);

серб.-хорв. **spodobiti** собираться что-н. сделать кому-н.; удостоить; сделать что-н. **сподобити** прийти, подойти (от обуви) кос.-метох. (Елез.) **сподобит** начать что-н. делать Загарача (Ђушић); хорв. варадж. **spod'oben** быть подобным, достойным (Lip); **spodóban** быть похожим (Тогнов); словен. **spodobiti se** быть в согласии что-н. сделать удачно, оказаться в удачном положении (SSKJ). Из праслав. ***sьvprodobiti se** намереваться что-н. сделать, подходить к обстоятельству, оказаться возможным что-н. сделать, согласиться

СПОДОБИТЬСЯ. Испортиться о погоде. Тихв. Узкоместн.

СПОКО́Й. Покой. ЛТГ: повсем.; печор. **жить спокóем**; волог., **спокóй**; орл. **спокóйство**; ряз. деул. **спокóй**. СРНГ: **спокóй** сон Олон., Заонежье, Север, Пск., Калуж., Ворон.; в **спокóе, спокóем** Волог., Влад., Новг., Арх., Мурман.; бел. **спокóй** то же (БРС), сев.-зап. (ССЗБГ); **спокóй** туров (ТС); укр. **спокóй** то же (Гринч); пол. **spokoј** (SGP, KKN). В устойчивой форме с протетическим, и скорее наследие эпохи единого Пол.-Лит. гос-ва. Образовано от **спокойть, spokoić, покоиться**.

СПОЛÓХАТЬ, СПОЛОХНУТЬ, СПОЛÓХАТЬСЯ. Испугать, испугаться. ЛТГ: повсем. СРГК: Медв., Канд., Кирил., Прион., Пуд., Тихв., Пест., Подп.; новг. Шим. (НОС); волог., яросл., твер., орл., зап.-брян.; дон. то же (СДГ); куб. **спóлох** тревога, сбор по тревоге (Ткаченко). СРНГ: **сполóхаться, сполохнóться** испугаться Олон., Арх., Ленингр., Новг., Пск., Север. Вост. Зап. Южн. Брян. Краснодар., Кубан., Курск., Влад.; бел. **спалóхацца** испугаться (БРС); сев.-зап. (ССЗБГ); Гродно (Сц); укр. **сполóхатися** (Гринч) Вост.-слав.

СПÓРКИЙ, СПОРКО́Й. Ловкий, быстрый Бокс., Тихв., Чуд., СРГК: Карг., Кондоп.; новг.: Ок., Оп., Бор., Валд., Вол., Дем., Молв., Новг., Ст.; моск., смол. **спóркий** то же. СРНГ: **спóркий, споркóи** то же Арх., Луж., Петерб., Моск., Том., Арх. Образование говоров ВР; от праслав. ***sporgъ, *spory** (Bezlaј).

СПРА́ВА. Сборы, одевание; дело работа; одежда; хозяйственный инвентарь. СРГК: Кириш., Тихв., Люб., Новг., Плес., Пест., НОС: Ок., Тихв., Новг., Дем., Кр., Мал.; печор. **спра́ва** выздоровление яросл. одежда; моск., твер. одежда; смол., зап.-брян. какое-н. дело; ряз. деул. хозяйство; дон. имущество, снаряжение приданое волгогр. снаряжение; наряд. СРНГ: **спра́ва** дело, работа Зап., Брян., Новг.; сборы приготовление Тихв., Новг.; совокупность вещей необходимых для военной службы, хозяйства, промысла; сна-

ряжение. Пск., Осташк., Твер., Тихв., Новг., Пудож., Олон., Саратов., Волгоград., Рост., Сев.-Двин.; одежда, наряды Твер., Новг., Моск., Ярослав., Калуж., Кубан., Новг., Рост., Дон.; бел. **спра́ва** *дело* (Носович, БРС); вост.-бел. (Б); **спра́ва** *одежда* туров (ТС); пол. **sprawa** *то же* (SSJ); болг. **справа** *орудие, инструмент для чего-н.* (Геров); хорв. **sprāv** *об одежде* (Торнов); серб.-хорв. **sprava** *какое-н. дело, вещи, снаряжение* (RHSJ); словен. **sprava** *то же* (SSKJ). Из праслав. ***sprava**. С общим значением *какая-н. деятельность, дело, результат этой деятельности*. Некоторые значения как северус. — об одежде, по-видимому, весьма архаичны; ср. бел., хорв. От прасл. ***spraviti** *сделать, выполнить что-н.*; В целом повсем. в ЛТГ (СРГК; НОС) в русских диалектах — волог., яросл., смол., орл., ряз., деул.; данные СРНГ; в бел. (БРС, Б, ССЗБГ, ТС); укр. (Гринч., Он); пол. (SGP, KKN); чеш., словац. (PSJČ, SSJ); болг. (Геров); мак. (PMJ); серб.-хорв. (RHSJ); кос.-метох. Жугић; хорв. (Торнов, Турчић, сейн.-Мог.); словен. (SSKJ).

СПРА́ВНЫЙ. *Богатый (о человеке)*. Бокс. Чуд.; *трудолюбивый*. СРГК: Канд., Медв., Пуд. НОС: *богатый* Бор., Новг.; волог. *трудолюбивый, умелый, улитанный, статный*; яросл. *серьезный, толковый; улитанный*; твер. *зажиточный, богатый*; смол. *тот, кто справляется с делом*; орл. *полный, здоровый*; зап.-брян. **спраўны** *исполнительный; сытый*; ряз. деул. **спра́вный** *такой, который в хорошем состоянии*; дон. *имеющий приданое*. СРНГ: **спра́вный** *откормленный, тучный, здоровый (о скоте)* Нижегород., Калинин., Ряз., Брян., Пенз., Дон., Саратов.; *здоровый, улитанный (о человеке)* Казан., Влад., Пск., Калуж., Брянск., Пенз., Саратов., Курск., Ворон., Краснодар., Орл., Костром., Ярослав.; *видный, красивый* Дон, Тул.; *зажиточный (о человеке)*; Петерб., Новг. КАССР, Олон., Костром., Пск., Моск., Влад., Ряз., Калуж., Саратов., Краснодар., Вят., Дон., Волгогр.; бел. **спраўны** *такой, как надо* сев.-зап. (ССЗБГ); укр. **спра́вний** *исправный, исполнительный* (Гринч.); бойк (Он); пол. **sprawnny** *сильный; хорошо всё делающий* (SGP, KKN); чеш. **spravný** (PSJČ); словацк. **správny** (SSJ); болг. **справный** *такой, который находится в хорошем состоянии* (Геров); серб.-хорв. **spravan** (RHSJ); хорв. **spravan** *тот, который в порядке; готовый к использованию, к чему-н.* (Торнов, Lip); словен. **spraven** *удачный, удавшийся, готовый, способный к чему-н.* (SSKJ). Из праслав. ***spravъnъ** с общим значением *такой, который выделяется своими положительными качествами*.

СРЯ́ДА. *Одежда*. Чуд. СРГК: Новг., Пест., Прион., Уст.,

Хвойн.; новг.: Ок., Мал., Бор., Вол., Дем., Новг., Парф., Пест., Хв. (НОС); печор., **сряд**; волог., яросл., моск., твер., ряз. **сряд**, **срядя** *то же*. СРНГ: **срядя** *одежда, платье* Пск., Осташк., Твер., Ленингр., Моск., Влад., Яросл., Новг. Образование говоров ВР.

СТАНУ́ХА, СТАНУ́ШКА. *Длинная женская одежда, чаще рубаха; низ такой рубахи.* ЛТГ: повсем.; новг. повсем. (НОС). СРГК: повсем.; печор., волог., яросл., твер., смол., орл., тамб., ряз (Осипова) ряз. деул.; дон., тамб. (Пискунова 2002); бел. **станіна** *кусоч материи* сев.-зап. (ССЗБГ); укр. бойк. **стан** *сорочка еще во время шитья* (Он). Вост.-слав. (?) или скорее собств. русск.

СТАРБѢНЬ. *Старик.* Чуд. СРГК: Бат., Вашк., Выт., Карг., Люб., Новг., Пест., Прион., Сол., Хвойн. Холм; **старбѣтье** *то же* Кем.; новг.: повсем. (НОС); волог. *то же*; смол. **старбѣ** *то же*. Собств. новг.: проникшее в смол.

СТАРНІЯК. *Прошлогодняя трава.* Тихв.; дон. **старніак** **старнік** *то же* (БТСДК); укр. бойк.; **старнік** (Он) Вост.-слав. (?)

СТЕБА́ТЬ. *Ударять, хлестануть; стегать.* Тихв., Чуд. СРГК: Бат., Вашк., Новг., Сол., Шим.; новг: Сол., Шим., Новг., Ок., Уторг. Вол. (НОС); волог.; яросл., моск. *бить, хлестать; плохо шить* твер. **стебуніна** *обшора*; орл. *ударять; шить*; экпр. *есть, костром. стебуня́ть шить* жгон. (Громов 2000); волгогр. (Добринки), ряз. деул. *ударить, шить*; зап.-брян., дон. (СДГ); кубан. (Ткаченко, Борисова); тамб *бить*; **стебуха́ть** *пить, есть* (Моисеева); бел. **сцѣба́ць, сцѣбану́ць** *сечь, хлестать; пить* (Носович); **сцѣба́ць, сцѣбану́ць** *то же* (БРС); **сцѣбену́ць** *то же* туров (ТС) гродн. **сцяба́чка** *острие косы* (Сц); укр. **стебнува́ння** *строчение при шитье* (Гринч); пол. **ścibać** *шить*; чеш. **stibati** *пихать, запихивать*; Ф.: приводит укр., бел., пол., лит. Вряд ли от *стебель* и *стегать* (Ф.) Из праслав. ***stebati** (?) Сев.-слав., продуктивно в бел., южн.-рус. в значениях *бить, шить, экспр. пить жидкость, есть*.

СТЛІЩЕ. *Место, где растилают лён, холст.* Лод., Чуд. СРГК Баб., Кад., Карг., Медв., Новг., Пуд., Тер., яросл., твер., смол., ряз. деул; костром. р. Унжа (Громов). укр. полесск. **стеліще** *то же* (Лисенко) Скорее образование говоров ВР.

СТОЖА́Р, СТОЖА́РА. *Жердь, вокруг которой укладывают, мечут стог.* ЛТГ: повсем. СРГК: повсем.; новг. Бат., Др., Новг. (НОС); печор., волог., яросл., моск., твер., смол., орл. *то же*; ряз. деул. **стога́рь** *то же*; бел. **стожа́ре** (БРС), **стожа́ря** сев.-зап. (ССЗБГ); укр. **стожа́лля** *место для стога*; **стожити**

складывать в стог; словацк. **stožiar** (SSJ); мак. **стожер** *столб для привязи коней, опора* (PMJ); серб.-хорв. **stožer, stožar** *столб для стогов* **стожіна** *столб, вокруг которого мечут сено* Загарача (Ђупић); словен. **stožer** *середина чего-н.* (SSKJ); Bezlaј; словен. **stèžajъ, stèž-er**; из праслав. (Ф.) Не отмечено в пол. ЛТГ — северная периферия праслав. слова.

СТОЛЬЌУХА. *Пюре в горшочке.* Тихв. В этом значении и в данной форме — узкоместн.

СТЌЛПИНА. *Остатки от топки масла.* Чуд. Узкоместн.

СТРЕКАВА. *Крапива.* Бокс., Кириш., Лод., Чуд., Тихв. СРГК: Бат. Новг., Пуд., Хвойн., Шим.; новг.: *то же* повсем (НОС); твер., смол., орл. **стрекава, стреківа** СРНГ...; бел. **страківа** *то же* сев.-зап. (ССЗБГ). В данной форме образование говоров ДДЗ от праслав. ***strěk(a)ti** (Bezlaј, там же см. доп. слав материал по значениям глагола) Глагол **strekati, стрекать** в разных значениях широко представлен в ЛТГ (СРГК, НОС) и в других славянских диалектах.

СТРЌГА. *Омут.* Волх. СРГК: низина с водой Люб., Новг.; новг.: Новг.; *поток, ручей*; Волх. (НОС); печор. *омут (?)*; волог. **стрўга** *сугроб*; бел. **стрўга** *рукав реки, залив, топкое болото.* сев.-зап. (ССЗБГ); укр. **стрўга** *поток, ручей* (Гринч); пол. **struga** *поток, ручей* (KKN); **struga, strega** *маленькая река* (SGP); чеш. **strouha** *русло реки* (PSJĀ); словацк. **struha** *корыто реки, поток* (SSJ); серб.-хорв. **struga** *русло; широко в составе топонимов* (RHSJ); кос.-метох. **струга** *теснина, русло* (Елез.) **струга** *проход в хлев* Загарача (Ђупић) хорв. варадж. **struga** *высохшее русло реки* (Lip.); словен. **strug** *русло, течение реки, потока* (SSKJ) Исключительна устойчивость и формы и значения во всех слав. диалектах; см. также в.-луж., н.-луж. (Ф.) Bezlaј; из праслав. **strўga, *strujā** Ф. от и-евр. **sręu**; подробнее см. Толстой 1969. Сев.-рус. **струга** — маргинальный архаизм праславянского.

СТЌЛО. *Стул.* Тихв., Чуд. СРГК: Прион., Чер.; новг. *то же* Люб., Уторг. (НОС) орл., ряз. **стўла** дон **стўло** *то же* (БТСДК); кубан. *то же* (Ткаченко) В данной форме с ударением на ó собств. русск.

СТЌПНИ. *Вид лаптей, более глубоких, чем обычные лапти.* Бокс., Кириш., Лод., Чуд. СРГК: Баб., Белоз., Онеж., Уст., Чер.; новг.: повсем. (НОС); печор. *самодельные башмаки*; волог., яросл., твер., моск. *вид обуви.* Образование говоров ВР.

СУДЌНКА. *Небольшая корзинка, лукошко.* Кириш. СРГК:

Баб.; новг. *шкаф на кухне* Валд.; волог. *т. шкаф, полка на кухне* смол., орл. *т. полка на кухне*.

В знач. *корзинка, лукошко* узкоместн.

СУ́ДНИЦА. *Полка для посуды.* Лод., Подп.; новг. повсем. (НОС) печор. *судник* волог., яросл., твер., моск., смол. *то же*; зап.-брян. *судник то же*; бел. *суднік, суднік шкаф для кухонной посуды* (Носович, Б). Образование говоров ДДЗ.

СУКА́ЛО, СУКА́ЛКА. *Скалка, валик для раскатывания теста.* Волх., Бокс., Кириш., Тихв., Чуд.; новг. *то же* повсем.; веретено Бокс., Кириш. смол. зап.-брян. *сукáло станок для наматывания ниток*; бел. *сукалка станок, приспособление для наматывания ниток* (Носович, БРС), вост.-бел. (Б), гродн. *сукáдла* (Сц); укр. *сукáло то же* (Гринч.) *то же* полесск. (Лисенко); пол. *sukadlo то же* (SGP, KKN); чеш. *sukadlo, soukadlo то же* (PSJČ); н.-луж. *sukadło то же* (Мука); болг. *сукáло скалка* (Геров.); мак. *сукало то, чем отделяют кору* (PMJ); серб.-хорв. *sukalo* (RHSJ); *сукáлька валик для теста для булочек баницы* (Жугић) *sukalo то, чем отделяют что-н.* (Торнов); словен. *sukalo, sukalka приспособление для навивания нитей* (SSKJ) В устойчивом значении *приспособление для наматывания, навивания нитей* и в форме *sukalo (sukadlo)* из праслав. **sukalo* В знач. **sukalo* В знач. *валик для раскатывания теста* собств. новг. семантическая инновация от праслав. **sukati, sьkati* в разных значениях. См. также *скать*.

СУКА́ТЬ. *Скручивать, свивать нити (обычно две) в одну.* ЛТГ: повсем. СРГК: Баб., Сол., Новг. Др., Сол. Люб., Тихв.

2. *Раскатывать тесто скалкой* Кириш., Лод., Тихв., Чуд.; СРГК: М.: Виш., Сол.; новг.: Хв., Кр., Мал. Молв., Под., Тихв., Люб. (НОС) В знач. *свивать нити*: смол., тамб. (Моисеева); зап.-брян.; кубан. *сукáть вить веревку, пряжу* (Ткаченко); бел. *сўкаць* (БРС), Гродн. (Сц); укр. *сукáти* (Гринч); бойк (Он); пол. *sukać* (SGP, KKN); чеш. *soukati* (PSJČ); словацк. *súkat* (SSJ); болг. *сучю* (Геров); мак. *суча* (PMJ); серб.-хорв. *sukati* (RHSJ); хорв. *sūkat* (Určić), *sūkat* (Hraste) *sukati* (Торнов); варадж. (Lip.); словен. *sukáti* (SSKJ); укр. *сукáти бублики* (Гринч.); мак. *суча* (PMJ); серб.-хорв. *о булочках, баницах сукат* Загарача (Ђурић) Конечно, сам глагол из праслав. **sukati, *sьkati* (Bezlaј) с первичным значением *свивать нити* Однако значения *раскатывать тесто*, по-видимому, так же праслав. архаизм, сохранившийся т. на славянском юге и на славянском севере. См. также *скать*.

СУКІЙ. *Вырубленное под пашню место в лесу.* Лод., Чуд., Подп., Тихв. СРГК: Бат., Кад., Люб.; новг.: повсем. (НОС); твер. Собств. новг.

СУКРЁСТОК. *Перекрёсток дорог.* Чуд., Новг.; новг.: Др., Чуд. (НОС) Узкоместн. Собств. новг.

СУ́КРОМ. *Сруб дома.* Волх., Кириш., Лод., Тихв., Чуд.; СРГК: Сланц. Шим.; новг. Уторг., Шим. Чуд. (НОС); яросл. Собств. новг. занесенное, как и многие другие на Волгу.

СУМЁТ. *Сугроб.* ЛТГ: повсем.; СРГК: повсем.; новг.: повсем. (НОС); волог., яросл., моск., твер., смол.; бел. *сумёт то же* (Носович, БРС); пол. *sumiot то же* (SGP) От эпохи Пол.-Лит. гос-ва (?).

СУ́ПРЯДКА, СУ́ПРЯДКИ. *Вечернее собрание молодежи в зимнее время.* ЛТГ: повсем. СРГК: повсем.; новг.: повсем. (НОС); печор., волог., яросл., смол., орл. зап.-брян.; бел. *супрядки* (Носович). Образование говоро ДДЗ.

СУСЛОН. *Малая укладка снопов ржи, льна.* В ЛТГ: Бокс., Подп., Тихв., Чуд. СРГК: Бат., Кирил., Люб., Новг., Прион., Сол., Чер.; новг.: повсем.; печор., волог., яросл., твер., моск., орл. Образование говоров ВР (пск.-новг.-твер.).

СУСТОЕК, СУСТОЙ. *Сливки.* СРГК: Выт., Вашк., Чер.; Проникло из волог. говоров.

СУСЫ́РОК. *Недоваренная каша.* Бокс. Узкоместн.

СУТЁМКИ. *Сумерки.* Тихв.; печор., волог., орл. *сүтёмень*; укр. *сутёмный очень темный* (Гринч) В форме *сутёмки* собств. новг. Узкоместн.

СУТО́КИ. *Место слияния двух ручьев, рек.* Тихв.; новг. Ст., Дем., Бор., Вол., Новг. (НОС); смол.; бел. *сутóка то же* (Носович) *сутóки* (БРС); укр. *сүтки узкий проход*; чеш. *soutok место слияния рек* (PSJC); серб.-хорв. *sutočica то же; поток* (RHSJ) Из праслав. **sutokъ* (?).

СУХА́Н. *Гриб, предназначенный к сушке* Бокс., Кириш. СРГК: Чер.; яросл. *то же*; волог. *сухáрь то же* В данной форме собств. новг, занесенное на Волгу.

СУХМЯ́ННЫЙ. *Сухой, высохший.* Чуд. СРГК: Карг., Кирил., Плес.; орл., ряз., деул., дон *сухмённный то же*. Образование говоров ДДЗ; шире везде в зап.-рус., бел. *сухмёнень жара, сухое место*; (волог. смол., орл., вост.-бел. (Б, БРС; Носович)). См. Толстой 1969.

СУХОРО́С. Утро без росы; при отсутствии росы. Лод., Подп., Тихв., Чуд. СРГК Вашк., Выг., Карг., Кирил., Онеж., Чер.; волог., яросл., моск., смол., орл. Образование говоров ВР.

СУШЬИ́НА. Засохшее дерево. ЛТГ: повсем.; СРГК: Вашк., Белом., Кем., Медв., Тер., новг.: повсем. (НОС); печор., волог., моск., смол., орл.; укр. **сушняк** усохшие ветви (Гринч); н.-луж. **sušyna** сухое дерево (Мука); чеш. **sušina** высохшее дерево (PSJČ); словацк. **sušina** сухая земля, сушь; болг. **сушина** сухое место (Геров); мак. **сушина** сухая земля, сухое место (РМЈ); серб.-хорв. **sušina** мелкие сухие деревья (RHŠJ); словен. **sušina** часть растения, дерева, которая остается без влаги (SSKJ). В форме **сушина** — о дереве — из праслав. * **sušina**.

СЪЕДО́МЫЙ, СЪЕДО́МОЕ. Съедобный, съестное. Подп. СРГК: Пест., Новг., Ст., Др., Молв., Дем., Новг., под. (НОС); смол. Собств. новг.

Т

ТА́ЛЕЦ. Заросшее болото. Тихв. СРГК: *попынья* Белом., Канд., Карг.; *проталина* Кем.: *родник* Онеж.; печор. *незамерзающее место на болоте или у берега реки*. Доп.: *ключ, родник, незамерзающее болото* арх., сиб. Собств. новг.

ТАРА́С. Сруб, заполненный камнями. Тихв. СРГК: Чаг.; новг. *устой моста, набитый камнями* Тихв.; Д.: *укрепленный сваями берег*; укр. **тарас** *хворост для дорог, мостить тарасувати* (Гринч); пол. **tarasić** *бить, копать, громоздить, давить* (SGP); **taras** *непорядок, свалка чего-н.* (SGP); *укрепленная земляная насыпь* (KKN); словацк. **tarasit'** *загромоздить, громоздить что-н. на что-н.* (SSJ). Ф.: сравнивает с польск. и франц. **terasse**. В любом случае в ЛТГ — достаточно древний архаизм неясного по корню слова.

ТА́ТА, ТА́ТЕНЬКА, ТА́ТКА, ТА́ТУШКА, ТЯ́ТЯ, ТЯ́ТЮШКА. Отец, чаще в обрац. Кириш., Подп., Тихв. СРГК: Белом., Карг., Кондоп., Люб., Медв., Пуд.; новг. повсем. (НОС); печор., волог., яросл., твер., смол., дон., зап.-брян.; доп.; куб. *то же* (Ткаченко); бел. **тáтка, тáта, тя́та** (БРС); вост.-бел. (Б), гродн. (Сц); туров (ТС); укр. **тáто, тáтко** *то же* (Гринч.); бойк. (Он); пол. **tata, tatko** *то же* (KKN); чеш. **tata, tatka, tatuška, tatušek** *то же* (PSJČ); словацк. **tata, tato, tatka, tatko** *то же* (SSJ); в.-луж.; н.-луж. **tata, tatka, tatko** (Мука, SŠ); болг. **татко, тато, тате** (Геров); серб.-хорв. **tata, tatko** в обрац. (RHŠJ) **tate** кос.-метах.

(Елез.) **тáтко**, **тата** Лесковац., ябл. (Жугић); хорв. варадж. **tata**, (Лip.) **tata** (Торнов); словен. **tata** (SSKJ) SS: приводит обильный славянский материал; из праслав. ***tata**, детское слово; см. также Snoj Продуктивно на славянском юге, в укр., слабее на русском севере.

ТЕПЕ́ЛЬ. *Очень тепло*. Тихв. СРГК: Медв.; *о теплом воздухе от какого-н. предмета* Хв. Доп. **тепéль** Сильная теплота погоды Псков., Твер. Осташ. Собств. новг. (пск.-новг.).

ТЕ́ПЛИК. *Пирог* Кириш., Тихв. СРГК: Выт., Кем., Новг. Доп. *то же* Твер. Осташ. Новг. Валд., Молв.; Д.: **те́плик то же** Твр. Собств. новг.

ТЕСЕНЬНА. *Широкая лодка*. Тихв. СРГК: Пуд., Чер. От гл. **теса́ть** Собств. новг., проникшее в Белозерье.

ТЕСТЯНИ́К. *Пирог*. Тихв. В этом знач. узкоместн.; от **тесто** волог. **тэстеник нож, лопатка; валик для теста**.

ТЙ́НА. *Ботва*. Тихв. СРГК: Волог. Люб.; новг.: повсем (НОС); печор., волог., яросл., твер., моск., смол.; Д.: пск. *то же*. Образование говоров ВР (от паутина?) или семантическая инновация от общ.-русск. **тина** *что-н. густое, вязкое, засасывающее; ил.*

ТОЛКУ́Н чаще мн. *Комар, комары*. Чуд. СРГК: Пуд.; яросл. **толкунчик** *рой мошек*; смол. **толкуны́** *то же*. Образование говоров ВР. от **толкаться**.

ТО́РНУТЬ, ТО́РКАТЬ, ТО́РКНУТЬ. *Ткнуть, воткнуть, ударить, стукнуть, толкнуть*. ЛТГ: повсем.; СРГК: повсем. (искл. Беломорье); новг. **то́ркать** Ок.; **то́рнуться** Молв. Тихв. (НОС); печор., волог., яросл., твер., моск.; дон. **торновáть** *обрабатывать снопы перед молотьюбой; сгонять, овец вместе* (БТСДК); куб. **то́ркаться** *касаться, прикасаться* (Ткаченко); бел. **то́ркнунць, то́ргаць, то́ркаць** (Носович, БРС); вост.-бел. (Б.); **то́ргнуць** туров (ТС); укр. **то́ргати, то́ркати, то́ркнути** *то же* (Гринч); пол. **torknąć** *ударить, толкнуть* (SGP, KKN); чеш. **trknouti** (PSJČ); словацк. **trknut'** (SSJ); болг. **тркам** (Геров); мак. **трка** (PMJ); серб.-хорв. **trknuti** (PHSJ); **тркнут** Загараца (Ђулић); дубр. (Бојан.); хорв. варадж. **t'rknuti** (Лip.). Из праслав. ***тъrk, тъrkati** (Ф., Snoj).

ТОЧЬИ́ТЬ. *Ткать*. Бокс., Кириш., Лод., Тихв. СРГК: Бат. Тер. Уст. **то́чево, то́чэвный**; ЛТГ: повсем.; в НОС: т. **точевина, то́чэвный** *сделанный из холста; то́ча* *домотканый халат*; волог. **то́ча, то́читься** *пробираться, проникать куда-н. сквозь что-либо*; **то́чить** из праслав. ***točiti** (Ф., SS) Однако значение *шить* т.

в новг., твер.; пол. **toczyć** (SGP). Во всех слав. диалектах основное значение *сочиться, течь, лить, вертеть, обтачивать что-н.* Таким образом, значение *шить* скорее семантическая инновация говоров ВР.

ТРЕТЬЯК. *Лошадь, корова на третьем году.* Баб. Вашк. Кем., Кондоп., Чуд. СРГК: Прион., Пуд.; новг.: повсем. (НОС); печор., волог., моск., твер. *то же.* дон. **третьяшка, третьяк** (БТС-ДК); бел. **трещяк** *то же* (Носович) туров (ТС) Русско-белорус. изоглосса. Образование говоров ВР.

ТРОПАТЬ. *Месить, взбивать, мешать.* Кириш., Тихв. СРГК: Медв., Новг.; *бодать* Онеж.; *топать* Бат.; новг. *месить* Кр. Уторг. *садиться быстро, прыгать, бойко бежать* Чуд., Тихв. (НОС); печор. **тробаться** *идти с трудом*; волог. **тробать** *выслеживать зверя*; яросл. **тробнуть** *мокнуть*; смол. **тробать** *суетиться, бежать, идти мелкими шажками.* Доп. **тробать** *идти* Псков. Твер. *Осташ*; **тробнуть** *побежать* Кур. Обоян.; бел. **тробацяца** *хлестаться, ударяться* (Носович); укр. **тробати** *топать* (Гринч) **тробати** *стучать тропотіти* *молотить языком*, экспр.; пол. **tropić** *выслеживать кого-н.*; болг. **тропам** *стучать, ударять громко; топтать ногами* (Геров); мак. **тропа** *делает что-н. с шумом* (РМЈ); серб.-хорв. **tropati** *ударить* (RHSJ); **trōpat** *ударять чем-н. обо что-н. кос-метох* (Елез.) **trōпам** *то же* (Жугић) **trōпоња** *прозвище мужчины* Загарача (Ђупић) хорв. кайк варадж. **t'ropati** *вмешиваться во что-н.* (Lip.) **tropāti** *стучать в ворота* (Tornow) Ф. приводит большой славян. материал. В знач. *ударять, давить* из праслав. ***tropati**; активно в южн.-слав.

ТЫН. *Часть стены от столба до столба у ворот; изгородь, ограда.* Бокс., Кириш., Лод., Подп., Чуд. СРГК: Вашк. Кад., Карг. Кондоп., Уст., Чер., Шексн.; новг. повсем. (НОС); печор., волог., яросл., твер., куб. *то же*; моск. **тыннйак** Д.: **тын** *то же* южн., зап. новг.; бел. **тын** *то же* (Носович, ВРС), туров (ТС); молодецн. (Бекіш 1960) гродн. (Сц); укр. **тын** *то же* бойк (Он); пол. **tyн** *то же* (SGP); чеш. **tyн** *ограда* (PSJČ); словацк. **týň** *дубовые бревна, жерди* (SSJ); серб.-хорв. **tin** *стена, перегородка между комнатами* (RHSJ) Ф.: древнее заимствование из герм. В ЛТГ из ДДЗ; а исторически из праслав. ***tynъ/tinъ**.

У

УПЕТАТЬСЯ. *Устать до изнеможения.* Кириш., Тихв. СРГК: Белоз., Вашк., Выг., Кад., Кем., Кондоп., Лоух., Медв.,

Чер., Шексн.; яросл.; твер. волог., вят., арх., тамб., кур.; Д.: **упётать** яросл.; бел. **упётаць** *убить* (Носович); серб.-хорв. **upetiti** *случиться, выдаться; запомнить* (RHSJ); словен. **upetati** экспр. *уйти* Ф.: связано с **пéхтать**; (вряд ли АГ). В сев.-рус. — маргинальный архаизм праслав. ***upĕtati**.

УПРЯЖКА. *Часть рабочего дня до обеда и после обеда, отдельный период работы без перерыва, отдыха*. Кириш., Лод., Подп., Чуд., Тихв. СРГК: Выт., Канд., Карг., Медв., Новг., Уст., Чаг.; новг.:повсем. (НОС); волог., яросл., моск., твер., смол., дон. *то же*. Образование говоров ВР.

УРÁЗ. *Ушиб, повреждение, болезненное состояние*. Медв., Онеж., Севмор., Тер., **урáзный** *больной* Пуд.; печор. **у́раз** *порча от колдовства*; новг. **урáзина** *что-н. очень большое; некрасивый человек* (НОС); волог. **урáзина**; яросл. **дать урáза**. Доп. **урáзить** *ушибить* Вят.; бел. **урáзина** *рана*; пол. **uraz** *рана, повреждение* (KKN); чеш. **uraz** *повреждение на теле, рана* (PSJČ); словацк. **úraz** *то же* (SSJ); болг. **уразявамся** *о чувстве отвращения* (Геров); серб.-хорв. **uraziti** *повредить* (RHSJ). В форме **uraz**, **ураз** в знач. *телесное повреждение* из праслав. ***urazь** от ***raziti** (сев.-слав.). В ЛТГ и в сев.-рус. маргинальный архаизм, слабо представленный в русских диалектах.

У́СОВ, УСÓВА. *Детская болезнь, колики*. Тихв. СРГК: Онеж.; яросл. **у́сови** *боль, болезнь*. Д.: **усóв** новг., тамб., кал. *кто без толку везде суется*; арх. *утопить*; серб.-хорв. **usov** *болезнь человека, животного*; **усóван** *кто плохо ведет себя*. Узкоместн. праслав. архаизм (?).

УСТÓЕК, УСТОЙКА. *Сливки, пенка*. ЛТГ: повсем. СРГК: повсем. искл. Белое море; новг.: Ок., Дем., Полав., Ст., Тихв., Чуд., Кр.; печор. **устóй**, волог.; тамб. *сливки* (Губарева) Доп. **устóек** пск. *то же*. Собств. новг. занесенное на юг.

У́ХО *Отверстие в бревнах предназначенное для их скрепления, паз*. Лод., Тихв. СРГК: Новг., Баб, Кирилл., Онеж., Тер., Чер.; новг. *то же* повсем.; яросл. **у́хо** *то же*. Собств. новг.

УХÓЖА, УХÓЖЬ. *Пастбище, выгон*. Бокс., Лод., Тихв., Чуд. СРГК: Белоз., Кад., Медв., Новг., Плес.; Пуд. Уст.; яросл., твер. *то же*. Д.: **ухóжа** новг. *то же*. Собств. новг.

УШНИЦА. *Жердь для поддержания стога*. Подп., Тихв.; СРГК: Выт., Пуд. собств. новг.

X

ХАБА́ЛКА. *Болтун.* Лод. **ха́бала** *неряха* Чер.; **хаба́ло**, **хаба́льник** *рот* Подп.; печор. **хаба́рцы** *безделье*; волог. **хаба́зина** *большой дом*; **хаба́ра** *громогласный человек, не умеющий скромно вести себя в обществе*; **хаба́рный** *жадный*; яросл. **хаба́лка**, **хабы́ска** *наглая, бесстыдная женщина*; **хаба́льничать** *вести себя непристойно*; **хаба́к**, **хаба́л** *грубый, наглый человек*; смол. **хаба́ль** *распутничать*; **хаба́ра**, **хаба́рник** *хапуга*; **хаба́л** *нахал*; моск. **хаба́лда**, **хаба́лка** *наглая, бесстыдная женщина*; **хаба́лить** *хамить*; дон. **хаба́рка** *нахалка*; зап.-брян **хаба́р** *взяточник*; дон., волгогр. (Добринка), кубан., дон. **хабу́р-чабур** *всякая всячина* (Борисова, БТСДК); тамб. **хаба́ра** *подарки, взятка* (Пискунова 2002) ср. и русск. фамилию **Хабло**; Опыт: **хаба́лка** *наглая бесстыдная женщина* Владим., Саратов., Симб., Твер.; *повеса* Тул., Волог.; **хаба́льник** *озорник, ругатель* Симб.; **хаба́лить** *ругать, озорничать* Симб. Доп.: **хаба́лда** *наглая бесстыдная женщина* моск., яросл.; **хаба́л** *озорник, наглец* Казан. Спасск. **хаба́льник**, **хаба́льга** *обироча, наглец* Псков. Д.: **хаба́лить** *влгд., смб. ругаться, буйнить, озорничать*; **ха́била** *кур. нахал, наглец, озорник*; **хабу́нька** *пск. хижина, сарайчик*; бел. **хабо́цце** *лохмотье* (Носович); **хавбень** *олух, ха́баль* *распутник* туров (ТС); **хабел** *нахал, хам* вост.-бел. (Б); укр. **хаба́ль**, **хаба́льница** *любовник, любовница, волокита* (Гринч); **хавел** *никчемный человек*... (Лисенко); **хаб**, **хабя** *презрительно о старом человеке*; пол. **chabal** *волокита, Э распутник* (SGP, KKN); чеш. **hal** (PSJČ); словацк. **haba** *негодник, о человеке*; **habkat'** *говорить неясно, habkač* *презрительно о человеке* (SSN); **habat' sa** *ходить, болтаться где-н.* экспр. (SSN); болг. **хабя** *разрушать, портить, тратить* (Геров); хорв. **hābati** *экспр. идти за кем-н.* (Tornow); **hābati** (Lip.); словен. **habati** (Skok) Младенов, Ф., Skok, Snoj; справедливо сравнивается с др. русск. **па́хабный**, **похабити**; серб.-хорв. **habati**. Из праслав. ***xabiti**, ***habati** с общим значением *делать, поступать, вести себя не так, как надо*, восходит к и-евр. В ЛТГ — наследие праслав.

ХА́ТУЛЬ. *Заплечная сумка.* Люб. СРГК: Медв.; новг. повсем. (НОС) Опыт.: **хату́ль** *мешок* Смол., Росл. Д.: **хату́ль** *смл. котомка, мешок*; бел. выг. **хату́ль** (Ралавец 1960). В этой форме образование говоров; ВР. Вероятно, действительно, учитывая и ареал и значения от **коту́ль** (Ф.); ср. новг. **коту́ль**.

ХЛЕБНЯ́. *Кушанье; окрошка.* Кириш., Тихв. Опыт: **хлебня́** *похлебка* Волог., Грязов. В этом значении — узкоместное, занесенное в волог.

ХМА́РА. *Туча.* Тихв. СРГК: **хма́рить** *покрываться тучами, хмарный* *облачный* — т. Тихв.; **хмарь** *пасмурная погода* Выт.; новг. **хмарь** *пасмурная погода* Мал.; печор., волог., моск. **хма́рь** смол. **хма́ра**; дон. кубан **хма́ра** (Борисова); зап.-брян. **хма́ра, хма́рны.** Опыт: **хма́ра** *густой туман* Калуж. Д.: южн., зап.; бел. **хма́ра, хму́ра, хму́ририцьца** (БРС, Носович); **хма́ра** вост.-бел. (Б), гродн. (Сц); туров (ТС); укр. **хма́ра** *туча* (Гринч); пол. **chmara, chmura** (KKN); каш. **smura** (Sl. et. kasz) Ф.: из сочетания **хмура** и **марь** — туман. Sl. et kasz. каш. **Xmura** о дожде чеш. диал. **smouga**; из праслав. ***chmura, smura**; SŃ: в.-луж. **hmurić**, рус. **смурый** из праслав. ***chm-u** В ЛТГ из пск.-бел. В любом случае — **хма́ра** крайняя периферия праслав. слова, характерно отсутствие в арх., волог.

ХМЫ́ЛИТЬСЯ. *Улыбаться.* Чуд. СРГК: Плес. *О лошади, показывать оскал* Кондоп. ср. общ.-рус. **ухмыляться**; новг. **хмыль, хмырь** *сердитый, необщительный человек; хитрец* Мар., Ок., Оп., Хв.; моск. **хмыля́ть** *пылать огнем*; смол. **хмыля́ться** *ехидно улыбаться.* Опыт: **хмы́лить** *плакать, хныкать* пенз. *улыбаться* Новг., Тихв., Твер. Д.: новг., твр. **хмы́лить** *ухмыляться*; бел. **хмы́лиць** *о лошади: выражать ярость мородой хмы́лицьца лукаво улыбаться* (Носович), вост.-бел. о лошади (Б); пол. **chmurzyć** *покрываться облаками*; серб.-хорв. **hmiļeti** *роиться, скапливаться, о насекомых, мелких животных.* Контаминация праслав. ***chmur** и ***chmyl**.

ХРЯ́ПА. *Ботва овощных растений чаще капусты.* Кириш.; новг. **хря́пка** *то же* Молв. (НОС); яросл. *растения, попадающие в невод* твер. *ботва* (Тем. сл., 2006), дон. *кочерыжка*; зап.-брян. **хря́пка** *кочерыжка*; Опыт: **хря́па** *верхние изрубленные листья капусты* Новг., Псков. Доп.; **хря́пка** *рубленая и запаренная для скота капуста* Псков., Твер. Осташ. Д.: **хря́па** нвг., пск. *верхние капустные листья*; **хря́пка** тул., орл., вор. *капустная кочерыжка*; пск. *остатки капусты, пареные для скота*; бел. **хря́пка** *капустная кочерыжка* (Носович); **хря́па** *то же* туров (ТС); **хряпá, хря́пка** *то же* вост.-бел. (Б); укр. **хряпá, хря́па** *кочан* (Лисенко) Ф.: из ***хгѣр** из ср.-верхн.-нем. **schrimpfen** *сморщиваться.* В ЛТГ из бел.; русско-бел. изоглосса; от **хря́пать** *ударять, бить.*

ХУ́СТКА. *Платок.* Тихв. СРГК: Уст.; новг. **ху́стка,**

хўсточка Бор., Новг.; волог. смол. *то же*; кубан. *то же* (Борисова), ряз. *то же* (Осипова); зап.-брян. *то же*; Опыт: **хўстка** *изношенный носовой платок* Курс. Псков.; Д.: **хўстка** юж. зап. *то же*; бел. **хўста**, **хўстка** (Носович, БРС); *то же* вост.-бел. (Б), гродн. (Сц); *то же* туров (ТС); укр. **хўста**, **хўстка** *то же* (Гринч); бойк. **хўстка** *кусок домотканого полотна* (Он); пол. **chusta**, **chustka** *платок* (KKN). Ф.: вост.-слав. из польск., польск. из рум. *fusta*, алб. *fustë* из итал. *fustagno*. В ЛТГ проникло в эпоху Пол.-Лит. гос-ва.

Ц

ЦЁЛОВЫЙ, ЦЕЛОВОЙ. *Цельный, целостный.* Кириш., Тихв. СРГК: Новг.; новг. **целовой** *то же* Мал. Молв. (НОС); яросл. **целовой** *то же*; моск. **целовой** *цельнокроеный*; укр. **цальбовый** *о доске в дюйм.* бойк. (Он); пол. **celowy** *цельный* (KKN); серб.-хорв. **сjelov** *то же* (RHSJ); словен. **celovit** *то же* (SSKJ). Из праслав. ***celovъ**; слабо зафиксировано и собрано по диклектам.

ЦЁЛОК. *Сузроб.* Тихв. В этом значении узкоместн.

Ч

ЧАПИТЬ. *Подцеплять, поддевать.* Кириш., Подп., Тихв. СРГК: Баб., Кондоп., Пуд.; новг. **чапить** *раскачивать что-н.* Мал.; **чапать** экспр. *ходить, идти повсем.*; *топать, стучать ногами* Ок., Новг.; *сплетничать, шалить* Новг., Дем. (НОС); яросл. **чапить** *падать, наклоняться*; зап.-брян. **чапать** *медленно идти; тревожить чаплять цеплять*; тамб. **чэпать** *цеплять* (Губарева); Опыт.: **чапать** *брат* Тул. **чипать** *трогать* Калуж. Доп.: **чапать** *затрагивать, украсть* Псков., Твер. Осташ.; бел. **чапіцца**, **чапляцца** *цепляться, чапаць* *трогать, задевать* (БРС); вост.-бел. **чапыцца** *едва ходить* (Б); укр. **чапати** *рвать плоды; медленно ступать*; **чапіти** *плохо работать* (Гринч.); **чапіти** *едва ходить* бойк (Он); пол. **czepić** *рвать, czarnać, ćparić* *схватить вырвав* (KKN); словацк. **čarít'** *экспр. ходить*; в.-луж. **čараć se, ćepić** (SŠ); н.-луж. **čараś** *шлепать, бежать за кем-н.* **čараś se** *качаться*; серб.-хорв. **čariti, čapati** *делить, отделять* (RHSJ); **чапкам** *плескаться в воде, бродить по воде* пирот. (Живк.); **чепат** *ворчать*; *бить* кос.-метох. (Елез.) **чапáтим** *кричать* (Жугић); **чапат** *хвататься за что-н.* Загарача (Ђушић); хорв. **čapati** (Lip); словен. **čepéti** *сидеть на корточках* (SSKJ); **čepeti, роčepniti, наčepiti**

то же (Тез каринт). Ф.: с общим значением *хватать* из праслав. ***čar** (kēr); Spoj; из праслав. ***čereti** Праслав. глагол с широким диффузным значением. Значение *цеплять, задевать, хватать* как будто бы более представлено в сев.-слав.

ЧАШКА. *Коленный сустав*. Чуд.; бел. **ча́шычка** *то же* (БРС); пол. **czaszka** *голень, сустав, бедро* (ККН). От эпохи Пол.-Лит. гос-ва (?); общерус., литер. чашечка коленного сустава.

ЧЕРЕМША́, ЧЕРЕМШИ́НА. *Черёмуха*. Лод., Тихв., Подп. СРГК: Баб., Карг., Кондоп., Медв., Онеж., Пуд.; новг. **черёмуха, черёмшина** *то же* повсем. (НОС); печор. **черемшина** *то же*; твер. **черёмха** (ТС, ГТВ 2006); **черемшина**. Опыт.: **черёмшина** *дерево и ягоды черемухи* Псков. Опоч. Доп.: **черёмша, черемховые ягоды** Псков., Твер. *Осташ.*; бел. **чарэмшына** *то же* (БРС); вит. **чарэмха** (Ралавец); гродн. **чарómха** (Сп); укр. **черемшина** *об одном отдельном дереве* (Гринч); пол. **czereńcha** *то же* От эпохи Пол.-Лит. гос-ва.

ЧИ́СТЕНКА, ЧИ́ЩЕНКА. *Место, расчищенное от кустов для покоса*. Бокс., Лод., Подп., Тихв., Чуд. СРГК: Люб.; новг. **чи́стинка, чи́щенька** *то же* (НОС); печор. **чи́щеница** *то же*; волог. **чищэнье** *то же* (Диляктроский); смол. **чи́щенок** *то же*; ряз. деул. **чистинка** *поляна*; Д.: сев., вост.; бел. **чысціна** (БРС); туров. (ТС); укр. **чистина́** *незаросшее место в лесу* (Гринч); пол. **czyścina** *то же* (ККН); словацк. **čistina, čistinka** *то же* (SSN); болг. **чистина** *то же* (Геров); серб. **чистинка** *чистая часть поля лесковач, яблон (Жугић)* В обеих формах с данным устойчивым значением восходит к праслав. ***čistina, *čistinьka**.

ЧУБЫ́Р. *Нарост на капусте*. Чуд.; дон. **чуба́рь, чубу́р чебрец** (БТСДК). Как в новг. так и в других слав. диалектах большое число производных с корнем — **čub** восходит к праслав. ***čubь** — *о волосах, о неровной поверхности чего-н.* (Ф. Гринч., ТС, бел. SGP, SSN, Мука). Значение, обозначающее растение, траву с длинными листьями см. в словен. SSKJ; **čuber**; серб.-хорв. **čubar** (RHSJ).

ЧУ́КНУТЬ. *Произнести слово, сказать, пикнуть*. Подп.; **чуку́ша** *неряха* Тихв.; ряз. деул. **чу́кнуть** *ударить, стукнуть*; бел. **чу́каць** *подскакивать, подпрыгивать* туров (ТС); укр. **чукати** *забавлять ребенка* (Гринч); словацк. **čukat', čuknut'** *ударить*; широко в южн.-слав. общ.-болг. **чукам**; мак. **чукне** *ударить, стукнуть* серб.-хорв. **čukati** для значений об издаваемых звуках *кудахтать*; **чукам** *пирот*; хорв. кайк **č'uknuti** *кудахтать*,

клонуть (Lip); *čukàti* кричать (Tornow); словен. *čukast* мрачный неприязненный (SSKJ). По-видимому, восходит к праслав. **čukati*, *čukъ* с разветвленной радиацией древнего диффузного значения. Сев. рус. *чүкнуть* произносить, сказать сохранило архаику одно-го из звеньев семантической радиации.

Ш

ШАВАТЬ. *Ходить, бродить.* Бокс., Кириш., Лод. СРГК: *шавать, шавить* то же повсем.; новг. *то же* повсем.; *есть, кушать; лаять* (НОС); печор. *шавить* о головокружении в голове; волог. *шаваться* сниться (Дилакторский) *шаврать, шаврить, шаврять* ходить вяло; яросл. *шавать* делать что-н. не торопясь; *искать, шарить*; твер. *шавать* шуршать обувью; зап.-брян. *шаволить* шевелить; дон. *шаверь* мелочь, *дрянь* (БТСДК); Опыт.: *шавать* медленно ходить волоча ноги Новгор., Тихв. Д.: *шавать* ногами бел. *шавель* бранно, сволочи (Носович); пол. *szawiać* метать, трясти, бросать (KKN); н.-луж. *šawliś* шляться, бродить без дела (Мука); болг. *шавам* (Ф.); мак. *шава* болтаться, туда-сюда, шататься (РМЈ); серб. *шавница* длинная веревка к стогу сена (Загарача) Ф.: *шавать* — ступень чередования от шевелить. *Vežlaj* приводит словен. *šavati, šavrati* вертеться, ходить без дела, хорв. *šavrati* то же, может быть от праслав. * *šavati* экспр. Скорее всего праслав. экспрессивный глагол с первоначальным основным значением *двигаться, ходить*, которое и сохранилось в сев.-рус.

ШАРКАТЬ. *Быстро двигаться в разных направлениях и целый ряд других значений: мять, толочь, энергично делать что-н., гнать, толкать, не давать покоя и др. искать, смотреть.* повсем.; новг. *шаркать* молотить, ходить шаркая; *шуметь; шаркнуть* ударить; *сильно пойти о дожде* повсем. (НОС) Уже в сев.-зап. русск. — глагол с диффузной гаммой значений.; печ. *шаркнуть, шарнуть* бросить, шваркнуть, сильно ударить; яросл. *шаркать* ходить экспр.; моск. *шаркнуть* ударить; смол. *шаркать* шарить; ряз. деул. *шаркать* бродить с целью достать что-н.; бел. *шаргаць* шаркать ногами туров (ТС); укр. *шаркнути* резко провести чем-н. по косе, лопате (Гринч); *шаргати* грязнить в хате, идти с трудом по грязной дороге (Он); пол. *szargać* ходить, бродить по болоту (SGP); *szarkać* двигаться; *дергаться от боли* (KKN); болг. *шоркам* течь (о воде) Ф.:

рус. **шáркать, шáркнуть** звукоподраж. Bezlaј приводит словен. **šargati**, хорв. **šargat** скрипеть чем-н. твердым по другому предмету, пол. **šargać** мазать; чеш. диал. **šargavy** в конечном счете от *šarǵь В то же время глагол. **šarati** скорее от праслав. *šarkati с основным значением *двигаться, ходить с трудом, шаркая*.

ША́СТАТЬ. *Бродить без дела, слоняться.* ЛТГ: повсем.; СРГК: повсем.; *толочь (зерно)* Чуд., Люб., Новг.; волог. ярсл. зап.-брян.; кубан. **ша́стать** *бегать без нужды* (Ткаченко) дон. **ша́ствовать** *бродить без дела* (БТСДК); Д.: вост., вор. бел. **ша́стаць** *шуршать, шелестеть* (БРС); туров (ТС); **ша́стание** *беготня* (Носович) **ша́стаць** *набрать, натаскать чего-н.*; **ша́стацьца** *колебаться*; укр. **ша́стати** *ходить туда-сюда, шнырять*; пол. **szastać, szastnąć** *идти, ударять, бросать, ударить чем-н., прыгнуть* (SGP, KKN); чеш. **šastnouti** диал. *послать, отправить* (PSJČ) Ф.: звукоподр. Возможно, что звукоподраж. глагол с диффузным значением; сев.-слав.

ША́ЯТЬ. *Тлеть; ныть, зудеть (о боли).* ЛТГ: повсем. СРГК: повсем.; печор., волог. *то же* (Дилакторский) Д.: сев. сиб.; бел. **шая** *непоседа* туров (ТС); хорв. **ša:jan** *неясный, туманный, сумрачный* (Palkovits). Возможно, что реликтовый рудимент праслав. *sajati.

ШКО́ДНИЧАТЬ. *Смеяться, насмехаться* Тихв.; Опыт. **шкóда** вред. Кур. Псков. Великолук. Доп.: **шкóдить** Кур. От праслав. *škoda, škoditi В словарях — Носович БРС, ТС, Сц, Б., Гринч, SGP, KKN, SŠ, SSN, PSJČ, Lip., RHSJ, Palkovits, Turčić — см. обширные славян. материал.

ШЛЯ́НДАТЬ, ШЛЁ́НДАТЬ. *Идти, ходить вперевалку* Лод., Тихв., Чуд. СРГК: Тер.; *ползать* Пуд.; печор., волог. **шлён-датель, шля́ндать** (Дилакторский); ярсл. **шлёндатель** *ходить бо-сиком по грязи; без дела, слоняться*; смол. **шлы́ндать** *бесцельно бродить не занимаясь делами*; зап.-брян. **шлы́ндаць** *то же*; тамб. **шля́ндать** (Пискунова 2002); дон. **шля́ндать, шлы́ндать** *гулять, шататься* (БТСДК); Опыт. **шля́ндать** *ходить, едва волочить ноги* Волог. Сольвычег Ярсл.; *бродить по грязи* Твер. Доп.: **шля́ндать** *пачкать, грязнить* Псков., Твер., Осташ.; бел. **шлы́ндаць** *бродить, шляться* (Б, БРС); укр. **шлю́ндра** *бранно* (Гринч); пол. **szlądać** *то же* (KKN); **szlądrać** *то же* (SGP); чеш. **šlendrian** *неаккуратный неопрятный человек* (PSJČ); словацк. **šlendrián** *то же* (SSJ) Ф., KKN: экспр. из нем. schlendern В ЛТГ из бел.

ШМАКАТЬ. *Есть, питаться.* Лод., Тихв., Чуд.; яросл. **шмак** *ком теста, масла*; зап.-брян. **смак** *вкус*; дон. **шмагну́ть** *счититъ грязь быстрым движением* (БТСДК); Доп. **шмя́кать** *есть не разбирая качества съедобного* Псков., Твер. *Осташ.*; пол. **szmakać** *смаковать* (SGP); словацк. **šmakovať** *то же* (SSJ); ŠS: в.-луж. **šmak**, н.-луж. **šmek**; пол. **smak**. Из в.-нем. **schmack**, **smak** в рус., укр., бел. из пол. Не ясен вопрос о времени проникновения. В ЛТГ отэпохи Пол.-Лит. гос-ва (?).

ШМЫ́ГАТЬ, ШМЫ́КАТЬ, ШМЫ́ГНУТЬ. *Тереть, скоблить, стирать.* Чуд., Тихв.; *уезжать, исчезнуть.* Чуд.; новг. **шмы́кать** *тереть что-н. повсем.* (НОС); **шмы́гнуть** *быстро поточить*; твер. **шму́гать** *шаркать*; смол. **шмы́га** *о проворном человеке*; дон. **шмы́га** *рубанок*; кубан. **шмыга́ть** *незаметно и быстро убежать* (Ткаченко); Доп. **шмыговáть** Ворон. общ.-рус. **шмыгнуть**; бел. **шмы́гаць, шмы́каць** *бежать туда-сюда* (Носович); укр. **шмы́глять** *шнырять* **шмыгну́ти** *убежать* **шмыгува́ти** *ровнять камень в мельнице* (Гринч) ср. укр. фамилию **Шмы́га**; пол. **szmygnąć** (SGP); болг. **шмугвам** *быстро залезть куда-н.* (Геров); слов. **šmihnúť** *махнуть*; **šmihat'** *ударить, вертеть* (SSJ); серб.-хорв. **šmigati** *быстро убежать, исчезнуть* (RHSJ); Ф.: экспр. от **смыгать**. Bezlaј; словен. **šmugniti** *исчезнуть, скрыться*; хорв. **šmugnuti**, чак **šmugnut**; серб. **šmugnuti** и праслав. ***šmügati, *smýgati** *быстро исчезнуть, скрыться*. В таком случае сев.-рус., обще-рус., общ.-бел. сохранило и старое первичное значение, в вост.-слав. развилося и новое — *тереть, скоблить, ровнять, точить*.

ШО́РКАТЬ. *Сообщать тайно о чем-н.* Чуд. СРГК: *тереть, скрести (пол, стены)* Тер.; *ходить, передвигать* Карг.; *пролетать со свистом* Пуд.; **шоркану́ться** *удариться, наткнувшись на что-н.* Лод.; **шорка́ться** *тереться* Тер.; *возиться плескаться с кем-н.; посещать, заходить куда-н.* Кем., Карг.; *ходить из стороны в сторону* Тер.; *качаться, колыхаться* Онеж.; новг. **шор́кать** *тереть очищая* Сол.; волог. **шор́кать** *тереть, растирать, шелестить* (Дилакторский); печор. **шор́кать** *тереть*; смол. **шор́кать**; бел. **шор́хаць** *шаркать* (Носович); **шор́гаць** *тереть* (БРС); хорв. **šóрати** *толкать, толкаться* (Lip.); Bezlaј; серб. **šóra** *течь с шумом*; мак. **šora** *уринировать*, хорв. **švôrgati** *то же* из праслав. ***šor**. Возможно, что и праслав. но развившее большое число новых значений, в том числе и в сев.-рус.

ШУКА́ТЬ. *Искать.* Лод., Подп., Тихв., Чуд. СРГК: Баб.,

Вашк., Выг., Плес., Пуд.; печор. **шукнѹть** *поискать*; волог. **шукать** *то же* (Дилакторский); смол. **шукать** *то же*; дон. **шукать** *то же* (БТСДК); кубан. **шукать** (Борисова); Опыт. **шукать** *искать* Дон., Смол., Кур.; Доп.: **шукать**; бел. **шуканне** (Носович) **шукать** *то же* туров (ТС); укр. **шукати** *то же* (Гринч); пол. **szukać** *то же* (SGP, KKN); чеш. **šukati** *то же* (PSJČ); словацк. **šukat'** *бродить без цели* (SSJ) Ф.: вост.-слав. **шукати** из польск., а польск. из др.-верхн.-нем. **suchan** и ср.-верхн.-нем. **suchen**. В свете данных слав. диалектов — вряд ли; см. Bezlaј; словен. **šukat'** *шаркать ногами*, чеш. **souhat se**, SŠ: в.-луж. **šukotać** *журчать, шипеть* В форме **шукать** в ЛТГ — наследине прасл. (сев.-слав.) **šukati** с тем же основным значением *искать*.

ШУМА́. *Сор, мусор.* новг. повсем (НОС); волог. **шум** *густо навалившийся на землю осенью древесный лист* (Дилакторский); смол. **шума** *мусор*; Опыт **шума** *всякий сор* Псков., Великолук., Твер. Осташ. Тороп. Хлом. Д.: **шума** юж., зап. *сор*; бел. **шум** *мусор* вит (Ралавец 1960) **шума** *туров пена* (ТС); **шум** *пена, накипь* (Носович, БРС); укр. **шума** *остатки соломы*; **шум** *пена, накипь* (Гринч, Он); пол. **szuma** *лес* (SGP, KKN); чеш. **šuma** *лес* (PSJČ); словацк. **šum** *пена* (SSN); мак. **шум** *лес*; *листья с веток* (PMJ); серб.-хорв. **šuma** *лес* (RHSJ); **шума** *кос.-метох. и лес и листья* (Елез.) **шума** *Загарача ветки, хворост* (Ђушић). Bezlaј: от **šuméti**. Обильный слав. материал и семантическую историю см. Толстой 1969. ЛТГ хорошо сохраняют праслав. значение *мусор*.

ШУНЯТЬ. *Ругать бранить.* Подп., Тихв.; **шунѹть** *пошатнуться* т. Выг. Пуд.; ряз. деул. **шунять** *упрекать, бранить*; новг. **шуня** *озорник* Тихв. **шунявый** *озорной* Тихв. (НОС). На древность этой семантической ветви может указывать т. серб.-хорв. **šunuti** *прийти, пасть в голову, прийти на память* (RHSJ).

Я

ЯЗВѢЦ, ЯЗВѠ. *Барсук* ЛТГ: повсем.; СРГК: повсем. искл. Белое море; новг. **язвѣц, язвѹк** (НОС) Опыт. **язвѣц** *барсук* Твер.; Доп. **язвѠ** *барсук* Новгор., Тихв. Д.: юж *барсук*; укр. **язвина** *нора* (Гринч), бойк. (Он); пол. **jaźwiec** *то же* (KKN); чеш. **jezvec** *то же* (PSJČ); словацк. **jazvec** *то же* (SSN); н.-луж. **jazw** *то же* (Мука); болг. **язовець** *то же* (Геров); серб.-хорв. **jezavac** *то же* (RHSJ); черног. Загарача **jàzavaц** (Ђушић) Ф.: из праслав. ***jazvъ, *jazvъсь** Сев.-рус. говоры сохранили и древнюю форму и значение.

ОБ ОТРАЖЕНИИ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ЗАПИСЯХ ИЖОРСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Ижорские эпические песни впервые привлекли внимание фольклористов в середине XIX в. Э. Лённрот, побывавший в Ингерманландии в 1844 г., использовал некоторые руны при составлении второго расширенного варианта карело-финского эпоса «Калевала» (1849). Собрание так называемых рун калевальской метрики проводилось в Ингерманландии финскими исследователями до конца XIX и в начале XX в. Позднее, в 1915–1931 гг. значительная часть этих материалов была опубликована в нескольких выпусках 33-томного собрания «Старые песни финского народа»¹. Однако большой объем черновиков не был расшифрован и до сих пор хранится в архиве Общества финской литературы в Финляндии. Дополнительный 34-й том, основанный на некоторой части этих архивных записей, вышел в 1997 г.

В середине XX в. эстонские и карельские ученые продолжили запись ижорских песен у их последних носителей. Собранные материалы легли в основу двух сборников: «Народные песни Ингерманландии»² (далее НПИ) и «Ингерманландская эпическая поэзия»³. По мнению Э. Киуру, одного из составителей и редакторов этих собраний, к концу XX в. ижорская песенная традиция в Ингерманландии переживала «период угасания»⁴.

В предисловии редактора ижорских текстов для сборника НПИ признанный специалист по ижорскому языку эстонский языковед

¹ Suomen kansan vanhat runot. Helsinki, 1908–1948.

² Народные песни Ингерманландии. Л., 1974.

³ Ингерманландская эпическая поэзия. Петрозаводск, 1990.

⁴ Народные песни Ингерманландии. С. 8.

© И. С. Николаев, 2008

А. Лаанест отмечал: «Несмотря на то, что в серии “Suomen kansan vanhat runot” издано огромное количество ижорских народных песен, в распоряжении лингвистов пока мало таких публикаций, которые могли бы служить надежным источником при изучении языка ижорской народной поэзии. Дело в том, что большинство собирателей ижорского фольклора не обращало достаточного внимания на точную передачу языка песен»⁵. Записи ижорских народных песен в НПИ были проверены А. Лаанестом и могут заслуживать доверия.

Финский лингвист Л. Харвилаhti, написавший монографию о сведениях устного эпического народного творчества, поясняет свое критическое отношение к записям: «Собиратели не всегда понимали/толковали правильно тексты рунопевцев. Кроме того, имеются значительные расхождения, например, в транскрипциях диалектов тогда, когда [собиратели] следовали каким-то нормам. Так, текст Поркки ближе к первоначальному облику диалекта, чем текст Алавы, а Й. Луккаринен помимо того, что исправлял тексты согласно правилам письменного языка, еще и нередко неправильно понимал услышанное»⁶.

Исследователь языка ингерманландской сказительницы Параскевы Никитичны Лариной (в Финляндии ее называют по диалектному имени — Ларин Параске) П. Лауерма пишет, что согласно сложившемуся мнению, наиболее старые записи рун калевальской метрики с лингвистической точки зрения не вызывают доверия. Это стало одной из причин недостаточного внимания языковедов к исследованию языка народных песен. Однако общее недоверие к точности записей старых рун «бросило тень» на такие записи, которые велись учеными, знакомыми с местными диалектами, и выполненными на достаточно высоком уровне⁷. П. Лауерма строит свое исследование на материалах финских исследователей А. Борениуса, в записях которого «использовалась довольно точная фонетическая транскрипция»⁸, и его коллеги А. Неовиуса.

Таким образом, у нас имеются тексты ижорских эпических песен, которым мы можем доверять с точки зрения отражения в них диалектных особенностей. Нам уже приходилось писать о том, что

⁵ Там же. С. 24.

⁶ *Harvilahti L.* Kertovan runon keinot. Inkeriläisen runoepikan tuottamisesta. Helsinki, 1992. S. 181.

⁷ *Lauerma P.* Larin Parasken eepikan kiellisestä variaatiosta. Helsinki, 2004. S. 7–8.

⁸ *Ibid.* S. 8.

В. Поркка, автор грамматики ижорского языка, опубликованной в 1885 г., упоминал в своем исследовании о некоторых лингвистических особенностях языка ижорских народных песен⁹. В частности, В. Поркка указывал на разные варианты показателей множественного числа, партитива, генитива и эссива имен в разговорном языке и в языке поэзии.

В связи с рассматриваемым вопросом уместно было бы вспомнить предположение о наддиалектном характере устно-поэтического языка, которое обсуждалось в известной работе А. В. Десницкой¹⁰. Цитируя высказывание исследователя языка русского фольклора И. А. Оссовета о соотношении языка фольклора с диалектом: «Каждое произведение фольклора исполняется на том диалекте, которым владеет исполнитель, но с большими “выходами” за пределы этого диалекта»¹¹, А. В. Десницкая отмечает: «Этот вывод... основанный только на изучении языка русского фольклора, вряд ли можно считать имеющим универсальное значение»¹². А. В. Десницкая полемизирует и с А. П. Евгеньевой, которая считает, что «язык устной поэзии — это живой язык для творцов и носителей ее, а не пришедший извне или “спустившийся сверху” и механически усвоенный и усвояемый. Диалектные черты в нем — не внешняя позднейшая оболочка, а органическая неотъемлемая сторона устного произведения, пронизывающая все его стороны. “Система” языка (грамматическая, лексическая) устного произведения — это “система” того говора, в области распространения которого он живет. Но в то же время это в основных и определяющих чертах и “система” русского языка в его целом, а диалектные отклонения в ней незначительные»¹³. «Иначе говоря, язык фольклора — это “литературная” форма существования говора», — делает А. В. Десницкая вывод из анализа некоторых положений работы А. П. Евгеньевой и возражает: «Эта точка зрения заметно отличается от соображений о наддиалектном характере устно-поэти-

⁹ Николаев И. С. О языке ижорской народной поэзии в «Грамматике» В. Поркка // Материалы XXXIV международной филологической конференции 14–19 марта 2005. Вып. 15. Уралистика. Ч. 2. СПб., 2005. С. 20–22.

¹⁰ Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

¹¹ Оссоветский И. А. Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 101.

¹² Десницкая А. В. Наддиалектные формы... С. 38.

¹³ Евгеньева А. П. Очерки по языку устной русской поэзии в записях XVII–XX веков. М.; Л., 1963. С. 8.

ческого языка, разделяемых многими исследователями»¹⁴. Позиция А. В. Десницкой основывается на убеждении, что «диалект — это пережиток языковых отношений предшествующей социально-исторической формации» и что «обобщенность и до некоторой степени наддиалектный характер языка русского фольклора в известной мере могли быть унаследованы от единства устно-поэтического языка древнерусской народности»¹⁵.

Надо отметить, что в настоящее время не все исследователи разделяют как предположение о единстве устно-поэтического языка, так и предположение о предшествовании единого языка диалектной раздробленности. Что касается языка ижорской народной поэзии, то специально вопрос о соотношении языка ижорского фольклора с ижорскими диалектами, насколько нам известно, не ставился, если не принимать во внимание мнений, высказанных во время дискуссии о языковом и территориальном происхождении рун карело-финского эпоса «Калевала». Так, Д. В. Бубрих писал: «В рунах Калевалы все, что ведет в западную Финляндию, тонет в море того, что связывает их прямо с Корелой. Язык их в общем соответствует местностям, где они записаны, и финские, как и инодиалектные вкрапления незначительны»¹⁶.

Сложность проблемы заключается еще и в том, что на территории Ингерманландии помимо трех диалектов ижорского языка: сойкинского, нижнелужского и хэваского, были распространены по крайней мере два финских диалекта: саваковский и зурямейский. Не всегда есть возможность точно определить, на каком диалекте записана та или иная народная песня, а также вызвана ли близость текста к финским диалектам влиянием языка собирателей, финских исследователей.

Нельзя не принимать во внимание и тот факт, что ижорский язык исторически восходит к древнекарельскому языку, и даже в настоящее время между ижорскими диалектами и некоторыми карельскими диалектами существует большое языковое сходство. Но все-таки наддиалектный характер имеет не столько язык отдельных рун, собранных в разное время, сколько в целом язык «Калевалы», который был обработан Э. Лённротом при подготовке текстов.

¹⁴ Десницкая А. В. Наддиалектные формы... С. 40.

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ Бубрих Д. В. Этническая принадлежность рун Калевалы. Петрозаводск, 1949. С. 149.

Поскольку особенности ижорских диалектов достаточно подробно описаны А. Лаанестом¹⁷, у нас есть возможность проверить, насколько заметно ижорские диалектные черты отразились на языке народных песен. Наши наблюдения основаны на текстах эпических песен и баллад калевальской метрики, опубликованных в сборнике НПИ. Мы учли, что при публикации использовалась фонологическая транскрипция, которая не в полной мере отражает диалектные черты, и что редакторами были сделаны некоторые другие упрощения. Поскольку большая часть ижорских песен, представленных в НПИ, записана на Сойкинском полуострове Кингисеппского района Ленинградской области, т. е. в области распространения сойкинско-го диалекта, в этой статье мы ограничимся рамками этого диалекта как представителя ижорского языка.

Перечислим некоторые черты сойкинского диалекта, встречающиеся в проанализированных текстах (по А. Лаанесту), с примерами из НПИ:

1. Удвоение согласных между коротким главноударным слогом и долгим гласным и дифтонгом («общая геминация»): *vettee* ‘в воду’, *ettee* ‘вперед’.

2. Тип геминации, свойственный трехсложным словам: *ihhaala* ‘веселая’, *harraavan* (ген. ед. ч.) ‘грабли’.

3. Чередование ступеней *k* между гласными: *sian* (ген. ед. ч.) ‘свинья’, *tein* ‘(я) делал’.

4. Чередование ступеней *t* между гласными: *soan* (ген. ед. ч.) ‘война’.

5. Чередование ступеней сочетания согласных *sk*: *poset* ‘щеки’.

6. Чередование ступеней сочетания согласных *st*: *mussat* ‘черные’, *issun* ‘(я) сижу’.

7. Палатальный взрывной в конце слога в сочетании *gl*, *gr*: *egle* ‘вчера’.

8. Следующий за неглавноударным слогом согласный *h* сохранился между гласными в именах на *s* и *h*: *taivahas* ‘на небе’.

9. В номинативе единственного числа у имен на *-nen* произошло отпадение окончания *n*, а также выпало предшествующее ему *e*: *ruppain* ‘красный’, *pain* ‘женщина’.

10. Отпадение *n* в конце иллатива: *kottii* ‘домой’, *merree* ‘в море’.

11. В первом слоге *er* вместо *ir*: *kerves* ‘топор’.

¹⁷ Лаанест А. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966.

12. Дифтонг *ia* вместо *ea* в непервых слогах: *valkiain* 'белый'.
13. Сохранение дифтонга *oi* в именах: *kukkoï* 'петух', *emoi* 'мать'.
14. В 3-м лице мн. ч. прошедшего времени *-t* вместо *-vat*: *ottiiit* 'брали', *antoit* 'давали'.

Часть этих явлений характерна в основном для сойкинского диалекта, часть — для ижорских диалектов в целом, но их совокупность позволяет говорить о том, что исследуемые тексты содержат вполне определенные диалектные особенности. Наши результаты носят предварительный характер, так как основаны на небольшом количестве текстов только одного сборника, которые не могут быть проанализированы по всему комплексу фонетических и морфологических параметров, предложенных А. Лаанестом (всего их 70).

Для того чтобы иметь возможность дать общую оценку языка ижорских народных песен, в дальнейшем необходимо провести детальный анализ текстов собрания «Старые песни финского народа».

СОЮЗЫ С *b*-ПАРТИКУЛОЙ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В современном языкознании большое внимание уделяется изучению партикулярных лексем. Под партикулами понимаются исходные формальные компоненты языка *же, и, ли, бо, не, ко* и т. п., дающие в различных сочетаниях единицы типа *да-же, у-же, не-же-ли, э-то, ли-бо, и-бо, то-л(и)-ко*. Партикулы охватывают «корнесловы», не имеющие номинативного значения и соотносящиеся с конситуацией, контекстом и модальностью (частицы, местоименные наречия, междометия, местоимения, союзы): «... на определенном этапе развития языка все лексемы коммуникативного фонда... в отличие от знаменательных слов-апеллятивов могут быть описаны через порождающую комбинаторную грамматику, где исходными компонентами являются либо моновокальные единицы (*a, o, y, u, e*), либо комбинации вокалов с прикрывающим их инициальным консонантом: *ли, бо, да, къ, тѣ* и многие другие»¹.

Исследования в этой области проводятся на материале славянских и неславянских языков, изучается синхронный и диахронный пласты языка. В ходе научных изысканий установлено, что партикулярный фонд языков разных групп не совпадает, определены некоторые законы партикуловой фонетики, выявлены основные² значе-

¹ Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 17–19.

²Основное значение — значение, не связанное имплицативно с какими-либо другими, например, условное значение не является основным, поскольку «условие почти всегда идет за вопросительностью и разделительностью» (Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 2005. С. 150).

© Е. Р. Гусева, 2008

ния партикул, очерчены зоны дистрибуции партикулярных лексем в славянском континууме и предприняты попытки выяснения причин этой дистрибуции³.

В славянских языках сохранилось сравнительно небольшое количество коммуникативных слов, так называемое «архаическое ядро»⁴. В современном русском языке, например, употребляются лексемы *вон, вот, даже, еле, еще, на, так, уже*. Используются и союзы *а, да, и, ли* и др., причем в основном в сочинительной функции⁵. Назовем данные союзы партикулярными.

Диалектные партикулярные лексемы русского языка мало изучены. В настоящей работе рассматривается функционирование в севернорусских говорах союзов, содержащих в морфологической структуре *b*-партикулу, а также союзов, которые образовались путем сложения единиц с опорой на *b* и *l* (союзы *бо, або, небо, либо, лебо, алибо*)⁶. Проводится сопоставление со сведениями других говоров, материалами древнерусского языка, русского литературного языка XVIII в., современного русского литературного языка, славянских языков. Для изучения привлекаются сведения областных⁷, исторических, этимологических словарей⁸.

Проблеме функционирования партикулярных *b*-овых лексем в славянских языках посвящены исследования чешских лингвистов Я. Бауэра и М. Бауэровой⁹. Разработку этой темы (вкуче с изучением лексем с опорой на *l, t, k* и т. д.) продолжила Т. М. Никола-

³Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: В 3 т. Т. 1. М., 1971; Т. 2. М., 1976; Т. 3. М., 1984; Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982; Николаева Т. М. Функции...; и др.

⁴Николаева Т. М. Функции... С. 16.

⁵В русском языке возможны переходные между сочинением и подчинением конструкции. См., напр.: Федоров А. К. Трудные вопросы синтаксиса. М., 1972. С. 174; и др.

⁶Здесь приведем следующие данные: **li* и **le/le*, несмотря на различия в вокализме и семантике, представляют собой генетически связанные грамматические единицы. Частицы **li/le/le* являются родственными многим балтийским частицам типа лтш. *nule, nulei, nulai* 'теперь, только что' (ЭССЯ: XV, 67). Основным значением *l*-овой партикулы, как и *b*-овой, является разделительность (Николаева Т. М. Функции... С. 151).

⁷Необходимо учитывать, что областные словари отражают состояние диалектной лексики конца XIX — конца XX вв.

⁸Сокращения географических названий даются в соответствии с использованными источниками; в некоторых случаях они расшифровываются.

⁹Bauer J. 1) *Slovanse spojky s bo* // *Studie ze slovanse jazykovedy*. Pr., 1958; 2) *Syntactica slavica*. Brno, 1972; Bauerova M. *Staroslovanse spojky bo, *nebo, nebonz* а *ibo* // *Studie ze slovanse jazykovedy*. Pr., 1958.

ева¹⁰. Я. Бауэр, составив дистрибутивную схему лексем с *b*-партикулой в славянских языках, показал типологию их распределения, характеризующуюся «прерывностью». В то же время эта схема отражает обратное — *непрерывность* славянского континуума в сочетании с избирательностью. Описав географию распространения *бо*, исследователь выделил линию начального *бо* для западнославянских языков и нетипичность *бо* и союзов / частиц с *бо* для русского языка¹¹. Ученые определили, что лексем с *b*-партикулой служат для идентификации объекта речи и характеристики события. Основные значения *b*-партикулы, проявляющиеся в коммуникативной ситуации, — разделительность (при помощи *b*-овой лексемы говорящий указывает: действует этот объект или другой) и пояснительность (одна ситуация поясняет другую; партикулярный союз — показатель этих отношений); значения, таким образом, входят в поле определенности-неопределенности¹². В грамматической таксономии им соответствуют разделительность и причинность.

Бо. Праславянское **bo* «вторично не только семантически, но и формально по своему вокализму» по отношению к **ba*, выполняющему в славянских языках функции экспрессивного междометия, утвердительной частицы: **bā*, междомет. > **bǎ* > **bo* (см. схему и таблицу) (ЭССЯ: I, 105; II, 141–142). М. Фасмер считает, что *бо* «связано отношением чередования с чеш., польск. *ba* «да, конечно», родственно лит. *bà* «ведь», лат. *ba* — усилительной частице «как раз», вост.-лит. *bè* «потому что», др.-прусск. *be* «и» и т. д. (Фасмер: I, 180). В современных и древних славянских языках отмечен преимущественно союз *бо* с причинным значением. В старославянском языке употреблялся *бо* ‘ведь, ибо, поистине, итак, поэтому’. В сербохорватских диалектах встречается *бо* ‘так как, ибо’. В чешском языке функционирует «старый» союз *бо* ‘ибо, потому что’. Словацкому, польскому, верхнелужицкому языкам известен *бо* ‘ибо, потому что’. В нижнелужицком языке редко используется «старый» союз *бо* ‘ибо, потому что’. В староукраинском языке зафиксирован *бо* ‘потому что; действительно, в самом деле; что’. Союз *бо* со значениями ‘ибо, потому что’, ‘же’ функционирует в украинском языке (ЭССЯ: II, 141–142). Добавим сведения Е. Т. Черкасовой и Я. Бауэра: в старосербском языке употреблялся противительный

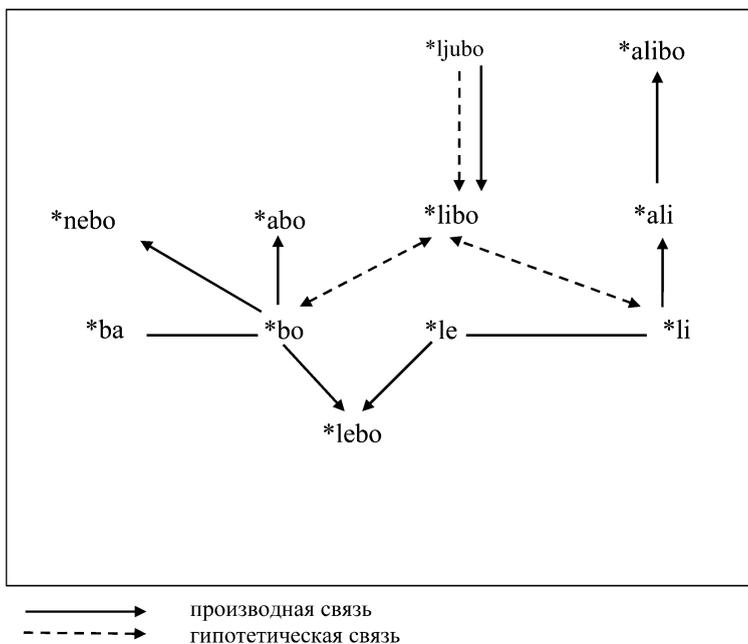
¹⁰ Николаева Т. М. Функции...; Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые наблюдения...; и др.

¹¹ См.: Николаева Т. М. Функции... С. 27, 155.

¹² Там же. С. 151–152.

бо ‘а, но’¹³, из польского языка причинный союз *bo* проник в лясские говоры Моравии, в серболужицком языке союз *bo* ‘потому что’ «представляет архаизм», под церковнославянским влиянием причинный *bo* распространился в древней сербохорватской литературе и в древнерусском языке¹⁴.

СХЕМА. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СОЮЗОВ

Е. Т. Черкасова пишет, что в древнерусском языке союз *бо* имел книжный характер и до XV в. был самым употребительным в причинном значении. Лексема обычно стояла после первого слова¹⁵ в

¹³ Черкасова Е. Т. Служебное слово *бо* и его значение в древнерусском языке // Учен. зап. Московского государственного пед. ин-та им. В. И. Ленина. Т. 56. Вып. 2. М., 1948. С. 109–110.

¹⁴ См. подробнее: Bauer J. Syntactica... С. 398.

¹⁵ В научной литературе для определения грамматического статуса таких единиц, как *бо*, *ли*, *же*, стоящих в позиции после первого слова, иногда используется термин «синтаксическая частица». Частица *бо* требует обязательного наличия левого контекста и употребляется в предложениях с отношениями

придаточной части сложноподчиненного предложения: *И князь я [воинов] отпусти: не достало бо у них хлеба* (Новг. 1, с. 236). Союз зафиксирован и с другими значениями: присоединительным 'и', последовательным 'и, и вот', противительным 'а, но', уступительным 'хотя', следствия 'потому'. Слово могло занимать третье, четвертое и т. д. место в придаточной части, а также конец предложения; в таких случаях определить его семантику и функции представляется затруднительным. Постепенно в предложении происходила передвижка лексемы в начало придаточной части. Отступления от обычной позиции (после первого слова) наблюдаются с XVI в. в памятниках, отражающих влияние юго-западной письменности. К XVII в. многозначный союз утрачивает свои позиции, ему на смену приходят специализированные союзы, *бо* начинает использоваться в произведениях с архаичным строем языка, в памятниках «профессионально-церковного» характера и т. п.¹⁶ Отметим, что СлРЯ XVIII фиксирует в произведениях высокого слога наличие только причинного союза *бо* 'ибо, потому что', стоящего после первого слова придаточной части (СлРЯ XVIII: II, 73). В. И. Даль указывает на употребление причинного *бо* 'ибо, потому что' в церковных текстах «в Малороссии, Белоруссии и в соседстве» (Даль: I, 100).

В современном литературном языке союз *бо* не употребляется, но в говорах он используется с несколькими значениями. В средне-, южнорусских говорах сохраняется древний причинный союз *бо* 'ибо, потому что, так как': *Ня поиде, бо боится яго*. Смол. Южнорусским диалектам известна лексема *бо* 'же' с неясной грамматической характеристикой, возможно, входящей в состав союзов (СРНГ: III, 34). В севернорусских говорах союз *бо* зафиксирован с разделительным, условным значениями.

С разделительным значением 'или' он бытует в ладого-тихвинских, архангельских говорах: *Тяпки кладите к нам на крыльцо бо в избу*. Лод. (СРГК: I, 80), *Смоной бросит бо мохом*. Плес. *Талец-то там поднялся, бо розлился*. Прим. (АОС: II, 37–38). Компоненты повторяющегося разделительного союза *бо... бо* 'то... то,

объяснительного характера (причина, основание, обстоятельство), подчеркивая, «выявляя» эти отношения в тех случаях, когда они заложены в смысле текста (*Преображенская М. Н.* Служебные средства связи в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (Сложноподчиненное предложение). М., 1991. С. 81–84).

¹⁶ *Черкасова Е. Т.* Служебное слово *бо...* С. 89–90, 92–93, 109–115; см. также: СлРЯ XI–XVII: I, 252.

или... или' могут стоять не только перед однородными членами, но и после каждого из них. Ср.: *Бо овёс жали, бо ячмень жали и лен-то рвали*; но: *Брат бо, сестра бо за невестой придет*. Лод. (СРГК: I, 80). В последней конструкции лексема *бо* одновременно выполняет функции союза и эмфатической частицы, выделяющей отдельное слово. Диалектное явление сходно с чертой древнерусского синтаксиса, но с тем отличием, что в говорах зафиксированы конструкции не с причинной, а с разделительной связью; функция эмфатической частицы, тем не менее, у лексемы сохраняется.

С условным значением 'если' союз *бо* функционирует в прионежских, заонежских, архангельских говорах: *Такой тихой, бо велият, так и съездят*. Медв. (СРГК: I, 80), *Пей, бо хочешь*. Петрозав. (Куликовский: 4), *Бо найдут как вош, дак такую тебе проборцию дают*. Пин. (АОС: II, 37–38). Во всех иллюстрациях союз *бо* занимает типичную для современного подчинительного союза позицию — начало придаточной части предложения.

В последнем примере употреблен «двойной»¹⁷ союз *бо... как, дак*. Компоненты *бо* и *как* расположены дистантно (подчеркнем, что союзы *бо* и *как* каждый в отдельности могут выражать условные отношения); «скрепляет» предложение коррелят *дак*. В северных говорах также зафиксированы двойные условные союзы *áли как* — в архангельских (АОС: I, 67–68), *бúде как* — в вологодских (СВГ: I, 48) и т. д. Появление двойных союзов в говорах обусловлено несколькими факторами: например, наличием синонимии грамматических средств, многозначностью диалектных союзов. Еще одна причина — это характерная для разговорной речи диффузность синтаксической семантики: в говорах возможно употребление таких единиц, как условно-временной союз *если когда*. Данная диалектная синтаксическая черта требует дополнительного исследования.

Подобное явление имело место в древнерусском синтаксисе. В памятниках письменности двойные союзы зафиксированы в условных предложениях на переходной стадии в процессе замены древних многозначных или стилистически ограниченных союзов новыми исконно русскими, между которыми также происходил постепенный отбор (церк.-слав. *аще* и рус. *буде(т)*, многозначный *аже* и *буде, если буде*), а также в предложениях с недифференциро-

¹⁷ На употребление в говорах двойных союзов типа *если как* впервые указала В. И. Собинникова (*Собинникова В. И. Строение сложного предложения в народных говорах* (по материалам Гремяченского района Воронежской области). Воронеж, 1958. С. 112–113).

ванными отношениями (союз *если когда*)¹⁸. Кроме того, в поздних источниках церковнославянские союзы использовались в стилистических целях (*аще* употреблялся с *уже, какъ* «для возвышения слога»)¹⁹.

Або, абб. Праславянское сочетание **a bo* «практически не отразилось» в южнославянских языках. В словенском языке употребляется разделительный союз *aboj* ‘или’. Разделительный союз *abo* ‘или’ характерен для словацкой народно-поэтической речи, известен нижнелужицкому языку. В верхнелужицком языке бытует разделительный и причинный союз *abo* ‘или; потому что’. В старопольском языке *abo* функционировал с разделительным и причинным значениями ‘или; ли; ибо, так как’. В словинском языке зафиксирован разделительный *ābo* ‘или’. В украинском языке используется *абб* ‘или, либо; разве’, в белорусском — *абб* ‘или’ (ЭС-СЯ: I, 34–35, 38; II, 141; Фасмер: I, 180). По данным Я. Бауэра, разделительный союз *abo* характерен для языков северо-западной группы (серболужицкого, польского, украинского, белорусского и отчасти словацкого; союз зафиксирован «даже в языке поморских славян»)²⁰. Одиночный союз *abo* ‘или’ отмечен в памятниках древнерусской письменности XIV в. (Срезневский: I, 3), повторяющийся — в источниках XVI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII: I, 18). *Або* в примерах, приведенных И. И. Срезневским (Вкладная грамота. . . 1377 г., Жалованная грамота. . . 1388 г.), и *абб* в украинском и белорусском языках ученые считают «ранними проникновениями из польского языка» (ЭССЯ: I, 34–35). Заметим, что во всех языках за исключением старопольского, польского союз функционирует с разделительным значением.

С разделительным значением союз *абб* зафиксирован в современных русских говорах. В северных диалектах бытует одиночный союз *абб* ‘или’: *Раз абб два обявзатъ ещѣ надо ковер*. Лод. (СРГК: I, 16). Союз *абб* ‘или’ может стоять после однородных членов: *Еще намазатъ бы маслом, вареньем абб*. Онеж. (Там же). Исследователи отмечают, что в семантике разделительного союза *или* содержится компонент модальности ‘может быть’²¹. Действительно, в

¹⁸ Лавров Б. В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941. С. 55, 68, 71, 79–82.

¹⁹ Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С. 535.

²⁰ Bauer J. Syntactica. . . С. 399.

²¹ Левицкий Ю. А. Система синтаксических связей. Пермь, 1992. С. 90.

приведенных иллюстрациях *або* можно заменить сочетанием *может быть* (или *может*). Грамматический статус лексемы в постпозиции определить сложно. Скорее всего, это — модальное слово. Но поскольку в предложении имеются однородные члены и лексема имеет к ним отношение — служит для связи данных слов, она одновременно выполняет и функцию союза.

Одиночный и повторяющийся союз *або* и *абб* ‘или, либо’, ‘иначе’²² употребляется в средне-, южнорусских говорах (СРНГ: I, 190; СБГ: I, 14)²³. В. И. Даль отмечает одиночный союз в южнорусских, повторяющийся — в западных диалектах (Даль: I, 2). Кроме того, в южных диалектах союз *або* функционирует с диффузным условно-временным значением ‘когда бы, если бы’: *Аба дядя пришел, тогда бы ничего*. Мещов. (СРНГ: I, 190)²⁴.

Небо. Союз *небо* является сложением **ne* и **bo*, причем **ne* выполняет усилительную функцию, поскольку **bo* может выступать самостоятельно в качестве причинного союза. В старославянском языке употреблялись *небо*, *небонъ* ‘ибо, потому что’. В старочешском языке функционировали *nebo*, *neb* с причинным и разделительным значениями ‘поскольку, потому что’, ‘или’, в современном чешском языке сохранились только разделительные *nebo*, *neb*. В нижнелужицком языке употребляются «старые» причинные союзы *nebo*, *neb* ‘ибо’. В старопольском языке использовался *niebo* ‘или’ (ЭССЯ: XXIV, 93). Добавим сведения Я. Бауэра: чешскому языку известны разделительный союз *anebo* и причинный *nebot*; *anebo*, скорее всего, возник параллельно с *nebo*; *nebot* появился путем присоединения к *nebo* энклитической частицы *t*²⁵.

В древнерусском языке зафиксированы причинные союзы *не бо* ‘ибо не’, *не бо*, *небо* ‘ибо, ведь’, *небонъ*, *небоно* ‘ибо, так как, потому что’ (СлРЯ XI–XVII: XI, 17, 19; Срезневский: II, 355). В XVIII в.

²²Союз *або* и *абб* со значением ‘иначе’ относим к разделительным. Ср.: составители СССРЯ значение ‘иначе, в противном случае’ у союза *или* определяют как противительное, но заметим, что в высказывании типа *Уйди, или (= либо) мы поссоримся* присутствует альтернатива — возможность выбора действия, поэтому согласимся с составителями Грамматики-80, которые относят союз к разделительным и считают, что он выражает отношения альтернативной мотивации (Грамматика русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 629).

²³Составители СРНГ не дают точной ареальной характеристики для вариантов *абб* и *або*, одиночного и повторяющегося союзов.

²⁴М. Фасмер указывает на употребление в русских говорах союзов *або*, *альбо* ‘ли, либо, или; хотя; чтобы; лишь бы’ (Фасмер: I, 180). Сведения из-за их неточности в настоящей работе не учитываются.

²⁵*Bauer J. Syntactica... С. 399.*

причинный союз *небо* (*не бо*) ‘ибо, потому что’ использовался в произведениях высокого слога (СлРЯ XVIII: XIV, 128). В современных севернорусских говорах зафиксирован разделительный союз *небо* ‘либо, или’, как одиночный, так и повторяющийся: *Небо ты, небо я*. Сев.-Двин. (СРНГ: XX, 319). Таким образом, с причинным значением союз *небо* (*nebo*) в различных огласовках известен языкам всех славянских групп, в то время как с разделительным значением он отмечен только в западнославянских языках и в севернорусских говорах.

Либо. Относительно происхождения **libo* существует несколько гипотез: 1) лексема образовалась в результате слияния **li* и **bo* (ЭССЯ: I, 105; Фасмер: II, 493)²⁶; 2) **libo* < **ljubo* с возможным последующим расщеплением на **li* и **bo* (ИЭССРЯ: I, 479)²⁷; этимологи считают, что союз *l'ubo* (*лѣбо*) восходит к наречию **l'ubo*, образованному от краткого прилагательного **l'ubo* (**l'ubъ*) (ЭССЯ: XV, 177). Заметим, что в славянских языках существуют две параллели: *ли, бо, либо, али, алибо* — *ле, бо, лебо, але, алебо*. Элементы второй группы или представляют собой самостоятельные единицы, или образовались в результате соединения партикул. Казалось бы, это положение вполне резонно применить и к элементам первой параллели, но в случае с *либо* необходимо учитывать сведения каждого языка; например, в чешском языке лексема *libo* образовалась из *l'ubo*, родственной польской *lub*, в результате «фонетического развития языка» (*'u > i* в XIV в.)²⁸.

Рассмотрим имеющийся материал по союзу *либо* в сопоставлении со сведениями о *либо* (составители ЭССЯ объединили их в одной словарной статье, в то же время ввели *либо* в статью о лексеме *бо*, указывая на появление *либо* из сложения *ли* и *бо* (ЭССЯ: I, 105; XV, 177)). В старославянском языке функционировали союзы *либо* и *либо* ‘ли...или, или...или, либо...либо’. В сербохорватском языке бытуют «старые» книжные союзы *libo, lubo* ‘или’. В старочешском языке использовались *l'ubo, l'ubo, libo, lib* ‘или’. В нижнелужицком языке отмечены *libo, lubo*. В старопольском языке зафиксированы *lubo, lup, lub* ‘или, либо’, в диалектах «старый» *libo*

²⁶См. также: Николаева Т. М. Функции... С. 132.

²⁷См. также: Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. С. 192; Менье К. Какая альтернатива? (об употреблении союзов *или* и *либо*) // Учен. зап. МГПИ. Язык — культура — человек. Сер/ «Языкознание». Вып. 3. Ч. 2. Мурманск, 2003. С. 127.

²⁸*Bauer J. Syntactica...* С. 330.

‘или, либо’. В староукраинском языке употреблялись разделительные союзы *либо*, *либо* ‘или, ли’, в старобелорусском — *либо* ‘или’ (ЭССЯ: XV, 17). Ареалы распространения союзов *либо*, *либо*, таким образом, почти совпадают. Обе лексемы в славянских языках имеют разделительное значение.

В древнерусском языке функционально-семантические характеристики данных союзов различны. Союз *либо* зафиксирован в сочинительной и подчинительной функциях: он употреблялся с разделительным, условным, уступительным, причинным значениями. В разделительных конструкциях он использовался как повторяющийся или чередовался с союзами *или*, *ли*, *либо* (СлРЯ XI–XVII: VIII, 231; Срезневский: II, 20)²⁹. Союз *либо* отмечен с разделительным и разделительно-перечислительным значением ‘или; или . . . или’. В памятниках письменности встречаются *либо ли*, *а либо* ‘или же’ (СлРЯ XI–XVII: VIII, 328–329). И. И. Срезневский также отмечает наличие повторяющегося разделительного союза *либо* в источниках XII–XIV вв. Древнерусскому языку были известны *либо . . . пакы ли а*, *либо . . . ти* ‘или . . . или’, *а либо*, *либо си* ‘или’, *либо ли* ‘иначе’ (Срезневский: II, 84). По данным А. Н. Стеценко, разделительный одиночный и повторяющийся союз *либо* зафиксирован как при однородных членах предложения, так и в сложных предложениях. Союз не имел какой-либо стилистической окраски. Часто он употреблялся в сочетании с союзом *а* — *а либо*. В старорусском языке функционирование союза *либо* значительно сократилось³⁰. Лексема *либо* и ее варианты зафиксированы и с другими значениями. Б. В. Лавров приводит примеры из памятников письменности с лексемами *люб* и *нелюб* в конструкциях «бессоюзного условного предложения», например: *А волостелю моему дадутъ на годъ два корма . . . съ дву плугъ полоть мяса, мьхъ овса, возъ стна, десятеро хльбовъ а то ему и съ тѣномъ: а нелюбъ полоть, ино два алтына, а нелюбъ мьхъ овса, ино алтынъ, а нелюбъ возъ стна, ино алтынъ, а нелюбы хльбы, ино за ковригу по дензъ* (Жалоб. гр. 1455–1462 г. А. и. 1. 106). В подобных структурах *люб* (*нелюб*) уже не имеет буквального смысла *понравится* — *не понравится*, «смысловой центр тяжести — в условности и разделительности: «если не полоть мяса, то два алтына» — или: «или полоть мяса или . . .». *Люб* — *нелюб* семантически связан с глаголом *любить*, близким по значению гла-

²⁹ См. также: Черкасова Е. Т. Служебное слово бо . . . С. 91.

³⁰ Стеценко А. Н. Исторический синтаксис . . . С. 192. См. также: Ломтев Т. П. Очерки . . . С. 502.

голам типа *желать, хотеть, волить*³¹. Словарь древнерусского языка фиксирует употребление союза *либо* с уступительным значением 'даже, хотя'. Союз *либо си* имеет значение 'если даже, хотя бы' (СлРЯ XI–XVII: VIII, 328–329).

С течением времени функционально-семантические характеристики обоих союзов изменились. В XVIII в. падает частотность употребления *либо* с условным и уступительным значением. В это время наряду с разделительно-перечислительным начинает функционировать одиночный разделительный союз *либо* (СлРЯ XVIII: XI, 172). Союз *либо* не используется в произведениях XVIII в. (СлРЯ XVIII: XII, 10).

В современном литературном языке продолжает употребляться одиночный и повторяющийся разделительный союз *либо* 'или; или ... или', 'иначе, в противном случае' (БАС: VI, 210; ТСРЯ: 239; ССРЯ: 183–184). В севернорусских говорах союз *либо* отмечен с пояснительным значением 'иными словами, т. е.', в литературном языке эта лексема не употребляется с данным значением в отличие от союза *или* (ТСРЯ: 239). Пояснительный союз *либо* зафиксирован в говорах ладого-тихвинской группы: *Такой враль, либо такой бах* (= болтун, лгун), *только башит, так мы не слушали его*. Тихв. (СРГК: I, 45). Скорее всего, это окказиональное употребление, не являющееся нормативным для диалекта. Пояснительное значение, очевидно, развилось на основе разделительного. Первая часть высказывания представляет собой прямую речь с опущенными словами автора: «*Такой враль либо (= или) такой бах*», — [скажут]. В такой конструкции лексемы *враль* и *бах* — синонимы, служащие для обозначения одного денотата; отношения между ними разделительные. При отсутствии слов автора отношения между словами можно определить как пояснительные. Таким образом, диалектные союзы, совпадающие формально с литературными, могут развивать в говорах дополнительные значения.

Союз *либо* не закрепился в литературном языке, однако в северно- и среднерусских диалектах он продолжает употребляться с разделительным значением. Одиночный и повторяющийся союз *либо* 'или, либо' известен череповецким говорам: *Идет Катя из магазина, либо катер пришел. Куда поедут, либо в лес, либо в город, всегда наденет, кистями завяжет* (СРГК: III, 167), повторяющийся (с пометой «церк.») — пошехонским: *Любо в сук, либо в*

³¹ Лавров Б. В. Условные и уступительные предложения... С. 59–60.

тетерю; союз также функционирует в тверских, псковских говорах: *Любо потерял, любо кинул*. Кашин. (СРНГ: XVII, 237).

Лéбо, лéво. Союз **lebo* представляет собой сочетание праславянских частиц **le* и **bo*. В чешских диалектах бытует союз *l'ebo* с разделительным и уступительным значениями 'или, иначе, хотя'. В словацком языке функционирует причинный союз *lebo* 'потому что, поскольку; ведь'. В словацкой «народной» речи употребляется разделительный союз *lebo* 'или'. В словацких диалектах встречаются *lebo* 'или, потому что' и (*le*)*bo* — *alebo* 'или ... или'. Польским диалектам известен союз *lebo* 'или, лишь бы' (ЭССЯ: XIV, 174). Я. Бауэр указывает: разделительные союзы *lebo*, *alebo* 'или' характерны для языков северно-западной группы (восточноморавских говоров и словацкого языка), *lebo* в моравских говорах нечасто употребляется в обосновательном значении, в словацком языке имеется обосновательный союз *alebo*, лексема *alebo* возникла в результате слияния частиц *a+le+bo*³². Таким образом, *lebo* в основном с причинным и разделительным значениями функционирует в западнославянских языках. Причинный союз *для того ... лебо* 'потому что' отмечен в старорусских источниках (СлРЯ XI–XVII: VIII, 183). В современном русском литературном языке союз не употребляется, но в костромских и сибирских говорах встречается повторяющийся разделительный союз *лéбо ... лéбо* 'либо ... либо'. Отметим, что компоненты разделительного союза могут стоять не перед каждой связываемой единицей: *Кум, лéбо сват, лéбо дальняя родня*. Костром. *Лéбо ты, лéбо я*. Сиб. (СРНГ: XVI, 304).

В вологодских говорах зафиксирован союз *лéво ... лéво* 'или ... или': *Лéво конфеток принесет, лéво преников*. Верхневаж. (СВГ: IV, 33). Фонематический вариант *лево ... лево* к союзу *лебо ... лебо*, на наш взгляд, появился под воздействием прибалтийско-финский субстрата: в лексике севернорусских говоров наблюдается взаимозаменяемость фонем *б* и *в*. Так, например, в русских диалектах, функционирующих на постмерянской территории, отмечены слова, в которых «общерусскому (литературному и диалектному) звуку *б* соответствует *в* и наоборот...»: *колобѹшка-коловѹшка* 'небольшой пирожок', *вараклѹ* — *бараклѹ* 'тряпье, старье'³³. Приведем примеры с номинативной лексикой из говоров Карелии и сопредельных областей. Мена *в//б*: *булдырь* 'волдырь', *вѣрва* — *вѣрба* 'крепкая

³² *Bauer J. Syntactica...* С. 399.

³³ *Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев, 1985. С. 28–29.

нить' (СРГК: I, 136, 173). Ср.: в русских диалектах при адаптации прибалтийско-финских слов происходит переход $v > \delta^{34}$, например, вепсск. *kavi*, люд. *kuavi* > олон., пск., новг., тихв. *ка́ба* 'кол для привязывания лодок', новг. *ко́ба*, *ко́ва* 'кол, шест, пень' (Фасмер: II, 147). В севернорусских говорах возможна и обратная замена б//в в русских словах: *боль* — *воль* 'болезнь' (СРГК: I, 91). Как показывает приведенная выше иллюстрация из вологодских говоров, мена б и в возможна и в служебной лексике: *ле́бо* ... *ле́бо* — *ле́во* ... *ле́во* 'или ... или'.

Али́бо, али́бо, а́льбо, али́бы. «Энклитическая конструкция **a li bo* вторично произведена в отдельных языках от *a li*». В словенском языке употребляется разделительный союз *liboj* 'или, ли'. В чешском языке функционирует союз *albo* 'или, либо'. В нижнелужицком языке встречается «старый» союз *albo* 'или'. Польскому языку известен *albo* 'или; разве'. В украинском языке отмечен *альбо́* 'или, либо', в украинских диалектах — *ал'бу* 'или' (ЭССЯ: I, 38). По данным Я. Бауэра, разделительный союз *albo* употребляется в северно-западных языках (польском и белорусском). Союзы *alibo*, *albo*, *al'bo* возникли в результате слияния двух компонентов *al/i/ + bo*. Обосновательное значение в польском языке имеет союз *albowiem*, второй компонент которого представляет исконно самостоятельное слово *wiem* и служит для «усиления» *albo*³⁵. Таким образом, союз *alibo* (*albo*) зафиксирован в языках всех славянских групп с разделительным значением, с причинным отмечен *albowiem*.

В древнерусском языке до середины XVII в. использовались одиночный союз *али бо* 'или' и его варианты *албо*, *альбо* 'или, или же' (Срезневский: I, 3; СлРЯ XI–XVII: I, 33). В современном литературном языке эта лексема не употребляется, однако в диалектной речи архаический одиночный союз *али́бо* (*альбо́*) функционирует с прежним разделительным значением. В говорах появились его фонематические и акцентологические варианты. В отличие от древнерусского языка в диалектах употребляется не только одиночный, но и повторяющийся союз.

1. Разделительный одиночный союз *али́бо* (*альбо́*) 'или' бытует в говорах Обонежья, ладого-тихвинских, архангельских диалектах (СРГК: I, 18; Подвысоцкий: 1; СРНГ: I, 237–238). Союз функционирует в предложениях с однородными членами и в сложном предло-

³⁴ Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. С. 129.

³⁵ Bauer J. Syntactica... С. 399.

Таблица. Союзы с *b*-партикулой

Союз	Этимология	Славянские языки	Древнерусский язык Русский литературный язык XVIII в.
бо	* <i>bā</i> , междомет. > * <i>bā</i> > * <i>bo</i> <i>ba</i> 'да, конечно' – чеш., польск. <i>bā</i> 'ведь' – лит. <i>ba</i> 'как раз' – лат. <i>bè</i> 'потому что' – вост.-лит. <i>be</i> 'и' – др.- прусск. и т. д.	причинн. <i>bo</i> 'ведь, ибо, поистине, итак, поэтому' – старослав. противит. <i>bo</i> 'а, но' – старосерб. причинн. <i>bo</i> (диал.) 'ибо, так как' – сербохорв. причинн. <i>bo</i> – моравские говоры причинн. <i>bo</i> (арх.) – серболуж. <i>bo</i> (стар.) 'ибо, потому что' – чеш., нижнелужицк. <i>bo</i> 'ибо, потому что' – словацк., верхнелужицк., польск. <i>bo</i> 'потому что', 'действительно, в самом деле', 'что' – староукр. <i>bo</i> 'ибо, потому что', 'же' – укр.	ДрРЯ: причинн. <i>бо</i> 'ибо, потому что' присоед. <i>бо</i> 'и' последоват. <i>бо</i> 'и, и вот' противит. <i>бо</i> 'а, но' уступит. <i>бо</i> 'хотя' следств. <i>бо</i> 'потому' РЛЯ XVIII в.: причинн. <i>бо</i> 'ибо, потому что' (высок.)
áбо абó	* <i>a bo</i> > * <i>abo</i>	разделит. <i>aboj</i> 'или' – словенск. разделит. <i>abo</i> 'или' – серболужицк. разделит. <i>abo</i> (народн., поэт.) 'или' – словацк. <i>abo</i> 'или', 'так как' – верхнелужицк. <i>abo</i> 'или, до' – нижнелужицк. <i>abo</i> 'или, ли; ибо, так как' – старопольск., польск. <i>ābo</i> 'или' – словин. <i>abó</i> 'или, либо; разве' – укр. <i>abó</i> 'или' – белорус.	ДрРЯ: разделит. <i>або</i> 'или', <i>або...або</i> 'или ... или' РЛЯ XVIII в.: <i>або</i> –
не́бо	усилит. част. * <i>ne</i> + * <i>bo</i> > * <i>nebo</i> <i>nebo</i> + 'i' > <i>nebot</i> '	причинн. <i>nebo</i> , <i>небонь</i> 'ибо, так как, потому что' – старослав. <i>nebo</i> , <i>neb</i> 'ибо, потому что', 'или' – старочеш. <i>nebot</i> 'потому что' – чеш. <i>nebo</i> , <i>neb</i> , <i>anebo</i> 'или' – чеш. <i>nebo</i> , <i>neb</i> 'ибо, потому что' (арх.) – нижнелужицк. разделит. <i>niebo</i> 'или' – старопольск.	ДрРЯ: причинн. <i>не бо</i> , <i>небо</i> 'ибо, ведь', <i>небонь</i> , <i>небоно</i> 'ибо, так как, потому что', <i>не бо</i> 'ибо не' XVIII в.: причинн. <i>небо́</i> , <i>не бо</i> 'ибо, потому что' (высок.)

В славянских языках

Современный русский литературный язык	Средне-, южнорусские и говоры Сибири	Севернорусские говоры
	<p>причинн. <i>бо</i> 'ибо, потому что' – смол. союз (?) <i>бо</i> 'же' – сарат., курск., ворон.</p>	<p>разделит. <i>бо</i> 'или' – лод., плес., прим. разделит. <i>бо...бо</i> 'или...или' – лод. условн. <i>бо</i> 'если' – петрозав., медв. <i>бо... как ..., дак</i> 'если, так' – пин.</p>
	<p>разделит. <i>áбо, абó</i> 'или, либо', одиночн. и повторяющ. – зап., пск., брянск., ряз., курск., ворон., калуж., смол., дон., иссык-кульск. разделит. <i>áбо, абó</i> 'иначе' – курск., ряз. усл.-врем. <i>áбо</i> 'если бы, когда бы' – калуж.</p>	<p>разделит. <i>áбо</i> 'или' – онеж., лод.</p>
		<p>разделит. <i>не́бо</i> 'либо, или', <i>не́бо ... не́бо</i> 'или ... или'. – сев.-двин.</p>

Союз	Этимология	Славянские языки	Древнерусский язык Русский литературный язык XVIII в.
ли́бо ср.: лю'бо	1) *li+*bo > *libo 2) *ljubo > *libo > *li+*bo ср.: крат. прил. *l'ubo > нареч. *l'ubo > союз *l'ubo	разделит. <i>либо...либо, любо...любо</i> 'ли...или, или...или, либо...либо' – старослав. <i>libo, lubo</i> 'или' (устар. книжн.) – сербохорватск. <i>libo, lib, l'ubo, l'ubo</i> 'или' – старочеш. <i>libo, lubo</i> 'или' – нижнелужицк. <i>lubo, lub, lup</i> 'или' – старопольск. <i>lub</i> 'или' – польск. <i>libo</i> 'или' (устар.) – польск. диалекты разделит. <i>либо, любо</i> 'или, ли' – староукр. <i>либо</i> 'или' – старобелорус.	ДрРЯ: разделит. <i>либо...либо, либо ...ли, любо...любо, либо...ли</i> 'или...или' разделит. <i>любо, а любо, любо си</i> 'или' разделит. <i>любо ли</i> 'иначе' <i>любо ли, а любо</i> 'или же' <i>любо...любо, любо ... паки ли а, любо ...ти</i> 'или...или' условн. <i>либо, люб, нелюб</i> 'если' уступит. <i>либо</i> = изъяснит. 'что' + уступит. 'хотя' уступит. <i>любо</i> 'хотя' условно-уступит. <i>любо си</i> 'если даже, хотя бы' причинн. <i>либо</i> 'так как' РЛЯ XVIII в.: разделит. <i>либо, либо...либо</i> 'или; или...или' условн. <i>либо</i> 'если' (малоупотр.) уступит. <i>либо</i> 'хотя' (малоупотр.) <i>любо</i> -
ле́во ле́во	*le + *bo > *lebo *a+*le + *bo > *alebo	<i>l'ebo</i> 'или, иначе; хотя' – чеш. диалекты <i>lebo</i> 'потому что' – моравск. говоры <i>lebo, alebo</i> 'или' – восточно- моравск. говоры, словацк. <i>lebo, alebo</i> 'потому что, поскольку; ведь' – словацк. <i>lebo</i> 'или' – словацк. народн. речь <i>lebo</i> 'или, потому что', (<i>le</i>) <i>bo</i> – <i>alebo</i> 'или ...или' – словацк. диалекты <i>lebo</i> 'или; лишь бы' – польск. диалекты	ДрРЯ: причинн. <i>для того...лебо</i> 'потому что' РЛЯ XVIII в.: <i>лебо</i> -
а́либо а́либо а́либы	*a li bo > *a li+*bo (al/i/ + bo > <i>alibo, albo, альбо</i>) <i>albo + wiem</i> > <i>albowiem</i>	разделит. <i>aliboj</i> 'или, ли' – словен. разделит. <i>albo</i> 'или, либо' – чеш, <i>albo</i> 'или, разве', <i>albowiem</i> 'потому что' – польск. <i>albo</i> 'или' (устар.) – нижнелужицк. <i>альбо́</i> 'или, либо' – укр. <i>ал'бу</i> 'или' – укр. говоры <i>альбо</i> 'или, либо' – белорус.	ДрРЯ: разделит. <i>альбо, албо</i> 'или, или же' <i>али бо</i> 'или' РЛЯ XVIII в.: <i>алибо, альбо</i> -

Современный русский литературный язык	Средне-, южнорусские и говоры Сибири	Севернорусские говоры
разделит. <i>ли́бо</i> 'или', 'иначе, в противном случае' <i>ли́бо...ли́бо</i> 'или...или'	<i>любо...любо</i> 'или...или' — твер., пск.	пояснит. <i>ли́бо</i> 'то есть' — тихв. разделит. <i>любо, любо...любо</i> 'или; или...или' — чер. <i>любо...любо</i> 'или...или' — пошех.
	разделит. <i>ле́бо...ле́бо</i> 'ли́бо...ли́бо' — сиб.	разделит. <i>ле́бо...ле́бо</i> 'ли́бо...ли́бо' — костром. разделит. <i>ле́во...ле́во</i> 'или...или' — верхневаж.
	разделит. <i>а́ли́бо</i> 'или, ли́бо' — моск., влад., иркут. <i>а́льбо</i> 'или, ли́бо' — пск., ряз., курск., ворон., калуж., перм. <i>али́бо</i> — пск. <i>а́либы</i> 'или, ли́бо' — пск. разделит. <i>а́ли́бо...а́ли́бо</i> 'ли́бо... ли́бо' — пск., осташк. <i>али́бо...али́бо</i> 'ли́бо ... ли́бо' — пск., калуж. <i>а́льбо...а́льбо</i> 'ли́бо...ли́бо' — пск. <i>а́льбо...а́льбо</i> 'ли́бо...ли́бо' иркут.	разделит. <i>а́ли́бо (а́льбо)</i> 'или' — медв., прион., кириш., подп. <i>а́ли́бо</i> 'или, ли́бо' — арханг. Поморье, холмог. <i>а́ли́бо ... а́ли́бо</i> 'ли́бо ... ли́бо' — канд., прион., кондоп., карг.

женин: *Надо почистить песком а́либо с золой*. Прион. *Надо бы ехать в Вазжины, а́либо не поеду, пусть будет так*. Подп. (СРГК: I, 18). *А́либо* используется в предложениях с однородными сказуемыми, которые могут быть выражены глаголом и частицей *нет*: *Ещё будешь чай а́либо нет? Говори, ломал ты блюдец а́либо нет*. Прион. (Там же). Союз *а́либо (а́льбо)* 'или' также встречается в средне-, южнорусских, сибирских говорах. В псковских диалектах зафиксированы варианты *али́бо, али́бы* (ПОС: I, 59–60; СРНГ: I, 237–238; Даль: I, 2).

2. Разделительный повторяющийся союз *а́либо ... а́либо* 'либо ... либо' бытует в кандалакшских, прионежских, заонежских, архангельских диалектах: *А́либо булки купишь, а́либо сдобы, а больше «либо» говорим*. Канд. *А́либо пойду, скажет, а́либо не пойду, не знаю ещё*. Прион. (СРГК: I, 18). Союз известен псковским, селигеро-торжковским говорам (СРГК: I, 18; ПОС: I, 59–60; Селигер: I, 16–17). Отмечены следующие варианты: *али́бо ... али́бо, а́льбо ... а́льбо* — в псковских говорах (ПОС: I, 59–60), *али́бо ... али́бо* — в калужских, *альбо ... альбо* (без ударения) — в сибирских (СРНГ: I, 237–238).

Итак, в русских говорах, в том числе и северных, сохраняются древние партикулярные союзы общеславянского фонда *бо, або, небо, либо, лебо, алибо (альбо)*.

I. Все союзы зафиксированы в памятниках древнерусской письменности. Древние лексемы имеют некоторые структурные особенности: союз может чередоваться с другим союзом в одной конструкции, образуя составной (*либо ... либо*); слово может состоять из большего числа партикул (*небо, небонъ, небоно* 'ибо, так как'). Укажем также на наличие слитного и раздельного написания союзов в исторических лексикографических источниках, отражающих определенные стадии формирования грамматической единицы (*алибо* — союз + частица и *альбо* — союз). Эти факты свидетельствуют об относительной «подвижности» структуры партикулярных союзов древнерусского языка.

Обратим внимание на то, что древние союзы имеют особенности употребления в предложении: союз может занимать особую позицию (*бо* после первого слова придаточной части).

Отметим функционально-семантические характеристики союзов древнерусского языка. Союзы *або, али бо (албо, альбо)* выражали разделительные отношения, *небо (не бо, небонъ, небоно)*, для того ... *лебо* — причинные. Союзы *бо, либо* были многозначными,

они могли оформлять предложения с сочинительной и подчинительной связью: *бо* — союз причинный, присоединительный, последовательный, противительный, уступительный, следствия; *либо* — разделительный, условный, уступительный, причинный. По-видимому, на определенном этапе развития языка партикулярные союзы могут развивать несколько значений.

Как показывает материал, в произведениях XVIII в. союзы *або*, *алибо*, *лебо* уже не используются. Союзы *бо*, *небо* имеют стилистические ограничения (в дальнейшем они совсем выходят из употребления в литературном языке). Союз *либо* сохраняет разделительное значение, частотность его употребления в условном и уступительном значениях постепенно падает, с причинным значением он не зафиксирован (с разделительным значением он продолжает использоваться в современном литературном языке). Таким образом, область функционирования почти всех исследуемых партикулярных союзов после XVII в. становится диалектная речь. Как известно, к XVIII в. складывается система сочинительных союзов, вырабатываются нормы употребления тех или иных союзов в предложениях с определенной грамматической семантикой: *и*, *да* — соединение, *а*, *но* — противопоставление и т. д.³⁶ В литературном языке XVIII в. в большом количестве появляются новые союзные средства, оформляющие предложения с сочинительной связью. Кроме простых и повторяющихся в это время начинают функционировать разного рода составные союзы³⁷. К XVIII в. происходят существенные изменения в системе подчинения: образуются новые специализированные союзы, в том числе и составные; устраняется многозначность союзов и т. д.³⁸ Как видим, эти процессы затрагивают и партикулярные союзы: после XVII в. в литературном языке сохраняется разделительный союз *либо*; остальные союзы, претерпевая некоторые изменения, продолжают функционировать только в диалектах.

II. При сопоставлении данных говоров и древнерусского языка выясняется, что семантические характеристики древних и современных союзов не всегда идентичны. Попутно отметим, что рас-

³⁶ Стеценко А. Н. Сложносочиненное предложение в древнерусском языке. М., 1962. С. 188.

³⁷ Дмитрук Т. И. Средства связи в однофункциональных конструкциях простого предложения в литературном языке XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. С. 9.

³⁸ Стеценко А. Н. Исторический синтаксис. ... С. 344.

хождение в семантике союзов наблюдается и при сравнении сведений русского и других славянских языков. Т. М. Николаева пишет, что: 1) в языке возможно появление оппозиций по количественному составу партикулярных лексем и их семантике — в литературном языке и диалектах, в древнем языке и современном; 2) партикулярные лексемы при формально-генетическом тождестве могут иметь семантические отличия в различных славянских языках³⁹. Наш материал иллюстрирует эти положения.

1. Семантика диалектного и древнерусского союзов совпадает: союз *алибо* в разных огласовках продолжает функционировать в говорах с прежним разделительным значением. Союз известен на всей территории распространения русских говоров. Разделительный союз *albo* в различных вариантах функционирует в языках всех славянских групп.

2. Семантика диалектных союзов может отличаться от древнерусских:

—) в древнерусском языке использовались причинные союзы *не бо*, *небо*, *небонъ*, *небоно*, ср.: причинный *небо*, *небонъ* употреблялся в старославянском языке, архаичный *небо* (*neb*) бытует в нижнелужицком языке, *nebot'* употребляется в чешском; разделительный *небо* зафиксирован в севернорусских говорах и *небо*, *neb*, *anebo*, *plebo* — в западнславянских языках, как в современных, так и в древних;

—) причинный союз *для того ... лебо* употреблялся в древнерусском языке; разделительный *лебо* отмечен в севернорусских и сибирских говорах (вариант *лево* — в вологодских диалектах); союз *lebo* с разделительным, причинным, уступительным значениями и *alebo* с причинным и разделительным известны западнславянским языкам.

3. Семантика диалектных и древнерусских союзов может совпадать частично:

—) союз *бо* сохраняет причинное значение в южнорусских говорах и развивает разделительное и условное в севернорусских, остальные значения (присоединительное, последовательное, противительное, уступительное, следствия) им утрачены; союз в причинном значении отмечен в языках всех славянских групп, в старосербском, кроме того, — в противительном, в украинском — в значении 'же', староукраинском — в значении 'что';

³⁹ Николаева Т. М. Функции. . . С. 127–131.

—) союз *або* продолжает функционировать с разделительным значением на всей территории распространения русских говоров, но в южных диалектах, помимо этого, у него появляется условно-временное значение; ср.: разделительный союз отмечен в языках всех славянских групп, за исключением старопольского, польского, верхнелужицкого языков, где слово отмечено с разделительным и причинным значениями.

Подчеркнем, что диалектные разделительные союзы *небо*, *лебо* имеют эквиваленты в западнославянских языках, при этом в древнерусском языке они с этим значением не функционировали. Интерес представляет и тот факт, что в севернорусских говорах отмечен союз *бо* с разделительным и условным значением, а в южнорусских — *або* с условно-временным, в то время как в древнерусском языке и других славянских языках они с этими значениями не зафиксированы. Возможно, русские диалектные союзы развили дополнительные значения, но в случае с *небо*, *лебо* обнаруживается связь с западнославянским ареалом.

III. В диалектной речи исследуемые союзы в основном употребляются с разделительным значением. Иными словами, в говорах имеет место междиалектная синонимия разделительных союзов. Синонимия наблюдается и в пределах одного говора, поскольку наряду с данными союзами в диалектной речи функционируют общеупотребительные лексемы. Исследуемые союзы и их варианты имеют следующее распределение в русских говорах:

сев.-рус.: разделит. *бо*, *або*, *не́бо*, *ле́бо* (*ле́во*), *а́либо* (*а́льбо*); условн. *бо*, *бо* ... *как*, *дак*; пояснит. *либо*; сиб.: разделит. *ле́бо*, *а́либо*, *а́льбо*;

ср.-рус.: разделит. *або* (*абó*), *а́либо* (*а́льбо*, *а́либы*, *а́ли́бо*);

юж.-рус.: причин. *бо*; разделит. *або* (*абó*), условно-временн. *або*; разделит. *а́льбо*, *а́ли́бо*.

Напомним, в славянских языках основными значениями частицы с опорой на *b* являются причинное и разделительное (с переходом в условное); *l*-частица основным имеет разделительное значение. У русских диалектных союзов, хотя и не регулярно, проявляется разделительное значение; ср.: в современном литературном языке партикулярные союзы (*а*, *или*, *но*, *да* и др.) также в основном выполняют сочинительную функцию.

Союзы, употребляющиеся в севернорусских говорах, имеют ряд фонетических и функционально-семантических особенностей.

1. В сравнении с союзами других говоров данные союзы менее

вариативны в отношении их фонетического облика. Наибольшее количество вариантов отмечено в средне-, южнорусских говорах. Союзы несеверных говоров могут иметь ударение и на первый, и на второй слог, тогда как у севернорусских лексем ударение падает на первый слог, что, очевидно, объясняется влиянием прибалтийско-финских языков. Фонематический вариант союза *лебо* ... *лебо* — *лево* ... *лево* в севернорусских говорах, на наш взгляд, также появился под воздействием прибалтийско-финского субстрата. В среднерусских говорах употребляется фонематический вариант союза *алибо* — *áлибы*, широко распространен в говорах редуцированный вариант *альбо*.

2. В северных диалектах зафиксирован двойной союз *бо* ... *как, дак*. Наличие подобных образований отмечено в древнерусском языке.

3. Диалектные союзы, совпадающие формально с литературными, могут развивать в говорах дополнительные значения; так, союз *либо* употребляется с пояснительным значением 'то есть'.

4. Функционирующие в говорах лексемы, например, *бо*, *або*, могут занимать не типичную для современных союзов позицию в предложении. В этих случаях они представляют собой гибридные образования: у союза *бо*, стоящего после каждого однородного члена предложения, сохраняется функция эмфатической частицы, присущая древнерусской лексеме; лексема *або* может стоять после однородных членов, совмещая функцию модального слова и союза.

Выполненное описание отражает ареальную дистрибуцию партикулярных лексем в славянском континууме с учетом данных русских диалектов, показывает семантическую динамику и стилистическую дифференциацию этих грамматических средств в русском языке, выявляет особенности функционирования союзов в русских говорах. В дальнейшем необходимо всестороннее исследование других партикулярных союзов, сохранившихся в диалектной речи.

О СЛОВЕ *БУЗГОРОК* И ЕГО РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ

Псковским, смоленским и примыкающим к ним западным новгородским говорам известно слово *бузгóрок* 'небольшая горка, холм' Холм., Пуст., Вл., 'часть поля' Вл., *бузгóр* и *бузгóрок* 'небольшой холм, горка, бугор' Смол., Дор., Вяз., Росл., Поч., Ярц., Гаг., 'небольшой пригорок' Дем., Холм., а также родственные *бузгóрина* 'холм' Локн., *бызгурóк* Вл. и др. В научной литературе более подробно описан ареал этих слов, включающий территорию Могилевской и Гомельской областей Белоруссии и Черниговско-Сумского Полесья Украины, и сделана попытка их этимологизации¹. Рассматривая вопрос о происхождении слова *бузгóрок*, В. Л. Васильев выдвигает два предположения: 1) «контаминация, скрещение двух географических терминов, сходных формально и семантически: *бугорóк* + *узгóрок*», при этом автор, вероятно, учитывает возможное наличие фонетического варианта *узгóрок* < *взгорок*; 2) присоединение архаической приставки *бу-* к распространенному диалектному термину *узгорок* (*узгор*). Исследователь предпочитает второе из указанных решений², при этом, однако, не обозначает ареал бытования термина *узгорок*, не отмеченного такими областными словарями, как СРНГ³, НОС, АОС, ЯОС и др.

Обоснованность данной версии, сориентированной прежде всего на начальное *бу-* в анализируемом слове, кажется недостаточно

¹ Васильев В. Л. Географические термины бузгорок, бузвальчия, бутока: (Ареал и этимология) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб., 2003. С. 204–208.

² Там же. С. 206.

³ См.: Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / Под ред. Ф. Гледни. СПб., 2000. С. 287.

© Л. П. Михайлова, 2008

убедительной: не учитывается важный, на наш взгляд, предкорневой компонент в полном объеме, игнорируется наличие звука -з- между предполагаемой приставкой *бу-* и исконным корнем *-гор-*. Аналогичная ситуация наблюдается и в параллельно анализируемом слове *бузбáльчик* 'низкое топкое место на берегу' Нев.

Есть основания предложить другое решение, учитывая наличие параллельных лексикализованных вариантов, различающихся предкорневыми компонентами, восходящими к единой приставке. Ср. данные словарей: *вузбóрина, -нка* 'небольшая горка' Пуст. (ПОС: V, 100), *взбóрок* 'пригорок, небольшая горка' Палк. (ПОС: III, 152), *взбóрок* 'бугор' Уржум. Вят., *взбóрка* 'пригорок, взгорок' Иван. (СРНГ: IV, 257). Своеобразную приставку *вуз-* следует рассматривать как фонетический вариант приставки *воз-*, переход [o] > [y] вполне закономерен в безударном положении: *возгýринка* 'небольшое возвышение, горка' Пуст. (ПОС: IV, 90). Одновременно происходит своеобразная диссимиляция гласных в приставке и корне. Ср. также наличие приставки *вуз-* в глаголе *вузжалéться* 'проникнуться жалостью, состраданием к кому-н.' Пск. (ПОС: V, 100) и *возжалéться* 'проникнуться жалостью, сочувствием' Гряз. (СВГ 1: 77). Следовательно, *вузбóрок* восходит, по всей вероятности, к **возбóрок* (< *взбóрок*).

Модификации приставки могут быть связаны с трудностью произношения группы согласных, которая в говорах ликвидируется разными путями.

Во-первых, происходит сокращение группы *взг-* > *зг-*: *згорок* 'пологая возвышенность; пригорок, небольшая горка' (СлРЯ XVIII: III, 120), ср. *взгляnúть* и *згляnúть* 'взглянуть, посмотреть' Волог., Арх., Север. (СРНГ: XI, 228). Данное явление в целом характерно для русского языка.

Во-вторых, после подобного сокращения при сохранении двух согласных в сочетании возможно развитие протетического гласного *и-*, *о-* или *у-*: *узбóрок* 'грива или возвышенное место дна озера' Пск. (СРНГ: XII, 122), *узбóрок*⁴, ср. также *озгбóлки* 'ручьи, текущие с шумом' Ворон. (СРНГ: XXIII, 86). В русских говорах, расположенных в зонах славяно-финских языковых контактов, довольно сильно влияние анлаутной системы соседних языков, характеризующейся отсутствием сочетаний согласных в начале слова⁵. Можно

⁴ Васильев В. Л. Географические термины... С. 206.

⁵ Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Осно-

предположить, с некоторой долей сомнения, что при дальнейшем упрощении группы согласных также возможна протеза (*зг-* > *г-* > *ог-*): *огóрок* ‘пригорок’ Пск., Калин., Моск., ‘бугор, возвышение на дне озера, реки’ Пск. (СРНГ: XXII, 350), *огóрок* ‘пригорок’ Некрас. Яросл. (ЯОС: VII, 31), *огóрчина* ‘небольшая возвышенность’ Кириш., *огóрышек* ‘небольшой холм’ Канд. (СРГК: VI, 142), *угóрец* ‘холм’ Перм. (СПГ: II, 466). Однако заметим, что начальное *у-* в слове *узгóрок* скорее всего объясняется переходом [в] > [у] и его лексикализацией. Приставка *у-* в широко известном говорам слове *угóр* ‘небольшая возвышенность’, представленном в БАС с пометой «обл.», имеет иное происхождение (Фасмер: IV, 146) и, следовательно, не может рассматриваться как одно из звеньев указанных преобразований.

При изменении *взг-* > *зг-* > *г-* приставка исчезает, в результате чего становится невозможным существование слова (вз)гóрок, образовавшегося префиксально-суффиксальным путем: гласный *о* или *у-* как бы возмещает утраченную приставку. Параллельно происходит некоторый сбой в восприятии исконной семантики слова, структура которой в значительной степени определилась именно значением приставки *вз-* — ‘подъем’, ср. ‘подножие горы, холма; скат горы’ — *подгóр* Пест., Кириш., Карг., Арх., Кир., *подгóра* Медв., Свердл., Ворон., Том., Новосиб., *подгóрочка* Лод., *подгóрец* Кириш., *подгóрица* Кирил., Шексн., Арх., Волог., Киров., Яросл., Свердл., Ср. Урал., *подгóрка* Медв., *подгóрок* Кир., *подгóрушка* У.-К., *подгóрушечка* Медв., *пóдгорь* Мурман., *подгóрье* Влгд., Ник., Свердл., Арх. (СРГК: IV, 621; СРНГ: XXVII, 380; СВГ: VII, 91), где *под-* — ‘спуск’; *пригóрок* ‘небольшой холм, бугор’ с *при-* — ‘при, у, к’ (Фасмер: III, 362). Иными словами, можно предположить, что в случае *огóрок* отражаются оба процесса — упрощение анлаутной консонантной группы и появление протезы как формального заместителя префикса, необходимость которого продиктована словообразовательной моделью: *вз-гор-ок* > *з-гор-ок* > [ø]-гор-ок > *о-гор-ок*. Протетическое *о-* здесь возникло в результате изменений нерегулярного характера, не свойственных русскому языку, оно является неисконным, экстенциальным. Подобный процесс наблюдается и в других словах с приставками *вз-*, *вс-*, *с-* в позиции перед согласным звуком, например: *оглунить* ‘совершить промах, нелепую ошибку;

вы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 119.

сглушить' Кирил. (СРГК: IV, 136), ср. *сглу́пѣтъ*; *ополо́хатъ* 'испугать' Подп. (Там же: 218), ср. *сполбхатъ* 'то же' Холм., Шим., Чуд., Бокс., Лод., Подп., Тихв., Пест., Медв. (Там же: 264), *всполбхатъ* 'то же Медв. (Там же: I, 245); *огорб́атѣся* 'сгорбиться, согнуться' Бокс., Выт. (Там же: IV, 140), ср. *сгорб́атѣся* 'ссутулиться, согнуться' (Там же: VI, 27); *оклесн́уть* 'взмахнуть, всплеснуть' Кириш. (Там же: I, 175), ср. *склесн́уть* 'хлопнуть, всплеснуть руками' Ладож. Петерб. (Там же: XXXVIII, 26), *всклесн́уть* 'всплеснуть' Опоч., Остров. Пск. (Там же: V, 202).

В-третьих, возможно появление вставного гласного в приставке в положении перед согласным (*вз-* > *воз-*), ср. *воздохн́уть* Печ. и *вздохн́уть* Палк. 'сделать вдох и выдох' (ПОС: III, 154). Безусловно, надо иметь в виду, что в большей степени приставка *воз-* характерна для слов церковно-славянского происхождения; с данной приставкой отмечено слово *возгорие* 'то же, что взгорок' с пометой «слав.», как вариант к слову *взгорье* в словаре XVIII в. (СлРЯ XVIII: III, 120). Ср. *вузб́орина*, *-инка*, *возѓуринка* в псковских говорах (см. выше).

В сопоставительном плане интересны слова 1) *взвал* 'переход от глубокого места к мелкому' Пск. (ПОС: III, 150), *звал* 'обрыв в озере' Пск. (СРНГ: XI, 209), *изва́л* 'граница между отмелью и глубоким местом на дне реки; крутой обрыв' Гд., Пск. (ПОС: XIII, 200), *ова́л* «скат» Пск., Осташк. Твер. (СРНГ: XXII, 290), *вза́лок* 'небольшое возвышение, холмик' Смол., Новос. Тул. (Там же: IV, 246), ср. также белорус. *узва́л* 'высокий берег озера'⁶, *узвало́к* 'пригорок' Онеж. (СРГК: VI, 592); 2) *взлб́ок* 'небольшая возвышенность' Сол., Шим., 'крутой подъем в гору' Ст. (НОС: I, 125), *взлб́ок* 'возвышенное место, крутой пригорок' — «простореч.» и «обл.» (СРНГ: IV, 264); *злб́ок* 'небольшая горка, холмик' Перм., Челяб., Краснояр., Южн.-Сиб., 'небольшой подъем на дороге, пригорок' Волог., Олон., Костром., Перм. и т. п. (Там же: XI, 288); *излб́ок* 'небольшая возвышенность, пригорок, холм' Кадн. Волог., Волог., Ср. Урал (Там же: XII, 139); *озлб́ок* 'верхняя часть бугра, взлобок (где пасут скот)' Ворон. (Там же: XXIII, 95), *узлб́ок* 'пригорок, холм' Смол.⁷.

Модификация *вуз-* > *буз-* вполне объяснима меной согласных [в] и [б]. Случаи замены звука [v] звуком [b] известны некоторым

⁶ *Васильев В. Л.* Географические термины. . . С. 206.

⁷ *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов: Справочник: В 2 т. 2-е изд. М., 1999.

прибалтийско-финским языкам⁸. Мена звуков [б] ~ [в] наблюдается в лексике псковских и севернорусских говоров⁹, ср.: *вудзырять* ‘есть с жадностью’ Пск. (ПОС: V, 100) и *буздырять* ‘есть что-л. жидкое, хлебать’ Чухл. Костром., Ср. Урал., ‘есть, хлебать быстро, с жадностью’ Никол. Волог., Волог., Перм. (СРНГ: III, 256); *зёбка* ‘о печи в доме’ Печ. (ПОС: XII, 308) — *зёбка* ‘изба’ Стр., *чёрная изёбка* ‘маленькое жилое помещение с печью без трубы’ Сер. (Там же: XIII, 229–230), *незавудка* ‘незабудка’ Пушк. Пск. (СРНГ: XXI, 45) — примеры с [в] на месте [б]. Как видим, среди случаев обратного порядка слово *бузгóрок*. Слова с [б] на месте [в] известны и другим говорам: *ботóла* ‘мешок, в котором крестьяне-охотники носят дичь’ Каргоп. Олон. (Там же: III, 138), ср. *вотóла* ‘грубая ткань из льну и поскони, употребляется на мешки’ Каляз. Твер., близкие знач. Ряз., Тамб. (Там же: V, 159) *болнушка* ‘гриб волнушка’ Кад., Кир. Влг. (СГРС: I, 137); *обоци* ‘овощи’ Шим. (НОС: VI, 105) и многие другие. Интерес представляет данное преобразование в приставке: *бозáболь* ‘в самом деле, действительно’ Кем. (СРГК: I, 84), ср. *возáболь* ‘в самом деле, всерьез’ Белом., *вzáболь* ‘то же’ Выт., Новг., Подп., Лод. и др. (Там же: 191).

Наблюдения позволяют высказать предположение, что слово *бузгóрок* ‘взгорок’ обязано своим появлением модификации предкорневого компонента *вз-* (*взз- > вз- > вoз- > вуз- > буз-*), прошедшей не без влияния фонетических особенностей прибалтийско-финской языковой системы. Однако, если учесть давность славяно-прибалтийско-финских контактов, гласный *-y-* можно рассматривать и как результат усвоения древнего звука **ǔ* (> *ʋ*): др.-русс. *взз- > вуз- ~ буз-*. Следовательно, необходимы дальнейшие поиски в решении вопроса об этимологии слова *бузгóрок*.

⁸ Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001. С. 128; Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. С. 361.

⁹ Михайлова Л. П. 1) Прибалтийско-финское воздействие на лексику псковских говоров // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии: Межвуз сб. научных трудов. Псков, 2007. С. 155; 2) Ареальная характеристика лексики с экстенциальными признаками // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб., 2007. С. 67.

СОКРАЩЕНИЯ

- Аверк — *Аверкиев И. О.* Некоторые данные о говоре деревни Высоково // Диалектологический сборник / Под ред. А. С. Ягоднинского. Вологда, 1941. Вып. 1. Ч. 1.
- Агран. — *Агранов В. Е.* Наблюдения над лексикой говоров Шольского района Вологодской области (Жилой дом и надворная постройка) // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1959. Т. 169.
- Алешина — *Алешина Л. М.* Лексика коноплеводства в орловских говорах. Орел, 2003.
- АОС — *Архангельский* областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовоой. Вып. 1–12. М., 1980–2004.
- Арт. — *Артамонов М. И.* Постройки Краснохолмского района // Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926.
- Арханг. — *Архангельский А. С.* Давшино, Ярославской губернии, Пошехонского уезда // Этнографический сборник. 1854. Вып. 2.
- Б. — *Бялькевич К.* Краёвы слоўнік ўсходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Барт — *Бартенев И., Федоров Б.* Архитектурные памятники русского Севера. Л.; М., 1908.
- БАС — *Словарь* современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- Беж — *Бежкович А. С., Жсгалова С. К., Лебедева А. А., Просвиркина С. К.* Хозяйство и быт русских крестьян // Памятники материальной культуры: Определитель. М., 1959.
- Бекіш — *Бекіш В.* З лексікі вёскі Кліманты // Матэрыялы для слоўніка / Под ред. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960.
- Бел., Беляева — *Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
- Белоус. — *Белоусова Е.* Архитектура крестьянского жилища конца XVIII и первой половины XIX в. в Горьконской области // Архитектурное наследство. 1955. № 5.
- БЕР — *Български* етимологичен речник. Т. 1–6, София, 1971–2002.

- Берг — *Берг Ф.* Нечто о древности типа деревянных построек и резьбы в Важском крае. СПб., 1882.
- Бердникова — *Бердникова Т. А.* Соматическая фразеология как отражение наивных представлений о человеческом теле // Вопросы русского языкознания. Вып. X. Архангельские говоры: Словообразование. Лексика. Семантика. М., 2003. С. 85–94.
- Берн — *Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983.
- Бех. — *Бехман А. Д.* Черты нового в архитектуре русского крестьянского жилища // Советская этнография. 1955. № 3.
- Блом. — *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. М., 1956.
- Бојан. — *Бојанић Р. М., Тривунац Р.* Рјечник дубровачког говора. Београд, 2002.
- Борисова — *Борисова О. Г.* Кубанские говоры. Материалы к словарю. Краснодар, 2005.
- БРС — *Белорусско-русский* словарь. М., 1962.
- БСЭ — *Большая советская энциклопедия.* Т. 3. М., 1950.
- БТС — *Большой толковый словарь.* СПб., 2001.
- БТСДК — *Большой толковый словарь донского казачества.* СПб., 2003.
- Бул — *Булч С. К.* Материалы для русского словаря // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. 1896. Т. 1. Кн. 2.
- Бурн. — *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: В 2 т. СПб., 1844.
- Бус. — *Бусыгин Е. П.* Поселения и жилища русского сельского населения Татарской АССР // Советская этнография. 1953. № 2.
- Васильев — *Васильев В. Л.* Новгородская географическая терминология: Ареально-семасиологические очерки. Великий Новгород, 2001.
- Васн., Васнецов — *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
- Веселовский — *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Власова — *Власова Л. А.* Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах. Орел, 2005.
- Воронова — *Воронова Л. А.* Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья: Канд. дис. Петрозаводск, 1968.
- Вол — *Волоцкий В.* Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губернии) говора: Словарь ростовского говора // Сб. Отд. рус. яз. и словесности. 1902. Т. 72.
- ВР — Верхняя Русь (историко-культурная зона).
- Ганц. — *Ганцкая О. А.* Материальная культура русского населения северо-западных областей России в XIX — начале XX в. // КСИЭ. 1955. Вып. 22.

- Ганцовская — *Ганцовская Н. С.* Особенности говоров Костромской области. Кострома, 1992.
- Герас. — *Герасимов М. К.* Словарь уездного череповецкого говора // Сб. Отд. рус. яз. и словесности. 1910. Т. 8. № 3.
- Гольд — *Гольдин В. Е.* О языковом выражении тематических связей названий построек и их частей в русских говорах // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1905.
- Граб. — *Грабарь И.* История русского искусства. Т. 1. Архитектура. М., 1909.
- Гранд — *Грандилевский А.* Родина М. В. Ломоносова: Областной крестьянский говор // Сб. Отд. рус. из. и словесности. 1907. Т. 93. № 5.
- Гринч., Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словник української мови: В 4 т. Київ, 1907–1909.
- Громов 1992 — *Громов А. В.* Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль, 1992.
- Громов 2000 — *Громов А. В.* Жгонский язык. М., 2000.
- Губарева 2003 — *Губарева В. В.* Словарь тамбовских говоров (лексика питания). Тамбов, 2003.
- Гуліцкі — *Гуліцкі М.* З лексікі вёски Зарытава // Матэрыялы для слоўніка / Пад. ред. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960.
- Д., Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955–1956.
- ДДЗ — Днепро-Двинская историко-культурная зона.
- Дилакторский — Словарь вологодского областного наречия. По рукописи П. А. Дилакторского. 1902. Издание подготовили А. И. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.
- Доп., Дополнение — *Дополнение* к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- Дуров — *Дуров И. М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / Под ред. Н. Виноградова. Соловки, 1929.
- Евд — *Евдокимов И.* Старинные красноборские печи. Вологда, 1910.
- Едем — *Едемский М. Б.* Этнологические наблюдения в Пинежском, крае Архангельской губернии в 1921 г. // Север. 1923. № 4.
- Елезовић — *Елезовић Г.* Речник косовско-метохиског дијалекта. Београд, Sv. 1. 1932; Sv. 2. 1935.
- ЕСУМ — Етімологічний словник української мови. Т. 1 Київ, 1982.
- Еф. — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии: В 2 ч. Ч. 1 // Известия общества любителей естествознания, археологии и этнографии. 1877. Т. 30. Вып. 1.
- Ж — *Желеховский А. А.* Малорусско-німецкий словарь: В 2 т. Львів, 1886.
- Жугић — *Жугић Р.* Речник говора јабланичког краја. СДЗЈ. ЛП, Београд, 2005 (Лесковац, Лебане).

- Заб — *Забелло С.* Каргопольская экспедиция // Архитектурное наследство. 1955. № 5.
- Зам — *Замкова В. В.* Специальная лексика в Словаре Академии Российской (лексика ремесел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.
- Зел-1 — *Зеленин Д.* Дополнительные и критические замечания о вятской лексике. Приложение к отчету о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сб. Отд. рус. яз. и словесности. 1903. Т. 76. № 2.
- Ив. — *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Тр. Этнограф. отд. 1890. Т. 2. Вып. 1.
- Кайг — *Кайгородов Д. Н.* Русский толковый лесотоварный словарь. СПб., 1883.
- Калинин — *Калинин Н. Ф.* О русском народном зодчестве // Изв. Об-ва археол. истории и этногр. при Казанском ун-те. 1925. Т. 33. Вып. 1.
- КАОС — *Картотека* Архангельского областного словаря. Хранится в кабинете диалектологии МГУ.
- Кар — *Каринский Н. М.* Очерки языка русских крестьян: Говор деревни Ванилово. М.; Л., 1936.
- Карзюнок — *Карзюнок М. М.* Матеріали до словника західноволінських говірок // Українська діалектна лексика. Київ, 1987.
- Кедр — *Кедров Н.* Материалы лексикографические по новгородским говорам. 1. Слова череповецкие. 2. Слова ладожские // Живая старина. 1898. Вып. 3, 4.
- ККГПИ — *Картотека* Карельского государственного педагогического университета (института).
- КНГ — *Картотека* новгородских говоров.
- КНОС — *Картотека* Новгородского областного словаря. Хранится в кабинете диалектологии филологического факультета НовГУ.
- Кобелева — *Кобелева И. А.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004.
- Кондр — *Кондратьева В. П.* Профессиональная лексика псковских плотников // XIX герценовские чтения. Л., 1966.
- Коп — *Копорский С. А.* Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Учен. зап. Калнинского пед. ин-та. 1945. Т. 10. Вып. 3.
- Коп-1 — *Копорский С. А.* О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии: (Материалы и наблюдения) // Тр. Ярославского пед. ин-та. 1929. Т. 2. Вып. 3.
- Корол. — *Королев Ф. Н.* Сельское строительное искусство. Вып. 1–2. СПб., 1896.
- Кост. — *Костиков Л.* Изба семи государей // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Т. 2.

- Костромичева — *Костромичёва М. В.* Словарь свадебной лексики Орловщины. Орел, 1998.
- КПГ — *Картотека* пинежских говоров.
- КПГУ — *Картотека* Петрозаводского государственного университета.
- КПОС — *Картотека* Псковского областного словаря с историческими данными. Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на факультете филологии и искусств СПбГУ.
- КСРГК — *Картотека* Словаря русских говоров Карелии. Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на факультете филологии и искусств СПбГУ.
- КСРГНП — Картотека словаря русских говоров Низовой Печоры, хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина факультета филологии и искусств СПбГУ.
- КрЭС — *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
- Кузм — *Кузмищев И. Ф.* Собрание особенных слов Архангельской губернии // Арханг. губ. ведомости. 1847. № 2–41; 1849. № 25–28.
- Кулик., Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Куф — *Куфтин Б. А.* Изба пряжа и непряжа // Моск. краевед. 1928. № 4.
- Лаучоте — *Лаучоте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Лев — *Левинсон Н. Р., Маясова Н. А.* Материальная культура русского Севера в конце XIX — начале XX в. // Историко-бытовые экспедиции. 1949–1950 (Тр. Гос. ист. музея. Вып. XXIII). М., 1953.
- Лес — *Лесков Н.* Отчет о поездке в Чудской край (Олонецкой губернии, Лодейнопольского уезда) в 1894 г. // Живая старина. 1895. Вып. 1.
- Лингвистический словарь — *Лингвистический* энциклопедический словарь. М., 1960.
- Лис. — *Лисенко П. С.* Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961.
- ЛРС — *Либериц А.* Литовско-русский словарь. Вильнюс, 1962.
- ЛТГ — Ладого-Тихвинская группа говоров.
- Лутовинова 1997 — *Лутовинова И. С.* Слово о пище русских. СПб., 1997.
- Мак. — *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955.
- Мак-1 — *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955.
- Максимов — *Максимов С. В.* Год на Севере. Архангельск, 1984.
- Макушева — *Макушева О. А.* Словарь метеорологической лексики орловских говоров. Орел, 1997.
- МАС — *Словарь* русского языка: В 4 т. М., 1981–1984.

- Масл-1 — *Маслова Г. С.* Селения и постройки колхозов Московской области: (По материалам экспедиции 1950 г.) // Советская этнография. 1951. № 2.
- Маслов — *Маслов В. Г.* Словарь говора Добринки. Шуя, 1993.
- Матв — *Матвеева Е. В., Тихоницкая Н. Н., Луппова Е. П.* Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда летом 1925 г. // Тр. Вятского гос. музея. Т. 1. Вятка, 1927.
- Мат-лы МДК — Свод материалов, собранных комиссией // Тр. Моск. диалектол. комиссии. 1930. Вып. 2.
- Мач. — *Мачинский В. Д.* Крестьянское строительство в России. М., 1924.
- МГ — Матэрыялы для дыялектнага. слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова. Мінск, 1975. Вып. 3.
- Мельн. — *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
- Мельн.-3 — *Мельниченко Г. Г.* Семантика и территориальное распространение и семантика некоторых слов по данным современных говоров // Вопросы русского языка. Вып. 1. Ярославль, 1970.
- Меркурьев — *Меркурьев И. С.* Живая речь Кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Минкин — *Минкин Л. А.* Топонимы Мурмана. Мурманск, 1978.
- ММ 1991 — *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Миртов — *Миртов А. В.* Донской словарь. Ростов н/Дону, 1929.
- Моисеева — *Моисеева Л. С.* Словарь диалектных глаголов Тамбовской области. Тамбов, 1998.
- Мука — *Мука Э.* Словарь нижнелужицкого языка. Т. 1. Пг., 1921; Т. III. Prag, 1928.
- Муллов — *Муллов П.* Материалы для русского областного словаря // Зап. Казанск. экон. об-ва. 1856. Ч. 1–3.
- Мулт — *Мултановский И.* Деревянная стройка в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 г. Вятка, 1906. Ч. 27.
- Мурзаев — *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- МФССП — Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К. Н. Прокошева. Пермь, 1972.
- Мюллер — *Карелия в XVII в.* / Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948.
- Наумов — *Наумов И. Ф.* Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. СПб., 1874.
- Нем. — *Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

- НОС — *Новгородский* областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- Носович — *Nosoviči Slovar' belorusskaga narečija*. SPb., 1870. München, 1984–1986.
- Ночв — *Ночвин Н. П.* Материалы для изучения народного языка. Говор крестьян Шадринского уезда Пермской губернии // Зап. Уральского об-ва любителей естествознания. 1913. Т. 32. Вып. 2.
- НС — Народные слова. Минск, 1976.
- Ож — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1990.
- Он. — *Ониськевич М. И.* Словник бойківських говірок. Ч. 1. Київ, 1984.
- ООС, Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Опол — *Ополовников А. В.* Русский Север. М., 1977.
- Опыт — *Опыт* областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- ОРС — *Бондалетов В. Д.* Офенско-русский словарь // Бондалетов В. Д. Условные знаки русских ремесленников и торговцев. Вып. 1. Рязань, 1974.
- Осип. — *Осипов Д. П.* Крестьянская изба на севере России. Тотьма, 1924.
- Осипова — *Осипова Е. П.* Язык рязанского костюма. Наименования элементов народной одежды в рязанских говорах. Рязань, 2003.
- ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975.
- Пес. — *Песселеп Л. И.* Постройки Бежецкого уезда // Верхне-Волжская этнологическая экспедиция... Л., 1926.
- Печор. — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2004–2006.
- Пил — *Пиляевский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С.* История русской архитектуры. Л., 1984.
- Пир — *Пирогова Л. И.* Описание говора шести пунктов Холмогорского района Архангельской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1959.
- Пискунова 2002 — *Пискунова С. В., Махрачева Т. В., Губарева В. В.* Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов, 2002.
- Пискунова 2003 — *Пискунова С. В., Щербак А. С., Махрачева Т. В.* и др. Словарь тамбовских говоров (растительный и животный мир, ландшафт, метеорология). Тамбов, 2003.
- Плеханов — *Плеханов С.* Инструмент, построивший Русь: Из истории древнего зодчества // Техника молодежи. 1980. № 6.
- Погодин — *Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавск. универс. изв. 1904. Т. 4.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

- Пол. — *Поляков И. С.* Этнографические наблюдения во время поездки на юго-востоке Олонецкой губернии // Записки Рус. географ. общества. Отд. этногр. 1873. Т. 3; 1881. Т. 9.
- ПОС — *Псковский* областной словарь с историческими данными. Вып. 1–17. Л.; СПб., 1967–2008.
- Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Пг.; М., 1910–1914.
- ПРН — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. Т. 1–2. М., 1984.
- Просв — *Просвиркина С. К.* Новгородская историко-бытовая экспедиция государственного исторического музея 1936 г. // Тр. Гос. ист. музея. 1941. Вып. 15.
- Рад — *Радченко Е. С.* Село Бужарово, Воскресенского района, Московского округа (монографическое описание деревни). М., 1929.
- Радлов — *Радлов В.* Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т. СПб., 1893–1911.
- Ралавец — *Ралавец М.* 3 лексікі вёскі Пустаялле // Матэрыялы для слоўніка / Под ред. Ф. Янукоўскага. Мінск, 1960.
- РДГ — Речник дубровачког говора. Београд, 2002.
- РМЈ — Речник на македонскиот јазик. Т. I–III / Ред. Б. Конески. Скопје, 1961–1966.
- Ром. — *Романов К. К.* Жилище в районе Пинеги // Крестьянское искусство СССР: В 2 т. Т. 2. Л., 1928.
- РПГ — Речник пиротского говора / Сост. Н. Живкивић. Ниш, 1983.
- РСКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Кн. XIII, Београд, 1988; Кн. XIV. Београд, 1989; Кн. XV. Београд, 1996; Кн. XVI. Београд, 2001.
- РСКЈ — Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад. — Zagreb. Т. 1. 1967. Т. 6. 1976 г.
- Рудницкий — *Рудницкий Я.* Етимологічний словник української мови. Т. 1. Вінніпег, 1972; Т. II. Вінніпег, 1982.
- Рыб — *Рыбников П. Н.* Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии. Этногр. сб. РГО. 1864. Вып. 6.
- Саф. — *Сафьянова А. В.* Народное крестьянское жилище Вологодской области // Фольклор и этнография русского севера. Л., 1973.
- СБГ — Словарь брянских говоров. Вып. 1–4. Л., 1976–1984.
- СБСЯ — *Лаучюте Ю. Л.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- СВГ — *Словарь* вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2002.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь венского языка. Л., 1972.
- СГНП — *Словарь* говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.
- СДЗ — Среднеднепровская историко-культурная зона.

- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1, 3. СПб., 2003–2007.
- Сердюкова — *Сердюкова О. К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов на Дону, 2005.
- Сибирцев — *Сибирцев И.* О старинном устройстве деревянных церквей на Севере в идейном и эстетическом отношениях // Изв. Археол. об-ва изучения рус. севера. 1914. № 13.
- Син — *Синозерский М.* Домашний быт крестьян Левочской волости Боровичского уезда Новгородской губернии // Живая старина. 1899. Вып. 4.
- СКЯМ — *Словарь* карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.
- СКЯП — *Словарь* карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- СлРЯ XI–XVII *Словарь* русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1975–2006.
- СМ — *Кузнецова А. И., Ефремова Т. В.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- Смир. — *Смирнов В. И.* Свайные постройки Костромского района // Советская этнография. 1940. № 4.
- Смирнов А. — *Смирнов А.* Свадебные обряды в Буйском и Галичском уездах Костромской губернии // Московский городской листок. 1847. № 125.
- Смирнов И — *Смирнов И. Т.* Кашинский словарь // Сб. Отд. рус. яз. и словесности. 1901. Т. 70. № 5.
- СНПР — *Линдберг Г. У., Герд А. С.* Словарь названий пресноводных рыб СССР и сопредельных стран. М.; Л., 1972.
- Соболев — *Соболев Н. Н.* Русская народная резьба по дереву. М.; Л., 1934.
- Соборнов — *Соборнов А.* К истории культуры олонеккой корелы // Олонекский сборник. Петрозаводск, 1875–1876. Вып. 1.
- СОВРЯ — Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1995.
- СОГ — *Словарь* орловских говоров. Вып. 1–14. Орел, 1989–2003.
- Сол — *Соловьев К. А.* Жилище крестьян Дмитровского края (северная часть Моск. округа). Дмитров, 1930.
- СПГ — *Словарь* пермских говоров. Вып 1–2. Пермь, 2000–2002.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Вып. 1–7. Свердловск, 1964–1988.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 4 т. СПб., 1893–1904.
- СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. Т. 1–38. М.; Л., 1965–2004.

- СРНС — *Словарь* русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.
- СРС — Саамско-русский словарь. М., 1985.
- СС — *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. М., 1986.
- ССГ — Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1973–2005. Вып. 1–11.
- СССРЯ — Словарь структурных слов русского языка. М., 1997.
- Стан. — *Станюкович Т. В., Маслова Г. С.* Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.) // Тр. ин-та этнографии. Нов. сер. 1960. Т. 57.
- Стан-1 — *Станюкович Т. В.* Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1970.
- Сц. — *Сцяшковіч Т. Ф.* Матерыялы для слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
- Тез. каринт — Thesaurus der Slowenischen Volkssprache in Kärntens. Wien., 1982.
- Ткаченко — *Ткаченко П.* Кубанский говор. М., 1998.
- Толстой 1969 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. М., 1969.
- ТРМЈ — Толковен речник на македонски от јазик Скопје т. I, 2003, т. II 2005.
- ТС — Тураўскі слоўнік. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.
- ТСГТВ — Тематический словарь говоров Тверской области / Под ред. Т. В. Кирилловой и Л. Н. Новиковой. Вып. 1. Тверь, 2002. Вып. 2. Тверь, 2003. Вып. 3. Тверь, 2004. Вып. 4. Тверь, 2005.
- ТСРЯ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1937–1940.
- Фасмер; Ф — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- Фен — *Феноменов М.* Типы крестьянской постройки у великороссов // Крестьянские постройки, М., 1929.
- Феокт — *Феоктистов В. А.* Краткий словарь народных архитектурных терминов Переславль-Залесского уезда // Доклады Переславль-Залесского науч.-просвет. об-ва. 1923. Вып. 11.
- ФРС — Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос, Л. Щербаков. М., 1977.
- ФСРЛЯ — Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. Т. 1–2. М., 1997.

- ФСРЯ — *Фразеологический словарь русского языка* / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1978.
- Хоз. — *Безжкович А. С.* и др. Хозяйство и быт русских крестьян: Опрелитель. М., 1959.
- Чиб — *Чебоксаров Н. Н.* Постройки Волоколамского уезда // Московский краевед. 1929. Вып. 3 (11).
- Чек. — *Чекалов А. К.* По реке Кокшеньге (Тарногский район Вологодской области). М., 1973.
- Черн — *Чернышев В. И.* Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда, расположенных в верховьях реки Клязьмы (Дурыкинская и Озерецкая волости) // Сб. Отд. рус. яз. и словесности. 1900 (1901). Т. 68. Кн. 3. 1–174.
- Чернышев — *Чернышев В. И.* Псковское наречие: (Наблюдения над говорами б. Псковского уезда в 1917 г.) // Тр. комиссии по рус. яз. Л., 1931. Т. 1.
- Чиж. — *Чижижова Л. Н.* Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970.
- Шайт — Шайтанов. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской области // Живая старина. 1895. Вып. 3–4.
- Шанский — *Этимологический словарь русского языка* / Авт.-сост. А. М. Шанский. Т. 1. Вып. 2. М., 1965.
- Шмакова — Принципы декора крестьянских домов и изб // Русское народное искусство Севера. Л., 1968.
- Шуст — *Шустиков А.* Тавреньга Вельского уезда // Живая старина. 1895. Вып. 2.
- Щербак — *Щербак А. С.* Лексика одежды в тамбовских говорах. Тамбов, 1999.
- ЭСБМ — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*: Т. 1–11. Мінск, 1980–2005.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–34. М., 1974–2008.
- Ягод — *Ягодинский А. С.* Народные говоры Чарозерского района Вологодской области // Диалектологический сборник / Под ред. А. С. Ягодинского. Вологда, 1941. Вып. 1. Ч. 1.
- Як — *Якушкин Е.* Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896.
- ЯОС — *Ярославский областной словарь*. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Ясн. — *Яснецкий Н.* Деревенское строительство в Печерском крае // Тр. ин-та этнографии. Нов. сер. 1960. Т. 57.
- Яўневіч — *Яўневіч М.* З лексікі вёскі Кліны // Матэрыялы для слоўніка / Под ред. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960.

- Bachmannová — *Bachmannová*. Podkrkonošský slovník. Praha, 1998.
- Bañkowski — *Bañkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. T. I. Warszawa 2000.
- Berneker — *Słownik etimologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1957.
- Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. T. 1–3. Ljubljana, 1977–1995.
- Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 2005.
- Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- Hirtz — *Hirtz M.* Rječnik narodnih zooloških naziva. Kn. 3. Ribe (Pisces). Zagreb, 1956.
- Hraste — *Hraste M, Šimunović P.* Čakavisch-deutsches Lexikon. T. 1. Wien, 1979.
- Indeks — Indeks alfabetyczny wyrazów z kartoteki “Słownika gwar polskich” / Ed. by J. Reichan. T. I–II. Krakow, 1999.
- Jek — *Jakubaš F.* Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
- Jurišić — *Jurišić B.* Rječnik govora otoka Vrgade. Zagreb, 1966.
- KKN — *Karłowicz J., Kryński A., Niedzwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. 1–8. Warszawa, 1953.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. I–V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.
- KMS — *Nirvi R. E.* Kiihtelysvaaran murteen sanakirja. I–XIII. Lappeenranta, 6/r.
- Luplijn — *Luplijn T.* Rječnik varaždinskoga kajkavskoga govora. Varaždin, 2002.
- Machek — *Machek V.* Etimologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Mogus — *Mogus M.* Senjski Rječnik. Zagreb — Senj, 2002.
- Palkovits — *Palkovits E.* Wortschatz des Burgenländischkroatischen / Ed. by I. Hamm. Wien, 1987.
- Peić — *Peić M., Bočlija Gr.* Rečnik bačkih Bunjevaca. Novi Sad, Subotica, 1990.
- PSJČ — Příruční slovník jazyka českého. T. 1–8. Praha, 1935–1957.
- Ramult — *Ramult S.* Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego (opracowała H. Horodyska). Cz II. Kraków, 1993.
- RHHKJ — Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. V. 1/ Zagreb, 1984.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. JAZU u Zagrebu V. I. 1880; V. XXIII. 1976.
- Sch — *Schulz G. V.* Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerleute und Bautischler. Wiesbaden, 1964.
- SGP — Słownik gwar polskich. T. I–III (zeszyt 1). Krakow, 1986–1989.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. T. 1–7. Helsinki, 1955–1978.
- Skok — *Skok P.* Etimologični rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. I. Zagreb, 1971; T. IV. Zagreb, 1974.

- Sl. st — Slovník staročeský. T. II / J Gebauer. Praha, 1970.
- Sl et kasz — *Borys W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. I. Warszawa, 1994; T. 4 Warszawa, 2002.
- Sławski — *Sławski Tr.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1–5. Krakow, 1952–1982.
- Snoj — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2003.
- Sochova — *Sochova Z.* Lašská slovní zásoba. Praha, 2001.
- SSJ — *Slovník slovenského jazyka.* T. 1. Bratislava, 1959.
- SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého. Sv. 1–40. Praha, 1958–1971.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. T. 1–5. Ljubljana, 1970–1975.
- SSN — Slovník slovenských narečí / Ved. red. I. Pipka. Bratislava, 1994.
- SŠ — *Schuster-Šewc A.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bd 1–5. Bautzen, 1978–1995.
- ŠR — Školski rječnik bosanskog jezika. Sarajevo, 1999.
- Sychta — *Sychta V.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967.
- Tominec — *Tominec J.* Črnovrški dialekt. Ljubljana, 1964.
- Tornow — *Tornow S.* Burgenlandkroatisches Dialektwörterbuch. Berlin, 1989.
- Turčić — *Turčić.* Sedmoškojani prvi čakavski rječnik. Rijeka, 2002.
- Zel — *Zelenin D.* Russische (ostslawische) Volkskunde. B. — Leipzig. W de Gruiter, 1927.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Муллонен И. И. (Карельский научный центр РАН). Типы языковых состояний в истории Заонежья</i>	5
<i>Моргенштерн У. (Гамбург) «Великолукский скобарь» и его восточные соседи (этническая и этномузикальная идентичность)</i>	16
<i>Черепанова О. А. (С.-Петербург. гос. ун-т). Челнок деда Мазая в пучине культурной памяти</i>	59
<i>Королькова В. А. (Смоленский гос. ун-т). Семантическая структура диалектных наименований картофельных блюд (на материале смоленских говоров)</i>	65
<i>Лунькова Е. С. (Смоленский гос. ун-т). Опыт описания частной морфемной модели в смоленских говорах</i>	75
<i>Попова А. Р. (Орловский гос. ун-т). Фразеологизмы с компонентом рука в севернорусских говорах</i>	86
<i>Пурицкая Е. В. (С.-Петербург. гос. ун-т). Внутренняя форма речевых глаголов в псковских говорах: народные образы языка</i>	98
<i>Мокиенко В. М. (С.-Петербург. гос. ун-т), Никитина Т. Г. (Псковский пед. ун-т). Опыт тезаурусной диалектографии: Большой словарь русских поговорок</i>	110
<i>Фелицына В. П. (Ин-т лингвистических исследований РАН). По одежке протягивай ножки</i>	124
<i>Колесов В. В. (С.-Петербург. гос. ун-т). Гендерные заметки по древнерусским текстам</i>	131
<i>Щёкин А. С. (С.-Петербург. гос. ун-т). Отражение одной древнерусской морфологической особенности в новгородском рукописном сборнике XV века (РНБ Соф. собр. № 1285)</i>	138
<i>Герд А. С. (С.-Петербург. гос. ун-т). Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (С-Я)</i>	144
<i>Николаев И. С. (С.-Петербург. гос. ун-т). Об отражении диалектных особенностей в записях ижорских эпических песен</i>	177
<i>Гусева Е. Р. (Петрозаводский гос. ун-т). Союзы с <i>b</i>-партикулой в севернорусских говорах</i>	183
<i>Михайлова Л. П. (Петрозаводский гос. ун-т). О слове <i>бузборок</i> и его родственных связях</i>	205
Сокращения	210

Научное издание

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Выпуск 10

Межвузовский сборник

Редактор *Е. Е. Жирнова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Корректор *Е. В. Величкина*

Верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать 25.06.2009. Формат 60 × 84¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство СПбГУ. 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21.

Тел./факс (812)328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: izdat-spbgu@mail.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.